THE PENGUIN HISTORY OF THE WORLD

МИРОВАЯ ИСТОРИЯ

Дж.М. РОБЕРТС
О.А. УЭСТАД

ЗНАКОВОЕ КУЛЬТУРНОЕ СОБЫТИЕ.
ВСЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ЕЕ ВЕЛИЧИИ
И БЛЕСКЕ, ТРАГИЧНОСТИ И БЕЗРАССУДСТВЕ,
ИЗЛОЖЕННАЯ В ОДНОЙ
АВТОРИТЕТНОЙ КНИГЕ.
goodreads.com

НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР.
The Observer

Джон Робертс

Мировая история

«Центрполиграф»
2004

УДК 94
ББК 63.3

Робертс Д. М.

Мировая история / Д. М. Робертс — «Центрполиграф», 2004

ISBN 978-5-227-08258-9

Эпохальный труд знаменитых английских ученых представляет собой не только настоящий кладезь сведений и бесчисленных фактов на основе огромной источниковедческой базы. Принципиальная новизна авторской концепции в том, что из тьмы этих фактов и событий особо выделены ключевые, наиболее значимые, поворотные моменты истории человечества от самого его зарождения до настоящего времени. Именно такой взгляд на предмет исследования заставляет даже самого неискушенного читателя понять, как связаны прошлое, настоящее и будущее и откуда взялся мир, в котором мы живем сегодня.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-227-08258-9

© Робертс Д. М., 2004
© Центрполиграф, 2004

Содержание

Предисловие 6
Книга первая 9
1 11
2 24
3 35
Книга вторая 44
1 45
2 51
3 65
4 82
5 102
Конец ознакомительного фрагмента. 107

Дж. М. Робертс, О.А. Уэстад
Мировая история

Copyright © J.M. Roberts, 1976, 1980, 1992, 2002, 2004
Revisions copyright © O.A. Westad, 2007, 2013
© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

* * *

Предисловие

Джон Робертс принадлежал к разряду выдающихся историков, а его однотомный учебник всемирной истории можно назвать первым такого рода трудом, вышедшим на английском языке. Когда я еще подростком из небольшого города в первый раз прочитал этот учебник, меня поразил объем заключенных в нем знаний: Дж. Робертс не просто излагает историю человечества, он рассказывает ее читателю; он предлагает величественный эскиз развития человека, разбирается в неожиданных поворотах судьбы, во внезапных отходах от основного направления, во всем требующем особого объяснения уже потому, что не согласуется с происходившим прежде. Он верит, причем глубоко, в способности человека к проведению преобразований. При этом никогда не представлял историю вещью целесообразной, никогда не утверждал, будто какое-то событие нашей истории указывает на один-единственный возможный исход. Дж. Робертс понимает всю сложность истории. При этом он излагает ее незамысловатым языком так, чтобы наиболее широкому слою людей представился шанс поразмышлять над тем, откуда взялся мир, в котором мы живем сегодня. Короче говоря, он представлял собой образец историка, с которого я хотел бы брать пример.

Мне очень польстило, когда много лет спустя из издательства «Пингвин» поступило предложение попробовать полностью переделать текст для шестого издания шедевра Дж. Робертса. В 2007-м, после того как Джон Робертс умер, я написал дополнение к пятому изданию: задача оказалась для меня очень сложной, так как работа состояла в добавлении мелких фрагментов текста к незаконченному варианту переделанного учебника, который сам автор составил как раз к моменту своей кончины в 2003 году. По этой причине мне пришлось взяться за написание полностью исправленного варианта книги, который, оставаясь предельно отражающим намерения автора, послужил бы продвижению наших знаний истории в направлениях, о которых Дж. Робертс не мог знать, когда занимался своим трудом. Поэтому произведение, которое вы читаете теперь, представляет собой нечто большее, чем доработанное издание, переработанный текст основан на новых знаниях и новых толкованиях событий. Надеюсь, вы признаете его новой книгой по всемирной истории, предназначенной для читателей нового века.

Оригинальное издание данной книги появилось в 1976 году, а работу над ним Дж. Робертс начал в конце 1960-х годов. Оно получило благоприятные отзывы и в Великобритании, и в Соединенных Штатах Америки, и уже тогда кое-кто из авторов рецензий назвал его «шедевром» и «непревзойденным трудом по всемирной истории нашего времени». Нашлись и те, кто назвал этот труд слишком «наукообразным» для более широкой аудитории (один рецензент даже признался, что он «чересчур сложен» для его студентов младших курсов). Другие историки подвергли его критике – в соответствии с веяниями того времени – за чрезмерную «элитарность» или непомерную сосредоточенность на возвышении Запада. Но основная читающая публика высоко оценила достоинства Дж. Робертса как мастера синтеза и композиции; его книга с самого начала стала бестселлером, и с тех пор куплено больше полумиллиона ее экземпляров. Как раз читатели, а не рецензенты, выбрали этот труд самым популярным на сегодняшний день печатным исследованием всемирной истории. Джон Робертс продолжал перерабатывать свою книгу на протяжении нескольких этапов развития историографии в Великобритании, где он жил и трудился. Его собственные воззрения значительных изменений не претерпели, хотя в тексте можно отметить явные следы доработки. Все больше внимания он обращал на историю мира за пределами Европы, так же как на начало современной эпохи (и особенно на XVI век). В пожилом возрасте Дж. Робертса, похоже, больше, чем в молодые годы, стали занимать проблемы культурного различия и неоднозначные события истории. Однако

фундаментальными изменениями все это назвать трудно, ведь львиная доля текста между первым и пятым выпусками осталась нетронутой.

Переработка текста, заслужившего всеобщее восхищение, предусматривает постоянное (и очень тактичное) общение с его автором. Мы с Дж. Робертсом были единодушны практически по всем подходам к истории: общему необходимо отдавать приоритет относительно частного, а исторические процессы, продолжающие оказывать воздействие на нас сегодня, имеют большее значение, чем те, которые этого не делают (даже если они видятся важными в свое собственное время). Робертс так сформулировал свой подход к исторической науке: «С самого начала я стремился осознать, а где же можно вычленить элементы всеобщего влияния, оказавшие широчайшее и глубочайшее воздействие на судьбы народов. Не собирать же сызнова архивы традиционно важных событий! Я старался опускать подробности и вместо них освещать важнейшие исторические процессы, которые затронули судьбы наибольших масс народа, произвели существенное наследие для грядущих его поколений, чтобы показать их сравнительный масштаб и отношения одних с другими. Я не стремился составлять хронометраж истории всех ведущих стран или всех сфер человеческой деятельности. Я полагал, что место для исчерпывающего описания фактов прошлого находится в энциклопедии… Я старался обратить внимание читателя на проблемы, представляющие большую важность, а не те, о которых мы уже прекрасно знали. На Людовике XIV, при всей его знаменитости в истории Франции и Европы, поэтому можно остановиться покороче, чем, скажем, на китайской революции».

Общее, определяющее, существенное… Именно эти понятия служили ключевыми аспектами всемирной истории Дж. Робертса, и я надеюсь, что мне удалось их сохранить в центре внимания не в меньшей степени, чем это сделал он. Когда у нас возникали разногласия (чаще всего вызванные новыми приобретениями в нашем понимании истории), беседа превращалась в обмен противоположными мнениями, и тогда я обычно настаивал на своем (хотя иногда он тоже одерживал верх в силу откровенного упрямства). Например, мы оба полагали, что развитие всемирной истории в период с XVI до XX века проходило при полном господстве возвышающегося Запада. Разногласия между нами, однако, возникали относительно корней этого «великого ускорения»: Дж. Робертс считал, что значительная их часть уходит глубоко в прошлое, в древность, в то время как я нахожу их главные ответвления гораздо ближе к поверхности – в середине 2-го тысячелетия н. э. Практические же последствия для текста такого частного несогласия представляются совсем несущественными: моя доработка разделов Дж. Робертса, посвященных Греции и Риму, не подверглась влиянию того, согласен ли я или нет с тем, что господство европейских обществ в XIX веке было вызвано событиями, происходившими в античные времена.

Внесенные мною радикальные изменения для шестого издания коснулись следующих разделов: я переписал некоторые абзацы Книги первой ради включения видных открытий в археологической и антропологической сфере знаний, посвященной заре человеческой жизни на земле, совершенных за последнее десятилетие. Мне пришлось расширить повествование об Индии и Китае в Книгах второй – четвертой. Я добавил новые сведения о главных маршрутах переселения народов в Книгах четвертой и шестой, а также переписал рассуждения по поводу Центральной Евразии, древнего ислама и Византийской империи позднего периода. А исторический очерк, посвященный науке, технике и экономическим вопросам в Книгах седьмой и восьмой, удалось существенно расширить. Наконец, я подробнее осветил представление об общественной и культурной роли женщин и молодых людей, где оно на самом деле просилось. И сделал это на основе самых современных знаний. Совершенно не приходится сомневаться в том, что историческая наука будет постоянно обогащаться новыми толкованиями и новыми знаниями, причем вполне возможно, что теперь более высокими темпами, чем оно происходило в прошлом (история, как говорится, представляется совсем не тем, чем она была раньше). Но многие непререкаемые истины остаются в качестве великих объединяющих

принципов истории человечества. Мы с Дж. Робертсом едины во мнении, например, о том, что обмены и взаимодействие между человеческими культурами по большому счету играли роль более важную, чем враждебность между ними, и что такое положение вещей, скорее всего, сохранится в будущем. Приведу здесь еще одну мысль Дж. Робертса: «Нам постоянно предлагают чье-то толкование смысла известных всем событий. Например, последнее время все только и слышат, что о столкновении цивилизаций, которое якобы уже идет, или мир к нему движется. Появлению такого предположения, разумеется, в огромной степени поспособствовало свежее заблуждение по поводу существовавшего всегда отличия и вновь обретенного за последние несколько десятилетий возмущения исламского мира. Я обозначил свои собственные причины для опровержения такого воззрения… как не соответствующего действительности и пропитанного чрезмерным пессимизмом. Однако все единодушно признают, разумеется, существование сразу нескольких источников напряженности в отношениях между тем, что огульно называется «Западом», и многими исламскими сообществами. Как сознательно, так и бессознательно, а иногда даже совсем не преднамеренно, пагубное влияние с Запада в настоящее время разрушает основные традиции народов и пагубно сказывается на их существовании. Среди них традиции ислама, складывавшиеся на протяжении нескольких столетий (понятие «глобализации» как таковое совсем не следует рассматривать как изобретение последних нескольких лет)».

Джон Робертс попытался представить свою книгу инструментом осознания того, как взаимодействовали целые народы и отдельные люди, а также как такие взаимодействия обусловили смысл и значение всегда предполагающих многообразие результатов. Я надеюсь, что мое переработанное издание послужит той же самой цели. Если изучение истории приобретет смысл для как можно большего числа читателей, тогда можно будет говорить не только о ближайшей, но и удаленной перспективе человечества, рассчитывая на бесконечность человеческого потенциала с точки зрения готовности его к переменам.

Профессор О.А. Уэстад, июль 2012 года

Книга первая
Доисторические времена

Когда начинается история человечества? Так и хочется ответить «с самого ее начала», но известно, что и все прочие простые ответы на сложные вопросы в скором времени оказываются не соответствующими действительности. Как однажды высказался один великий швейцарский историк по другому поводу, история представляет собой как раз тот предмет, приступить к разговору о котором с его начала невозможно. Мы можем проследить цепочку человеческих предков до появления на Земле позвоночных животных или даже до фотосинтезирующих клеток и прочих примитивных организмов, с которых началась жизнь как таковая. Можно вернуться еще дальше в прошлое к практически невообразимым событиям, когда появилась наша планета, и даже к происхождению самой Вселенной. Но это еще не «история».

Тут нам поможет здравый смысл: история представляет собой сказание о человечестве, о том, что оно сотворило, пережило или чему порадовалось. Все мы знаем о том, что собаки и кошки не сподобились обзавестись историей, а людям это удалось. Даже когда историки пишут о естественных процессах, находящихся за пределами воли человека, таких как планетарное потепление или похолодание, а также распространение заболеваний, они делают это исключительно ради того, чтобы помочь нам понять, почему мужчины и женщины жили (и умирали) именно так, а не иначе.

Другими словами, нам предстоит всего лишь определить момент, в который первые люди вышли из тьмы далекого прошлого на свет божий. Но сделать это совсем не так просто, как кажется. Во-первых, необходимо определиться с тем, что мы ищем, однако практически все попытки выделить человечество с опорой на внешние особенности в конечном счете оказались субъективными и ущербными из-за неопровержимых аргументов по поводу «обезьяночеловека» и «утраченных звеньев эволюции». С помощью физиологических анализов удалось как-то классифицировать накопленные сведения, однако определить, что можно считать человеком, а что нет, не удалось. Некоторые ученые высказывали предположение о том, что исключительность человека заключается во владении им членораздельным языком, хотя приматы располагают речевым аппаратом, ничем не отличающимся от нашего собственного; когда производятся звуки, означающие смысловые сигналы, в какой момент они становятся речью? Еще одно знаменитое определение состоит в том, что человек умеет изготавливать орудия труда. Однако в ходе наблюдений возникли сомнения по поводу нашей исключительности в этом отношении, причем после того, как доктор Джонсон высмеивал Босвелла, приводившего ему такой аргумент.

Безоговорочно единственным в своем роде и убедительным признаком человеческих особей следует считать совсем не обладание ими определенными способностями или физическими чертами, а то, как они ими пользовались. Вот здесь-то как раз и начинается наша история. Неоспоримым достижением человечества можно считать его исключительно активную деятельность и творчество, его совокупную способность к осуществлению перемен. У всех животных сложился свой собственный стиль жизни, даже достаточно сложный подчас, чтобы назвать его некоей культурой. Но только человеческая культура находится в постоянном развитии; объем ее наращивался через сознательный отбор и селекцию внутри общины, а также в силу случайных и естественных факторов, через накопление массива жизненного опыта и знаний, всегда ставившихся на службу человека. Человеческая история началась, когда впервые произошел сознательный прорыв генетического и поведенческого наследия, которое до тех пор обеспечивало единственный путь выживания в складывавшихся условиях. Понятно, что разумные люди творили свою историю в четко заданных пределах.

Эти пределы в настоящее время выглядят на самом деле весьма широкими, но когда-то они были настолько узкими, что представляется невозможным определить первый шаг, уведший развитие человечества за рамки, определяемые естественной природой. Долгое время у нас сохранялось совсем смутное представление о давнем прошлом, непроглядное потому, что мы располагали весьма разрозненными свидетельствами, с одной стороны, и не знали точно, что нам вообще следует искать.

1
Первоосновы

Корни истории тянутся в древность, когда человек еще не появился, и трудно (но крайне важно) понять, насколько давно это было. Если представить себе век нашего календаря в виде минуты на циферблате громадных часов, отсчитывающих ход времени, то получится так, что европейцы начали осваивать обе Америки всего лишь около пяти минут тому назад. Чуть раньше, чем за четверть часа до этого возникло христианство. За час с небольшим люди обосновались в Южной Месопотамии, и этот народ в скором времени создал старейшую на земле известную нам цивилизацию. Она существовала задолго до самого древнего письменного документа; судя по нашим часам, люди приступили к регистрации на письме прошлого тоже намного меньше чем час назад. Где-то часов через шесть или семь и гораздо дальше можно рассмотреть первых узнаваемых людей современного физиологического типа, уже сформировавшегося в Западной Европе. Перед ними, приблизительно на две или три недели раньше, появляются первые следы созданий с некоторыми человеческими признаками, чей вклад в последующую эволюцию рода людского все еще вызывает сомнения.

Насколько глубже в сгущающийся мрак нам стоит погрузиться ради того, чтобы понять происхождение человека, однозначного ответа все еще не существует. Но все-таки стоит задуматься на минутку о еще больших промежутках времени только потому, что на их протяжении произошло очень многое, пусть даже не поддающееся точному объяснению, но определившее контуры всего последующего. Ведь получается, что человечеству предстояло перенести в исторические времена конкретные возможности и их пределы, причем в прошлое, гораздо более далекое, чем тот 41 миллион лет или около того, когда совершенно определенно существовали живые существа, обладавшие как минимум некоторыми признаками человеческих особенностей. Притом что нас это непосредственно не касается, нам придется попытаться понять, что представляли собой преимущества и недостатки, с которыми люди появились среди приматов в качестве будущих творцов перемен. Формирование практически всех физических и большей части умственных способностей, принимаемых нами как данность, к тому времени уже обозначилось: одни возможности исключались, а другие сохранялись. Решающим процессом следует назвать саму эволюцию человеческих созданий как отдельной ветви среди приматов, так как на данной развилке их рода мы начинаем искать пункт, где обнаруживаются истоки нашей истории. Именно здесь можно надеяться найти первые признаки того настоящего, сознательного воздействия на природную среду, знаменующие собой первую стадию человеческих достижений.

Основой истории человечества стала сама земля. По изменениям, запечатленным в окаменелых останках растений и животных, в географических очертаниях и геологических пластах, можно прочитать поэму драматического масштаба, разворачивающуюся на протяжении сотен миллионов лет. За эти сотни миллионов лет образ нашего мира множество раз менялся до неузнаваемости. Огромные материковые образования то сходились, то расходились, море то наступало на сушу, то отступало от нее, периодически огромные территории покрывали давно исчезнувшие растения. Появлялись и размножались на земле многочисленные разновидности растений и животных. Теперь от них практически ничего не осталось. Однако все эти «драматические» события происходили для человека невообразимо медлительно. Некоторые на протяжении миллионов лет. И даже самые стремительные процессы потребовали столетий. Обитавшие в такие периоды животные не могли их ощущать точно так же, как бабочка в XX веке за свои три недели или около того жизни не способна почувствовать смену времен года. Как бы то ни было, на земле обретало свои черты разнообразие сред обитания, обеспечивающее суще-

ствование многообразных живых существ. Причем биологическое развитие двигалось вперед немыслимо медлительно.

Главным определяющим фактором перемен следует назвать климат. Приблизительно 65 миллионов лет назад (с этого достаточно удаленного времени ученые пытаются начать отсчет нашей исторической эпопеи) начинается закат продолжительной теплой климатической фазы. В то время существовали благоприятные условия для огромных рептилий, и тогда же Антарктида откололась от Австралии. Никаких ледовых полей в то время нигде на нашей планете еще не появлялось. Постепенно происходило охлаждение атмосферы, и новые климатические условия не подходили для жизни крупных рептилий, неспособных к ним приспособиться. Однако существует предположение о том, что все произошло внезапно, например, в результате столкновения с гигантским астероидом, в результате чего все эти рептилии мгновенно погибли. Однако новые условия подошли другим видам животных, в том числе млекопитающим, уже тогда существовавшим наряду с гигантскими рептилиями, крошечные предки которых появились приблизительно 200 миллионов лет назад. Теперь они унаследовали землю или значительную ее часть. Пережив многочисленные срывы и случайности в ходе селекции, эти виды смогли самостоятельно развиться в млекопитающих, заселивших наш мир. К ним относимся и мы сами.

В примитивном виде магистральные пути такой эволюции на протяжении миллионов лет с большой вероятностью определялись астрономическими циклами и несколькими случайными событиями, такими как извержения крупных вулканов или столкновения с астероидами. Главным фактором выступал климат, менявшийся из-за положения Земли относительно Солнца или краткосрочных обстоятельств. Просматривается появление громадного шаблона периодических температурных сдвигов. Их крайности в форме радикального похолодания, с одной стороны, и засухи, с другой, послужили преградой на пути некоторых возможных направлений развития жизни на земле. Вместе с тем в другие времена и в других местах возникновение достаточно благоприятных условий обеспечило появление некоторых разновидностей живых существ, расплодившихся и освоивших новые среды обитания. Единственный важный период этого предельно затянувшегося процесса, который должен нас заинтересовать, наступил совсем недавно (в доисторической перспективе): без малого 4 миллиона лет назад. Потом начался период изменений климата, который, как мы считаем, протекал стремительнее и интенсивнее, чем все остальные наблюдавшиеся в предыдущие времена. «Стремительнее», следует снова напомнить, понятие относительное; эти изменения протекали десятки тысяч лет. Такой ход перемен тем не менее отличается от существовавших на протяжении миллионов лет намного более устойчивых условий, которые складывались в прошлом.

Ученые давно говорят о «ледниковых периодах», длившихся от 50 до 100 тысяч лет, когда обширные области Северного полушария (в том числе почти вся Европа и Америка до современного Нью-Йорка) покрылись льдом, толщина слоя которого превышала полтора километра. На текущий момент они обнаружили где-то 17–19 (точное число служит предметом спора) таких «континентальных оледенений», причем первое из них относят в прошлое на 3 с лишним миллиона лет. Мы живем в теплый период, наступивший после последнего из обледенений, закончившегося приблизительно 10 тысяч лет назад. Доказательства этих обледенений и их последствий в наше время легко обнаружить на всех океанах и континентах, на их основе и составляется доисторическая хронология. К внешней шкале ледниковых периодов вполне можно привязать ориентиры эволюции человечества.

Ледниковые периоды облегчают понимание того, как климат служил определяющим фактором жизни и ее эволюции в доисторические времена. Однако упор на их определяющее прямое воздействие представляется ошибочным. Никто не спорит о том, что медленное продвижение льдов играло решающую и зачастую судьбоносную роль для всего, лежащего на их пути. Многие из нас до сих пор живут в местах, ландшафт которых отутюжен и изрыт ими сотни

тысяч лет назад. Мощные подтопления, возникшие вслед за отступлением льда по мере его таяния, должны были вызвать катастрофические последствия местного масштаба, уничтожая среду обитания существ, как-то приспособившихся к суровым арктическим условиям. Одновременно они содействовали созданию новых возможностей для жизни. После каждого оледенения в районах, освободившихся в результате таяния льдов, получали распространение новые биологические виды. Однако можно предположить, еще большую важность для глобальной истории эволюции ледники представляли за пределами областей, непосредственно покрытых ими.

Изменения окружающей среды вслед за похолоданием и потеплением происходили за тысячи километров от самого ледника, и их последствия становились определяющим фактором. И процесс постепенного высыхания почвы в связи с климатическими изменениями, и распространение лугов, например, соответственно определили возможности распространения на новые территории видов, особенно тех, что могли стоять прямо и передвигаться на двух ногах. Некоторые из тех видов сыграли свою роль в эволюции человека, а все самые важные стадии этой эволюции, выделенные на текущий момент, происходили в Африке, которой обледенение совершенно не коснулось.

Климат и сегодня все еще может служить очень важным объяснением бедствий, вызванных засухой. Но такие воздействия, даже когда они затрагивают судьбы миллионов людей, не способны привести к таким фундаментальным последствиям, как медленное преобразование самой географии мира и снабжение продовольствием всего живого, которое климат обусловливал в доисторический период. До самого последнего времени климатическими условиями определялось, где и как жили люди. При этом на первый план выходило владение техническими приемами (не потеряли они своего значения и в наши дни). Овладение в древности необходимыми навыками, такими, например, как рыбная ловля или добывание огня, позволяло отдельным человеческим родам осваивать новую окружающую среду. Возможность собирать разнообразные пригодные для еды растения в местах собственного проживания позволяла разнообразить питание и, в конечном счете, перейти от собирательства растений к охоте на животных, а потом и к их разведению. Тем не менее задолго до ледниковых периодов и до появления существ, из которых предстояло развиться человечеству, климат подготавливал для этого почву, и тем самым через селекцию формировалась генетическая наследственность самого человечества.

Прежде чем обратиться к по-прежнему немногочисленному (но неуклонно обогащающемуся) набору доказательств, полезно еще раз оглянуться на далекое прошлое. 100 миллионов или около того лет назад примитивные млекопитающие делились на два главных вида. Одни из них – мышевидные – оставались на земле; другие поселились на деревьях. Таким образом ослабла борьба за жизненные ресурсы, и представители каждого вида выжили, чтобы населить наш мир существами, которых мы знаем сегодня. Ко второй группе относятся ранние приматы (просимианы – полуобезьяны). Мы являемся их потомками, ведь они считаются предками первых приматов.

Не стоит чересчур увлекаться разговором о «предках» в каком-то, кроме самого общего, смысле. Между просимианами и нами миллионы поколений и многочисленные тупиковые пути эволюции. Главное состоит в том, что наши самые дальние известные предки жили на деревьях потому, что выжившими на следующем этапе эволюции числятся генетические виды, удачнее всего приспособленные к опасностям леса. В таких условиях скорее выживал тот, кто обладал способностью к познанию. Выжили те, чья генетическая наследственность реагировала на неожиданности, внезапную угрозу глубокой тени, путаные зрительные образы и коварные зацепы, а также приспосабливалась к ним. Виды, склонные пасть жертвами при таких обстоятельствах, прекратили свое существование. Среди тех, кто чувствовал себя надежно (с точки зрения генетики), отметим некоторых представителей биологического вида с длинными

пальцами, которые впоследствии развились в кисти рук с оттопыренным в сторону большим пальцем, а также человекообразных обезьян, уже переживавших эволюцию в направлении приобретения стереоскопического зрения и притупления обоняния.

Прочеловекообразных обезьян следует отнести к мелким животным. Обыкновенные тупайи все еще существуют, и по ним можно составить некоторое представление о том, как выглядели эти обезьяны; они были далеко уже не обезьянами, но еще и не людьми. Все же миллионы лет они несли в себе черты, сделавшие возможным появление человека. На протяжении всего этого периода на их эволюцию существенное влияние оказывал географический ареал обитания, который регулировал контакты между различными видами, иногда совершенно изолируя их и таким образом обостряя различия.

Изменения происходили достаточно медленно, но, скорее всего, как раз фрагментация среды обитания стала причиной изоляции зон, в которых мало-помалу появились узнаваемые предки многих современных млекопитающих. Среди них находим первых классических обезьян и человекообразных обезьян. Появились они не раньше 60 миллионов лет тому назад или около того.

Появление этих классических и человекообразных обезьян ознаменовало огромный эволюционный прорыв. У представителей обеих семей отмечалась повышенная гибкость конечностей, подходящая для совершения осмысленной работы, недоступная любому из их предшественников. Среди них начали развиваться особи, отличавшиеся размером или акробатическими способностями. Физиологическая и психологическая эволюция в этом случае просматривается с трудом. Как и развитие более острого и стереоскопического зрения, наращивание управляемых хватательных способностей должно было подразумевать эволюцию сознания. Вероятно, некоторые из этих существ могли различить цвета. Мозг первых приматов выглядел уже намного сложнее, чем мозг любого из их предшественников; к тому же он был больше по объему. В какой-то момент мозг одного или нескольких этих видов стал достаточно сложным, а физические силы животного достаточно развились для того, чтобы пересечь линию, за которой мир как масса неопределенных ощущений как минимум частично становится миром объектов. Как только такое случилось, был сделан решающий шаг к освоению мира, вместо того чтобы механически реагировать на него.

Приблизительно 25 или 30 миллионов лет назад, когда в результате засухи стали сокращаться области лесов, соревнование за уменьшившиеся лесные ресурсы стало более жестоким. Возможность для жизни пришлось искать там, где леса переходили в степи. Некоторые приматы, недостаточно сильные, чтобы оставаться в своих лесных домах, смогли в поисках еды в силу определенных генетических особенностей переселиться в саванны и приспособиться к жизни там, справившись с трудностями и воспользовавшись открывшимися возможностями. Вероятно, осанка и движения у них больше напоминали человеческие, чем, скажем, у горилл или шимпанзе. Привычное вертикальное положение тела при ходьбе на двух ногах позволяло им переносить тяжести, в том числе еду. При этом появилась возможность использовать опасное открытое пространство саванны и ее ресурсы, которые собирали, чтобы потом переправить к безопасному стойбищу. Практически все животные поглощают добытую еду там же, где ее находят; человек же поступает иначе. Так как при ходьбе передние конечности оставались свободными, их можно было использовать наряду с дракой для других целей. Нам не дано знать, каким был первый «инструмент», но, как и человек, приматы замечены в том, что подбирают предметы, подворачивающиеся под руку, и размахивают ими как средством устрашения, используют их в качестве оружия или с их помощью ищут и раскапывают потенциальные источники еды.

Следующий шаг эволюции выглядит предельно внушительным, так как ведет нас к первому указанию на появление биологической семьи, к которой принадлежат и человек, и человекообразные обезьяны. Имеющиеся данные фрагментарны, зато служат свидетельством того,

что приблизительно 15 или 16 миллионов лет назад весьма успешная разновидность приматов широко распространилась по всей Африке, Европе и Азии. Вероятно, они обитали на деревьях, некоторые представители были невелики ростом и весили приблизительно 18 килограммов. К сожалению, имеющиеся свидетельства их существования указывают на его конечность во времени. У нас отсутствуют сведения об их прямых предках или потомках, зато своего рода развилка на пути эволюции приматов явно просматривается в судьбе их более поздних родственников, часто называемых гоминидами, появившихся приблизительно 5 миллионов лет назад. В то время как одно ответвление должно было привести к появлению человекообразных обезьян и шимпанзе, другое ответвление привело к формированию людей. Этот род назвали гоминины. Похоже, что процесс разделения этих групп шел относительно медленно, растянулся на миллионы лет, с эпизодами межпородного скрещивания. В течение того времени большие геологические и географические изменения должны были оказывать благоприятное или пагубное влияние на появление новых эволюционных моделей.

Древнейшие дошедшие до нас окаменелые останки принадлежат особям, вполне возможно, послужившим предками мелким гоминидам, которые впоследствии широко распространились на просторах Юго-Восточной Африки после продолжительного периода потрясений. Их относят к семейству, в настоящее время называемому *австралопитеки*. Возраст древнейших осколков их окаменевших останков оценивается старше 4 миллионов лет, однако древнейший уцелевший череп и почти что полный скелет, обнаруженный рядом с Йоханнесбургом в 1998 году, считается как минимум на полмиллиона лет их моложе. Такой возраст не намного (с учетом громадных отрезков времени и приблизительности доисторической хронологии) отличается от датирования Люси, прежде числившейся самым полным скелетом обнаруженного (в Эфиопии) австралопитека. Останки остальных разновидностей «представителей австралопитеков» (как их обычно называют), обнаруженных на большой территории от Кении до Трансвааля, можно отнести по времени к различным периодам на протяжении следующих 2 миллионов лет, и они оказали громадное влияние на формирование археологических воззрений. После 1970 года, благодаря обнаружению останков представителей семейства австралопитеков, период времени происхождения человека продлили еще на 3 миллиона лет. С ним до сих пор не все ясно, и поэтому среди ученых продолжаются споры. Но если у человеческих видов обнаружится общий предок, то он явно будет принадлежать к особям данного класса. Однако с обнаружением австралопитека и тех остальных особей, которых в отсутствие более подходящих терминов нам приходится называть его «современниками», впервые во всей ее сложности встала проблема различения классических, человекообразных обезьян и других существ, обладающих некоторыми человеческими признаками. На возникающие вопросы с течением времени все труднее находить достойные ответы. Ясная картина все никак не складывается, зато постоянно следуют новые открытия.

Собраны практически все сведения об австралопитеке. При этом так получается, что жил он в одно и то же время с некоторыми относящимися к австралопитекам другими разновидностями, больше похожими на человека существами, которым дали родовое имя *гомо*. Несомненно, что гомо относится к австралопитекам, но этот класс сначала совершенно определенно появился 2 миллиона лет назад на определенных африканских территориях; останки, приписываемые возможным предкам, однако, с помощью радиоактивного анализа были датированы приблизительно 1,5 миллиона лет до этого времени.

И если специалисты ведут спор и даже могут по-прежнему выдвигать предположения в этом плане, пока мы располагаем фрагментарными доказательствами (все, что дошло до нас с тех далеких времен, когда жили гоминиды и с которых прошло приблизительно 2 миллиона лет, можно разложить на большом обеденном столе), неспециалистам лучше категорически не высказываться. Тем не менее совершенно понятно, что у нас появились все основания с уверенностью судить о той степени, до которой некоторые особенности, позже наблюдаемые

у людей, уже проявлялись больше 2 миллионов лет назад. Нам известно, например, что кости ноги и стопы у представителей рода австралопитеков, пусть даже они были мельче современных людей, больше напоминали человеческие, чем обезьяньи. Мы знаем, что они ходили вертикально, а также обладали способностью бегать и переносить тяжести на большие расстояния, на что обезьяны не способны. Кончики пальцев их рук выглядели плоскими, что характерно только для кончиков пальцев людей.

Такие особенности свидетельствуют о значительном прогрессе на пути приобретения человеческого облика, пусть даже фактически наши разновидности принадлежат к иной ветви древа эволюции гоминида.

Именно древнейшему представителю класса гомо, и никому иному, мы обязаны появлением первых реликтовых инструментов. Использование инструментов человеком не ограничивается, но их изготовление долгое время считалось признаком принадлежности к человеку. Его изобретение считается важным шагом к добыванию пропитания из окружающей среды. Орудия труда, найденные на территории Эфиопии, считаются самыми древними из имеющихся в нашем распоряжении (им около 2,5 миллиона лет). И среди них имеются камни, грубо обработанные методом откалывания пластинок от гальки с образованием острого края. Эту гальку, похоже, часто брали с собой преднамеренно и, скорее всего, специально приносили на то место, где ее обрабатывали. Началось сознательное изготовление инструментов. Примитивные каменные рубила определенного типа более поздних времен обнаруживаются по всему Старому Свету доисторической поры. Около миллиона лет назад они широко применялись в долине реки Иордан. Из Африки начинает поступать поток предметов, которые можно считать самым масштабным массовым свидетельством о существовании там доисторического человека и его предшественников. Они к тому же стали главным источником информации об их распространении и особенностях культуры. На месте раскопок в ущелье Олдувай в Танзании обнаружены следы первого искусственного сооружения, представляющего собой нагромождение камней, возраст которого оценен в 1,9 миллиона лет. К тому же удалось обнаружить доказательства того, что его обитатели питались мясом. Этими доказательствами служат кости животных, разбитых, чтобы извлечь из них и употребить в пищу костный и головной мозг.

Находки в Олдувае послужили материалом для множества предположений. То, что древнейшие гоминины сносили камни и продовольствие в одно место, сочетается с остальными свидетельствами, служащими основанием для предположения о том, что их детеныши не выносили длительных путешествий за пропитанием со своими матерями, как это могли детеныши приматов. Вероятно, мы имеем дело с первым следом человеческого домашнего стойбища. Среди приматов только люди располагали такими местами, где постоянно находились самки с детенышами, пока самцы занимались поиском пропитания, которым снабжали. Такого рода стойбища служат намеком на неясные пока контуры распределения ролей в хозяйственной деятельности по половому признаку. В этой связи напрашивается вывод о возникновении определенной степени человеческой предусмотрительности и планирования будущего, ведь добытое пропитание самцы не употребляли сразу ради удовлетворения своего животного голода, а оставляли для своей семьи, находившейся совсем в другом месте. Промышляли ли гоминины охотой или обдирали плоть со скелетов падали (в настоящее время доподлинно известно о том, что представители рода австралопитеков падалью не брезговали) – это совсем другой вопрос, но в Олдувае мясо крупных животных не залеживалось и употреблялось в пищу весьма оперативно.

Впрочем, такие поражающие воображение факты остаются единичными свидетельствами образа жизни далекого прошлого. Они не могут служить неопровержимыми доказательствами того, что подобные стойбища в Восточной Африке являются типичными сооружениями, под защитой которых стало возможным появление человечества; мы узнали о них лишь в силу особых сложившихся там условий, которые обеспечивали выживание, а также последу-

ющего обнаружения останков древнейшего гоминина. При наличии такого рода свидетельств возникает соблазн без достаточных на то оснований отнести кое-кого из этих гомининов к прямым предкам человека; однако они едва ли могут претендовать на право считаться его предшественниками. Уверенно можно сказать только то, что эти существа отличались неоспоримыми эволюционными достижениями в той созидательной сфере, которые уже освоили люди, но не знали такие человекообразные существа, как питекантропы (или обезьяночеловеки). При этом совсем немногие ученые в наши дни решатся категорически отрицать то, что мы происходим непосредственно от гомо хабилис (человека умелого) – как первого древнего вида, которому приписывается применение орудий труда.

К тому же не составляет труда предположить, что изобретение стойбищ облегчает выживание биологических видов. Там они могли рассчитывать на отдых и восстановление сил, подорванных болезнями и травмами. Тем самым они одновременно оставались в стороне от процесса эволюции, основанного на отборе по физическим преимуществам. С учетом всех остальных их преимуществ можно объяснить, как проявления способностей гомо сапиенса смогли появиться и сохраниться на территории практически всех континентов в последующий миллион лет или около того. Однако нам доподлинно неизвестно, оставлены эти следы сознательной деятельности представителями распространившегося по планете одного вида гомо сапиенс или стали результатом того, что сходные создания появились в результате эволюции в разных местах. В целом же, однако, господствует мнение, что навыки изготовления орудий труда на территорию Азии и Индии (быть может, и Европы) принесли переселенцы из Восточной Африки. Появление и сохранение в настолько многочисленных местах этих гоминин должно служить показателем превосходных способностей адаптироваться к меняющимся условиям обитания. Но, в конечном счете, нам неизвестно, в чем состояла поведенческая тайна, с помощью которой внезапно (с точки зрения доисторических времен) возникли такие способности, позволившие им освоить пространства Африки и Азии. Ни одно другое млекопитающее не освоило таких просторов и не чувствовало на них себя вполне уютно до появления нашей собственной ветви человеческого рода, распространившегося по всем континентам, кроме Антарктиды. Такое достижение остается только за данным биологическим видом.

Новая, совершенно определенная ступень в эволюции человека ознаменовалась радикальным изменением его телосложения. После расхождения путей эволюции гоминин и человекообразных существ, произошедшего 5 с лишним миллионов лет назад, потребовалось меньше 2 миллионов лет на то, чтобы у одного из наиболее перспективных родов гоминин в два раза по сравнению с австралопитеками увеличился размер мозга. Один из наиболее важных этапов этого процесса, причем поворотный в эволюции человека, уже удалось пройти виду под названием человек прямоходящий (*Homo erectus*). Он заселил большие пространства и чувствовал себя на них уверенно на протяжении миллиона лет и к тому времени освоил территории Европы и Азии. Древнейшие особи этого вида, найденные к настоящему моменту, имеют возраст приблизительно полтора миллиона лет. Зато последние свидетельства его существования (из Индонезии) служат основанием для предположения, что он все еще жил 10–15 тысяч лет назад, то есть намного позже того, как наш собственный вид распространился практически по всей земле. Таким образом, человек прямоходящий успешно освоил гораздо более обширные территории с разнообразными природными условиями, чем предыдущие родственные ему виды, а также обитал на них дольше, чем человек разумный, числящийся предком современного человека. Многие признаки снова служат указанием на африканское происхождение человека прямоходящего и переселение его отсюда на территорию Европы и Азии (где впервые обнаружили его следы).

Кроме окаменелостей, представить себе ареал распространения новых разновидностей человекоподобных помогает выделенное особо орудие, обнаруживаемое в областях, до кото-

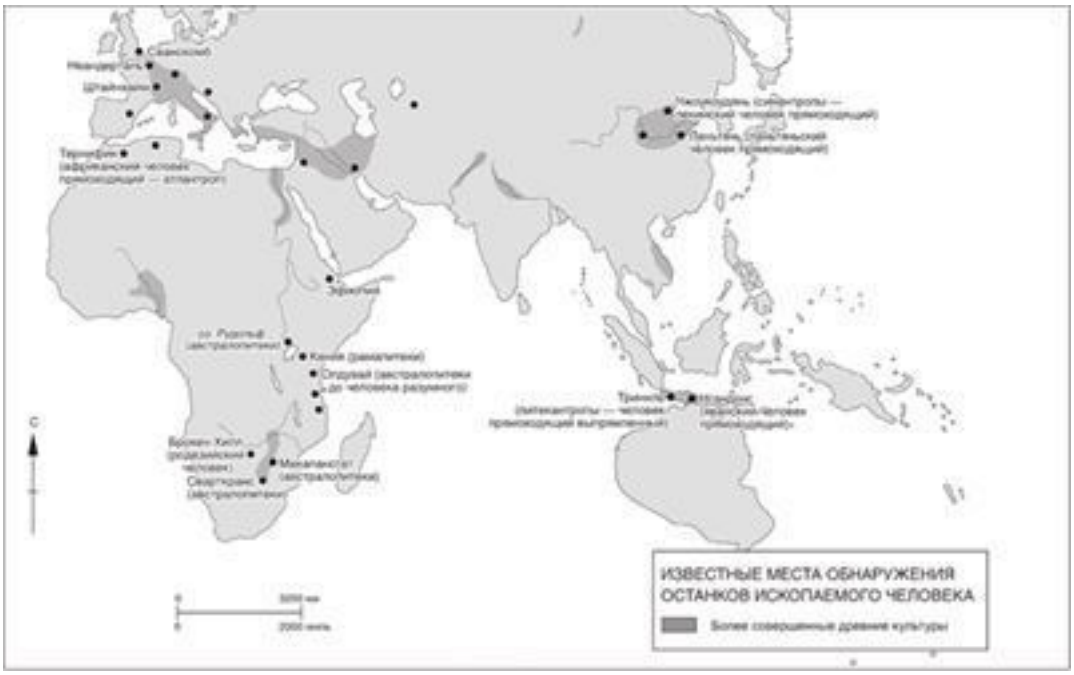
рых человек прямоходящий дошел, а также где вообще не ступала его нога. Это так называемое «рубило» из камня, главное предназначение которого видится в том, чтобы с его помощью сдирать шкуру с крупных животных и разделывать тушу (использование этого приспособления в качестве топора в обычном его виде с рукояткой представляется маловероятным, но название устоялось). Происхождение человека прямоходящего как результат генетических изменений в ученых кругах считается неоспоримым фактом.

Подвиды человека прямоходящего обитали на земле на протяжении очень продолжительного периода. И пусть совсем немногие ученые в настоящее время причисляют какой-либо из них (по крайней мере, подвиды, не относящиеся к африканской форме) к нашим прямым предкам, точная разделительная линия между ними и нами отсутствует. В доисторических временах она не обнаруживается, но данным фактом можно легко пренебречь или вообще забыть о нем. Притом что разнообразные подвиды человека прямоходящего, с которыми мы уже имели дело, представляют собой создания, осанка которых по сравнению с предшественниками существенно выправилась, их мозг по объему приблизился к мозгу современного человека. Невзирая на наши весьма скудные знания об организации их мозга, все-таки существует корреляция между объемом и интеллектом с поправкой на размер тела. Поэтому представляется разумным придание решающего значения в эволюции видам с большим мозгом, когда рассматривается вопрос о громадном превосходстве в этом деле медленного накопления человеческих качеств.

Более крупный мозг предусматривает как расширение навыков, так и прочие изменения. Увеличение утробного размера потребовало такого изменения таза самки, чтобы обеспечить рождение потомства с большой головой; а также более продолжительного периода роста после рождения, так как физиологическое развитие самки было недостаточным, чтобы обеспечить внутриутробное дозревание органов плода до физической годности. Человеческим детенышам после рождения требовалась длительная материнская забота. Затяжное пребывание в состоянии младенчества и полное вызревание в свою очередь подразумевали продолжительную зависимость от родителей. Только через сравнительно долгое время детеныши приобретали способность добывать себе пропитание. Как раз на период формирования древнейшего человека прямоходящего приходится продление допустимой инфантильности, нынешним проявлением которой можно назвать иждивенчество молодых людей, сидящих на шее общества на протяжении длительных периодов приобретения высшего образования.

Биологические изменения к тому же требовали обеспечить выживание разновидностей через выкармливание младенцев и заботу о них, содержавшуюся в средствах пеленания, необходимых в весьма большом количестве. При этом происходило дальнейшее и радикальное определение роли самцов и самок. Самки в основном стали заниматься вынашиванием и выхаживанием детенышей, тогда как добывание пропитания становилось делом все более сложным, требующим кропотливого и практически постоянного сотрудничества всех самцов рода. Вероятно, свою роль сыграло то, что крупным существам требовалось больше пропитания, причем более качественного, чем прежде. Значительные изменения должны были коснуться и сферы психологии человекообразных приматов. Сопутствующим обстоятельством нового в истории животного мира формирования индивидуума следует назвать затяжной период пребывания в состоянии младенчества. Возможно, оно усиливалось социальной ситуацией, в которой все большую важность приобретало обучение и углубление памяти ради овладения более сложными навыками. Где-то на данном этапе мы начинаем утрачивать понимание механизмов эволюции (если они на самом деле тогда существовали). Мы находимся рядом со сферой, в которой генетическое программирование гоминидов подверглось нарушению в силу процесса познания ими мира. Отсюда берут начало большие перемены, означавшие отход от животных физических способностей и переход к формированию собственной традиции и культуры, завершившиеся сознательным отношением к действительности. Так возник механизм эволюционной селекции, хотя нам не дано назвать место, где такое изменение произошло.

Еще одно важное психологическое изменение состоит в утрате самками гомининов такой особенности самок остальных животных, как эструс (или течка в период половой активности). Нам неизвестно, когда это произошло, но с того момента ритм половых сношений самок гомининов радикально отличается от такого ритма у остальных животных. Человек числится единственным животным на земле, полностью утратившим механизм эструса (ограничения периода привлекательности самки для самцов, в который она готова к совокуплению с ними). Между такой исключительностью и продлением периода младенчества у детенышей легко прослеживается эволюционная связь: если бы самки гомининов придерживались обычного жизненного распорядка, который у других животных определяется эструсом, то они не смогли бы уделять своим детенышам постоянного внимания (периодически оставляли бы их на произвол судьбы), без которого все потомство было бы обречено на гибель. Естественный отбор генетических видов, обходящихся без эструса, играет свою роль в выживании рода человеческого; без такого вида было не обойтись, хотя продолжительность процесса его появления должна была составить миллион или полтора миллиона лет, так как сознательная составляющая в нем присутствовать не могла.



Такое изменение сыграло радикальную роль в эволюции человека. С повышением привлекательности самок для самцов и их отзывчивости в спаривании значительно возрастает роль индивидуального выбора. Сам выбор партнера теперь в меньшей степени регулируется природными циклами; мы оказались на пороге протяженного и совсем неясного пути, ведущего к предположению о существовании любви между противоположными полами. Наряду с длительным младенческим иждивенчеством и новыми возможностями индивидуального выбора предусматривается устойчивая и постоянная семейная единица в составе отца, матери и потомков. И такое учреждение встречается только лишь в человеческом сообществе. Кое-кто даже ведет досужие рассуждения о том, что запреты на кровосмешение (получившие практически универсальное распространение, хотя точное их определение может воплощаться в различных вариантах) восходят к признанию опасностей, происходящих со стороны социально незрелых, но в половом отношении вполне созревших самцов, в течение длительных периодов времени пребывающих в тесном общении с самками, постоянно готовыми к совокуплению.

В таких вопросах лучше всего проявлять предельную осмотрительность. Имеющиеся свидетельства дают нам совсем немного знаний. Более того, они касаются очень протяженного отрезка времени, громадного исторического периода, в ходе которого происходила значительная эволюция в физической, психологической и технической сфере древнейшего человека. Древнейшие виды человека прямоходящего могли значительно отличаться от последних их видов, которых некоторые ученые отнесли к архаическим формам следующей стадии эволюции ветви гомининов. И все-таки в своих размышлениях все ученые соглашаются с общим предположением о том, что изменения у гомининов, выявленные, пока человек прямоходящий находился в центре нашего внимания, представляются особенно важными в определении тех направляющих, по которым шла эволюция человека. Он обладал невиданными до него способностями воздействовать на среду своего обитания, какими бы незначительными для его разума они ни казались для нас нынешних. Кроме рубил, служащих нам основанием строить предположения о сложившихся у них обычаях, поздние виды человека прямоходящего оставили нам древнейшие сохранившиеся следы рукотворных жилищ (хижин, иногда достигавших в длину 15 метров, построенных из веток деревьев с каменными плитками или шкурами на полу), обработанных кусками дерева, первого деревянного копья и самой первой емкости в виде деревянной миски. Способность к созиданию в таком масштабе служит явным намеком на новый уровень умственных возможностей, на наличие процесса осмысления предмета до его изготовления и определение возможных подходов к изготовлению. В повторении простых форм, треугольников, эллипсов и овалов, в огромных количествах образцов каменных инструментов просматривается настойчивая забота о том, чтобы произвести не просто утилитарные предметы, отвечающие определенной цели. Вероятно, эти первые практически безуспешные потуги имели эстетический смысл?

Величайшим доисторическим техническим и культурным достижением можно назвать овладение некоторыми из этих существ методами постоянного поддержания огня. До недавних пор древнейшее достоверное свидетельство о поддержании огня поступило из Китая и относится к периоду 300–500 тысяч лет назад. Однако в результате последних открытий в Трансваале получены доказательства, убедившие ряд ученых в том, что гоминины пользовались огнем задолго до упомянутого выше времени. Сохраняется уверенность в том, что человек прямоходящий так и не научился извлекать огонь и что даже его потомки еще долгое время не смогли овладеть этим навыком. Вместе с тем непреложным фактом можно назвать то, что он умел пользоваться огнем. Важность такого умения высоко оценена в фольклоре многих народов, появившемся позже; практически во всех посвященных огню произведениях первым им овладевает героическая личность или сказочное чудище. При этом происходит нарушение порядка, установленного сверхъестественными существами: у автора греческой легенды Прометей похищает огонь у своих богов. На основании этого строится предположение, совсем неоднозначное, что первый огонь человекообразные существа могли взять в месте горения природного газа или вулканического извержения. В культурном, хозяйственном, общественном и техническом смысле огонь послужил инструментом революционного изменения жизни доисторического человека. При этом не следует забывать, что «революция» в доисторические времена осуществлялась на протяжении тысячи лет. Огонь принес тепло и свет, то есть позволил улучшить условия обитания в холодное время и продолжительность бодрствования в темное время. В физическом смысле одним из очевидных следствий этого стало переселение в пещеры. Хищников теперь можно было отпугивать с помощью костров (и вполне возможно, что человекообразные существа научились использовать факелы для загонной охоты на крупных животных). Появилась возможность совершенствовать технологию: на огне обжигали наконечники копий для придания им большей прочности, готовили пищу из не перевариваемых в сыром виде растений, когда они становились провизией. С помощью огня пресным и горьким растениям придавался вполне приличный вкус. В результате стимулировался интерес

к разнообразным съедобным растениям; ботаника как наука еще не появилась, но интерес к ее предмету рос постоянно.

Использование огня к тому же самым непосредственным образом отразилось на умственном развитии древнего человека. Появляется еще один фактор усиления тенденции к сознательному подавлению и ограничению его поведения, сыгравший важную роль в эволюции человека. Сосредоточение внимания на огне как средстве для приготовления пищи, источнике света и тепла к тому же играло глубокую психологическую роль, сохранившуюся за ним до сих пор. С наступлением темноты вокруг очагов собиралось сообщество, уже практически бесспорно ощущавшее себя малым, но значительным единством существ, обитавших в неорганизованном и враждебном окружении. Человеческий язык, о происхождении которого нам до сих пор ничего не известно, должен был формироваться как раз в условиях такого рода нового для живого мира группового общения. Эта группа сама по себе заслуживает оценки с точки зрения ее состава. В какой-то момент появились специалисты по перемещению и поддержанию огня, они внушали сородичам страх и мистическое благоговение, так как от них зависела жизнь и смерть сородичей. Они брали на себя заботу о перемещении и сохранении великого избавляющего от многих проблем инструмента, и тем самым преобретали положение господ. И все-таки глубочайшая тенденция этой новой силы всегда заключалась в освобождении человечества от гнета природы. С помощью огня древний человек начал преодолевать железную последовательность смены ночи и дня и даже данность времен года. При его содействии осуществлялось дальнейшее нарушение великих объективных естественных ритмов, которые были оковами нашим предкам, не владевшим огнем. Можно было позволить себе поведение, не ограниченное природными циклами. Появилась даже ощутимая сфера неизвестного дикой природе досуга.

Еще одним великим достижением человека прямоходящего стоит назвать охоту на крупную дичь. Происхождение такой охоты следует отнести к древности, когда гоминиды питались падалью, превратившись из вегетарианцев во всеядные существа. С переходом на употребление мяса у древнего человека появился источник пропитания с высоким содержанием белка. Это освободило едоков мяса от непрерывного поглощения растительной пищи и тем самым позволило экономить усилия на пропитание. Итак, перед нами один из первых признаков способности к сознательной сдержанности, когда еду несут домой, чтобы разделить с соплеменниками на следующий день, а не употребляют ее на месте в день добычи. В самом начале археологических дневников числятся один слон, а также несколько жирафов и болотных буйволов, мясо которых употребляли в пищу обитатели долины Олдувай, но в течение долгого времени в отходах в этих местах встречается гораздо больше костей животных помельче. Приблизительно 300 тысяч лет назад картина полностью поменялась.

Вот тут-то и можно поискать ключ к загадке пути, по которому на смену австралопитека и его родственников пришел более крупный и лучше приспособленный к жизни человек прямоходящий. Привыкание к новой пище позволяет расширить ее потребление, но при этом возникают новые условия бытия: когда мясом питается все племя, за дичью приходится идти на охоту. Так как гоминины начинают жить более или менее за счет других видов животных, их переход к относительно паразитическому стилю жизни требует более подробного исследования территории обитания, а также устройства новых стойбищ, когда удается выявить места, которые предпочитают мамонты или шерстистые носороги. Все эти сведения нужно было собирать и как-то сообщать другим сородичам; навыки требовалось передавать и сохранять, так как приемы, применяемые для заманивания дичи в ловушку, а также умерщвления и разделки огромных животных древности, выглядели просто несопоставимыми по сложности с теми, которыми владели их предшественники. Более того, эти навыки предусматривали согласованные действия, ведь только большое число сородичей могло выполнить такую сложную задачу, как загон – возможно, с помощью факелов – дичи на место (например, в болото, где тяжелый зверь завязнет в трясине, или к пропасти), где охотники смогут с ней справиться. Добивать попавшее

в ловушку животное приходилось скудным арсеналом примитивного оружия, а когда жертва погибала, возникали новые проблемы. Пользуясь одной только палкой, камнем и кремнем, эту жертву надо было разделить на несколько частей и доставить к стойбищу сородичам. После доставки добытого мяса на стойбище наступала пора досуга, когда насытившийся добытчик пропитания на какое-то время освобождается от заботы о непрерывном его поиске в округе.

Трудно не заметить, что речь мы ведем о периоде истории человека, сыгравшем ключевую роль в его эволюции. По сравнению с предыдущими миллионами лет эволюции темп изменений, пусть все еще невероятно медленный с точки зрения грядущих человеческих обществ, в этот период ускоряется. Перед нами еще не люди, какими мы их себе представляем, но существа, начинающие приобретать человеческие черты. В своей колыбели зашевелился самый опасный из хищников планеты. К тому же просматривается нечто похожее на человеческое общество, основанное не только на сложных совместных охотничьих предприятиях, но и на передаче из поколения в поколение накопленных знаний. Место генетической мутации и естественного отбора как основных источников изменения гомининов занимают культура и традиция. Продолжением эволюции теперь предстоит заниматься группам приматов, обладающим самой крепкой «памятью», в которой хранятся передовые приемы выживания в любых условиях. Решающую важность приобретает жизненный опыт, так как овладение приемами, которые должны пригодиться в первую очередь, ведется с опорой как раз на такой опыт, а не (как это все больше принято в современном обществе) на эксперимент и анализ. В силу одного только этого факта выросло уважение к представителям рода старшего возраста с богатым жизненным опытом. Они знали, как сделать нужные вещи и какие методы себя оправдывали, и использовали их, чтобы всем вместе было легче содержать стойбище и охотиться на крупную дичь. Понятно, что речь идет об относительно молодых наших предках. Очень немногие из них тогда жили дольше сорока лет.

В ходе отбора преимущество получали те группы человекообразных существ, представители которых не только овладели цепкой памятью, но и могли адекватно формулировать нужные понятия в виде речи. О предыстории появления членораздельной речи нам известно очень мало. Современные принципы языкового общения могли сформироваться только через много лет после исчезновения человека прямоходящего. Тем не менее во время охоты на крупных животных ее участникам было не обойтись без своего рода общения, и все без исключения приматы пользуются несущими смысл знаками или сигналами. Насколько рано стали общаться между собой гоминины, никто утверждать не берется, но с полной определенностью можно предположить, что они начали это делать с помощью разбивки криков, подобных тем, которыми пользовались остальные животные, на отдельные звуки, составлявшиеся в различной последовательности. Отсюда происходит возможность передачи мыслей и появления примитивного фундамента языкового строя. Совершенно определенно можно вести речь о том, что мощному ускорению эволюции должно предшествовать появление групп живых существ, обладающих способностью к накапливанию опыта, приобретению и совершенствованию навыков, обсуждению замыслов с помощью членораздельной речи. Опять же мы не можем отделять один процесс от всех остальных: обострения зрения, повышения физических возможностей для того, чтобы выживать в непростом мире, умножения артефактов при помощи инструментов – все это развивалось одновременно на протяжении сотен тысяч лет, в течение которых происходила эволюция членораздельной речи. Все вместе эти процессы способствовали мощному расширению умственных способностей до тех пор, пока однажды стало возможным концептуальное осмысление действительности и появилось абстрактное мышление.

До сих пор с уверенностью нельзя ничего сказать о поведении гомининов до появления человека. Мы движемся в тумане, смутно представляя созданий более или менее напоминающих человека, знакомого нам. Их рассудок как инструмент отражения внешнего мира – тут уж сомневаться не приходится – совершенно непостижимо отличается от нашего собственного

сознания. Тем не менее целый ряд черт человека прямоходящего совсем не отличается от черт современного, а не доисторического человека. И это больше всего в нем поражает. Физически он обладает мозгом, по объему сопоставимым с нашим собственным. Он изготавливает орудия труда (и делает это с применением нескольких технических приемов), сооружает укрытия от непогоды или использует естественные укрытия, обогревая их с помощью огня, а время от времени покидает, чтобы отправиться на охоту или на поиск пропитания. Он проделывает это в составе группы себе подобных, подчиняющихся дисциплине, позволяющей выполнять достаточно сложные задания; при этом он обладает некоторыми способностями обмена умозаключениями с помощью членораздельной речи. Первоначальные биологические единицы занятых охотой групп могли послужить прототипом ядра человеческого рода, основанного на учреждении стойбища и разделении труда по половому признаку. К тому же могла возникнуть некоторая сложность общественной организации, так как ее представители должны были своим трудом прокормить таких родственников, как хранители костра и особи, занимавшиеся сбором хвороста для него, или старики, память которых служила хранилищем знаний, необходимых их «сообществам». Для справедливого распределения совместно добытого пропитания тоже должна была существовать своего рода общественная организация. Ко всему сказанному остается только добавить, что определить точный момент окончания доисторического периода или провести разделительную линию, с которой все началось, не удается, однако без них последующую историю человечества вообразить практически невозможно. Когда африканский родственник человека прямоходящего, возможно, обладавший немного большим и более сложным мозгом, чем другие, развился в человека разумного, он сделал это с огромным успехом, и наследие его надежно хранится в его хватке. Называть его человеком или воздержаться, значения не имеет.

2
Homo sapiens – человек разумный

Появление человека разумного важно тем, что в тот момент наконец-то постигается присутствие на земле человечества, пусть даже несовершенного по форме. Однако данный эволюционный шаг все равно представляется нам очередным отвлеченным событием. Здесь завершается пролог и начинается главная драма, однако нам не дано ответить на вопрос, когда ее постановщик поднял занавес. Мы имеем дело с процессом, а не отправной точкой во времени, причем сам процесс протекал не повсеместно и не синхронно. На текущий момент в нашем распоряжении находятся всего лишь считаные физические останки древних людей типов внешне современного вида или близко относящихся к современному человеку. Кое-кто из них практически бесспорно на протяжении больше 100 тысяч лет существовал одновременно с другими гомининами. Кое-кто представлял ошибочные начала и тупиковые ветви, ведь человеческая эволюция протекала в условиях жесткого естественного отбора. При всем своем ускорении по сравнению с предыдущими временами эта эволюция шла очень медленно; нам предстоит иметь дело с периодом, превышающим, очевидно, 200 тысяч лет, на протяжении которых (и нам доподлинно неизвестно, когда именно) появился наш первый прямой «предок» (хотя местом его появления ученые практически единодушно считают Африку). Постановка правильных вопросов часто дается непросто; без точного определения остаются технические, физиологические и умственные этапы развития, на которых мы прощаемся с человеком прямоходящим, и возникшие на протяжении многих тысячелетий варианты тогдашних видов, и первые особи человека разумного – все жили свой срок на нашей земле.

Редкие останки древнейших людей наделали много шума. Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что люди нового типа расселились на территории Евразии во время потепления между двумя периодами обледенения приблизительно 250–180 тысяч лет назад. Климат в эту пору настолько отличался от нашего нынешнего, что в субтропической долине Темзы паслись слоны, а в Рейне плавали гиппопотамы. По черепу из Сванскомба, название которого происходит от британского города, рядом с которым нашли его обломки, можно судить о том, что его обладатель располагал крупным по объему мозгом (приблизительно 1300 кубических сантиметров), хотя в остальном он мало походил на мозг современного человека. Скорее всего, его следует отнести к породе Гейдельбергского человека (Homo Heidelbergensis, названного в честь немецкого города, где его останки были впервые найдены). Эти группы причислены к некоему виду человека прямоходящего, вероятно приходящемуся предком неандертальцам и нам самим (африканской ветви). Они стремительно заселили Африку и Евразию, причем достигли уровня развития, невиданного у предыдущих типов людей. Они практически наверняка были первыми особями, научившимися разжигать костер, и по этой причине им принадлежит важная роль в дальнейшем развитии человечества.

Затем опускается занавес очередного ледникового периода. Когда через 130 тысяч лет или около того он поднимется с наступлением следующего периода потепления, пережившие его люди появятся снова.

Происходило много споров о том, как они должны были внешне выглядеть, но бесспорным считается огромный шаг вперед. В этот момент мы входим в эпоху, о которой собрано достаточно много, пусть даже отрывочных, сведений. Создания, которые мы теперь можем назвать людьми, жили на территории Европы больше 100 тысяч лет назад. В районе Дордонь на территории Франции обнаружены пещеры, в которых древние люди периодически обитали около 50 тысяч лет после того.

Культурные традиции этих народов сохранились на протяжении всего периода кардинальных климатических изменений; первые их следы принадлежат к периоду межледникового

потепления, а самые ранние относятся к середине последней ледниковой эпохи. Можно себе представить непрерывные захватывающие дух перемены в популяции животных и растений на соседних территориях; для такого длительного выживания населявшим эти пещеры племенам требовалась большая гибкость ума и адаптивность к меняющимся условиям существования.

При всей внешней схожести с нами этих народов, считающихся творцами всех этих культурных традиций, физическое их отличие от современных людей легко заметить. Первая находка их останков произошла в долине Неандерталь на территории Германии (поэтому древних людей данного типа обычно называют неандертальцами), и череп отличается настолько забавной формой, что в течение долгого времени ученые думали, будто имеют дело с черепом современного идиота. Теперь нам известно значительно больше об этих наших братьях побочной ветви эволюции. В 2010 году ученые смогли разгадать карту генома неандертальцев, при этом они использовали генетический материал, изъятый из останков трех древних скелетов. Мы теперь знаем, что неандерталец (научная классификация – Homo Neanderthalis) изначально появился в результате расселения по обширной территории из Африки древнейших форм человека. Возможно, произошло это полмиллиона лет назад. В результате многочисленных генетических преобразований возникла популяция протонеандертальцев, из которых, в свою очередь, приблизительно 200 тысяч лет назад развилась классическая форма, и останки как раз этой формы найдены в Европе. Европейские неандертальцы сформировались почти одновременно с человеком разумным, к виду которого мы с вами принадлежим. Остальные виды древних людей, отнесенных к неандертальцам, заселили Азию, предположительно, до самого Китая. Очевидно, на протяжении длительного периода времени неандертальцы представляли в высшей степени живучую ветвь эволюции человека.

Прародители неандертальцев и современных людей выделились на территории Африки в отдельные группы приблизительно 350 тысяч лет назад. Вполне можно предположить, что к тому времени некоторые представители их вида уже освоили просторы Евразии. 100 тысяч лет назад предметы материальной культуры человека неандертальского вида распространились по всей Евразии, причем по ним можно судить о разнообразии существовавших тогда приемов и форм. Неандертальцы, как и остальные особи, которых специалисты причисляют к анатомически современным людям, передвигались на двух ногах и обладали мозгом большого объема. Они знаменуют мощный эволюционный рывок и демонстрируют новое усложнение сознания, которое нам не дано вообразить, тем более измерить. Одним из показательных примеров стоит считать использовавшиеся неандертальцем приемы выживания в неблагоприятной природной среде: исходя из имеющихся в нашем распоряжении доказательств в виде скребков для обработки кожи, можно предположить, что ископаемые люди наряжались в шкуры и мех животных (притом что образцов такой одежды не сохранилось, хотя самое древнее одетое в шкуры тело, обнаруженное в России, отнесено приблизительно на 35 тысяч лет назад в прошлое). Однако даже такое важное свидетельство в пользу прогресса с точки зрения приспособления к неблагоприятным природным условиям представляется ничтожным по сравнению с появлением в быту неандертальцев похоронного обряда. Похоронный обряд уже сам по себе представляет большой интерес для археологов, ведь в могилах лучше всего сохраняются предметы материальной культуры ископаемого общества. Причем в захоронениях неандертальцев можно обнаружить нечто большее – в них содержатся первые свидетельства зародившегося обряда или этикета.

Сдерживание домыслов представляется делом очень сложным. Ведь авторы некоторых из них напрочь забывают о реальных доказательствах. Возможно, некой верой древних людей в тотем объясняется кольцо из рогов, внутри которого похоронен неандертальский ребенок, обнаруженный под Самаркандом. Кое-кто из ученых выдвинул предположение о том, что в тщательно продуманном обряде похорон можно обнаружить невиданную до сих пор заботу об усопшем, в которой отразилась большая взаимная зависимость соплеменников во время

очередного наступления ледникового периода. С усложнением жизни могло обостриться ощущение утраты из-за смерти соплеменника, но можно предположить и нечто большее. Ученым довелось обнаружить скелет неандертальца, утратившего правую руку за несколько лет до смерти. Он должен был очень зависеть от остальных членов племени, но его как инвалида окружили заботой, чтобы он не погиб.

Напрашивается, несмотря на всю его опасность, вывод о том, что обставленные особым обрядом похороны служат свидетельством существования представления о загробной жизни. Понятно, что после этого придется признать наличие у гомининов беспредельной способности к абстрактному мышлению, а также факт появления одного из величайших и устойчивых мифов о том, что жизнь саму по себе следует считать иллюзией, что реальная действительность находится где-то еще и недоступна нашему зрению, а окружающие нас вещи – совсем не то, чем они нам кажутся. Тем не менее, не углубляясь во все эти умозрительные дебри, придется все-таки признать идущие своим чередом важные перемены. Точно так же, как следы обрядовых действий со зверями, останки которых встречаются в пещерах неандертальцев то тут то там, тщательно организованные похороны могут означать очередную попытку установления контроля над окружающей средой. Человеческий рассудок уже должен был находиться в состоянии готовности к формулированию вопросов, на которые он искал ответы, а также пытался давать эти ответы в виде обрядов. Осторожно, на ощупь, неуклюже (именно так мы себе представляем этот процесс, считая древнего человека неспособным к глубоким размышлениям) человеческий разум уже появляется; величайшее из всех путешествий в неизведанное началось.

Неандертальцы на более поздних ступенях развития жили организованными группами. Они не только заботились о больных соплеменниках и хоронили своих усопших, но и объединялись в небольшие бригады под единым управлением, вели совместную охоту на дичь и владели как минимум примитивной формой общения друг с другом. Около 100 тысяч лет назад у них возникли местные отклонения; судя по результатам анализа их ДНК, например, у некоторых групп неандертальцев, обитавших на территории современной Европы, кожный покров стал светлее, чем у остальных групп. Еще один подвид первобытного человека обнаружен на территории Сибири. Его назвали денисовским человеком по названию пещеры на Алтае. Денисовцы генетически отличались от неандертальских предков современного человека. Неандерталец к тому же оставил нам первые свидетельства ужасного человеческого изобретения в виде войны с себе подобными. Ее могли вести в связи с практиковавшимся тогда людоедством, когда особенно ценилось употребление в пищу мозга жертв. По аналогии с более поздними людскими сообществами можно предположить, что здесь снова дело касается возникновения какого-то осмысления души или духов; такого рода действия иногда предпринимаются ради приобретения магической или духовной силы побежденного.

Вразрез со всеми достижениями эволюции неандертальцев приблизительно 60 тысяч лет назад пришло время их заката. Вслед за продолжительным и самым широким их господством на земле унаследовать всю планету в качестве полноправных хозяев им не дали. Решающую роль в их исчезновении могло сыграть изменение климата. То же самое можно сказать о приемах их охоты. Жизнь неандертальцам досталась очень опасная. Охота в основном на крупную дичь могла дорого им обходиться – археологи обнаружили большое число захоронений молодых неандертальцев, получивших смертельные увечья от загнанных мамонтов. Потребность в привлечении всех родовых групп к совместной охоте, чтобы добыть пропитание, могла лишить неандертальцев времени, необходимого для приобретения новых навыков и знаний. И можно предположить, что в конце концов неандертальцы уступили в борьбе за жизненные ресурсы своим генетическим двоюродным родственникам, появившимся в Африке, – человеку разумному (*Homo sapiens*), принадлежащему нашему виду.

Нам предстояло стать преемниками неандертальцев и всех остальных видов человекообразных существ по всему миру, когда 60 тысяч лет назад наш прямой предок двинулся с территории Африки осваивать новые для него земли. Но по результатам генетических исследований оказалось так, что мы до сих пор не избавились от наследия этих прежних форм человеческой жизни. Нам известно, что человек разумный и существа, которых мы относим к широкому подвиду неандертальских групп, подверглись скрещиванию – до четырех процентов нашей собственной ДНК имеет неандертальское происхождение. Но происходило ли такого рода кровосмешение с другими группами, идентичность которых мы все еще не можем проследить наверняка? Для определения места и последствий скрещивания различных групп человекообразных существ до того, как наши предки покинули Африку, потребуется еще немало времени. В этом направлении просматривается одна из самых захватывающих областей исследования доисторических времен, а также сфера приложения усилий ученых, сулящая большие открытия для нашего понимания происхождения живущих сегодня людей. После того как удалось составить карту генома неандертальца, стало ясно, что некоторые самые важные противостоящие заболеваниям гены, которыми теперь располагают люди, приобретены отнюдь не у наших собственных видов предков. Некоторые исследователи считают, что сам факт того, что мы могли скрещиваться с другими человеческими подвидами, во многом способствовал заселению земли людьми, так как это обеспечило «гибридную силу», которая помогла нам освоить все континенты, за исключением одной только Антарктиды.

Человек разумный демонстрировал исключительную состоятельность своего вида тем, что в течение приблизительно 100 тысяч лет после первого появления в Африке (примерно 160 тысяч лет до н. э.) он расселился по всей территории Евразии и в конечном счете освоил весь мир. Но по происхождению он совершенно определенно считается африканцем; мы теперь можем проследить родословную по мужской линии каждого живущего человека до общего предка, который жил в Восточной Африке чуть больше 60 тысяч лет назад. Эти предки с самого начала анатомически определили внешность современных людей с меньшими по размеру лицами, облегченными скулами и конечностями, более стройным, чем у неандертальцев, телом. Относительно небольшая группа представителей гомо сапиенс сначала вторглась на территорию Леванта и Ближнего Востока, а потом главным образом вдоль морского побережья проследовала до Восточной и Юго-Восточной Азии, в конечном счете около 50 тысяч лет до н. э. достигнув Австралазии. К тому времени они начинали заселять Европу, где на протяжении нескольких тысяч лет им пришлось терпеть соседей-неандертальцев. Приблизительно в 15 000 году до н. э. они перешли по перешейку, позже сменившемуся Беринговым проливом, и оказались в Америке.

Перед тем как покинуть Африку, человеку разумному (его видам) пришлось пройти длительный период развития, значительно превышающий время его обитания за пределами Африки. На протяжении более 100 тысяч лет человечество неспешно разрабатывало средства, способные послужить своему выдвижению на господствующее место в мире остальных живых существ. Развитие человека шло совсем не гладко и не ровно. Наших предков насчитывалось совсем немного, а существовать им приходилось подчас в весьма неблагоприятных условиях, даже по сравнению с представителями других видов человекообразных существ, обитавших на том же континенте. Один ученый сравнил эволюцию нашего рода со слабым мерцанием свечи в доисторическом мраке. Даже если люди уже овладели способностью к передаче знаний, практически все они ушли в небытие вместе с их племенами, погибшими в результате того или иного катаклизма. Однако в какой-то момент, меньше 100 тысяч лет назад, человек разумный в Восточной Африке достиг решающей ступени, на которой накопление новаторских решений и обмен информацией между племенами приобрел постоянный характер. В известной степени такой результат могло обусловить развитие членораздельной речи, которая даже в

ее самой зачаточной форме служила инструментом облегчения познания нового и отложения его в памяти.

Примерно 65 тысяч лет назад в Африке существовали практически все необходимые для экспансии человека средства: сложные орудия труда, транспорт для совершения путешествий на протяженные расстояния, этикет и обряды, сети, ловушки и рыболовные снасти, кухонная утварь и хижины. Какие-то из приобретенных навыков, несомненно, удалось позаимствовать в ходе общения с генетически отличными группами человекообразных существ. В последующем развитии человека, как до, так и после того, как первые группы ушли из Африки, должны были случиться «узкие места», когда наша популяция могла сокращаться до нескольких тысяч особей. Однако некоторая форма преемственности сохранилась.

По-прежнему остается неясность в оценке причин выбора времени и способа распространения человека разумного на новые территории, и палеоантропологи остерегаются давать однозначные заключения по поводу окаменелых останков. Некоторым из них не нравятся утверждения, выдвигаемые без должных свидетельств, о нашей принадлежности к небольшому количеству людей, переселившихся из Африки примерно в одно и то же время. Как бы там ни было, большинство ученых соглашается с тем, что в период от 50 тысяч до 9 тысяч лет назад современные люди расселились по всей земле. Этот период обычно называется «поздним» палеолитом от греческого выражения «древнекаменный». Оно созвучно более знакомому термину «каменный век», но как и в случае с остальными понятиями, входящими в неупорядоченную терминологию доисторического времени, возникают трудности с использованием такого термина без подробного определения его значения.

Разделение «позднего» и «раннего» палеолита большого труда не составляет; границей служит физический факт того, что на самом верху геологического пласта залегают новые слои, и поэтому окаменелые останки и артефакты, найденные в них, относятся к более поздним периодам истории, чем те, что находятся в слоях, расположенных на уровнях поглубже. Таким образом, ранний палеолит означает эпоху более древнюю, чем палеолит поздний. Практически все предметы материальной культуры, сохранившиеся со времен палеолита, изготовлены из камня, а появление артефактов из металла позволяет использовать реляцию римского поэта Лукреция, назвавшего все, что относится к эпохе после каменного века, предметами бронзового и железного веков.

Речь, естественно, идет о культурных и технических ярлыках; великая польза от них заключается в том, что они направляют внимание на деятельность человека. В какое-то время орудия труда и убийства изготавливались из камня, затем делать их стали из бронзы, а еще позже – из железа. Только эти термины грешат собственными недостатками. Одной из бросающихся в глаза особенностей можно назвать то, что на протяжении огромных отрезков времени, когда каменные артефакты представляют самый большой привлекающий внимание массив свидетельств прошлого, мы имеем дело по большей части с гоминидами. Эти гоминиды в разной степени обладали некоторыми, но не всеми, человеческими качествами; многие каменные орудия изготовили совсем не люди. К тому же все больше трудностей вызывал тот факт, что научную терминологию внедрили европейские археологи, и она не совсем подходила для обозначения накапливающихся материальных свидетельств, касающихся остальной части планеты. Последний ее недостаток состоит в том, что она нивелирует важные отличительные черты отдельных периодов даже в истории Европы. В результате потребовалась доработка научной терминологии. Внутри каменного века ученые определили (в соответствующей последовательности) ранний, средний и поздний палеолит, за которыми идут мезолит и неолит (последний из которых размывает деление, относившееся по прежним схемам к появлению металлургии). Временной отрезок до конца последнего ледникового периода в Европе к тому же иногда называют древнекаменным веком, и снова возникает путаница, так как у нас существует еще один принцип классификации, основанный на простой хронологии. Человек разумный появляется

в Европе примерно в начале раннего палеолита. К тому же как раз в Европе обнаружено самое большое количество фрагментов скелетов, и на этих остатках долгое время основывалось различение подвидов человекообразных особей.

В течение этого периода в Европе много было сделано для того, чтобы составить классификацию и выстроить последовательность культур, различающихся утварью. Климат тогда периодически менялся; погода обычно была холодная, хотя можно отметить заметные колебания. Предположительно около 20 тысяч лет назад случилось самое резкое за миллион лет похолодание. Такие климатические изменения до сих пор представляются мощным определяющим фактором эволюции человеческого общества. Предположительно 30 тысяч лет назад началось изменение климата, принесшее сильные холода и позволившее людям переселиться в Америку из Азии по мосту изо льда или по земле, обнажившейся в силу того, что ледниковые покровы взяли на себя большую часть воды, которая в наше время наполнила моря, и уровень моря опустился намного ниже, чем он выглядит теперь. Они двигались на юг в течение нескольких тысяч лет вслед за дичью, добыча которой влекла людей внутрь необжитого еще ими континента. Америку (и Северную, и Южную) с самого начала осваивали переселенцы. Но с отступлением ледяных покровов побережья пути передвижения и запасы продовольствия претерпели огромные преобразования. Все приняло вид, каким оно было на протяжении веков, но на этот раз возникло кардинальное отличие. Там появился человек. А с ним пришел разум нового порядка, причем его носитель научился использовать новые и растущие ресурсы ради выживания в меняющейся окружающей среде. Происходит изменение истории, когда сознательная человеческая деятельность по подчинению природы начнет приносить все более существенные плоды.

Относительно ресурсов, которыми располагали первобытные люди, судя по их тогдашним орудиям труда и оружию, такое заявление может показаться необоснованно громким. Хотя по сравнению с их предшественниками они уже обладали широким диапазоном новых способностей. Основные свои орудия труда человек разумный изготавливал из камня. Причем эти орудия предназначались для применения по более конкретным предназначениям, чем орудия предыдущей эпохи. И изготавливали их совсем иначе – методом отстукивания пластинок от заранее тщательно подготовленного стержня. Признаками растущего ускорения человеческой эволюции служит разнообразие и затейливость изготовления орудий труда. В позднем палеолите к тому же началось использование новых материалов. В добавление к дереву и кремню мастера «доисторических цехов и арсеналов» стали применять кость и олений рог. С внедрением новых материалов появилась возможность для изготовления новых изделий; изобретение швейной иглы из кости послужило большим шагом в разработке нового вида одежды, отслаивание длинных каменных пластин позволило кое-кому из наиболее ловких мастеров усовершенствовать свои кремневые лезвия до уровня буквально произведений искусства. Появляется к тому же первый искусственный материал в виде смеси глины с костным порошком. Совершенствуется оружие первобытного человека. К концу позднего палеолита все чаще встречаются мелкие изделия из кремня, а по их совершенствующейся со временем геометрической форме можно предположить, что из них изготавливали наконечники все более совершенного метательного оружия. В ту же самую эпоху происходит изобретение и широкое внедрение устройства для метания копья (копьеметалки), лука со стрелами и гарпуна с зазубринами, изначально применявшегося для поражения млекопитающих, а позже – для добычи крупной рыбы. Зазубренный гарпун служит свидетельством расширения охотничьих угодий человека на водную сферу, и тем самым увеличиваются его потенциальные ресурсы для пропитания. Задолго до этого, предположительно 600 тысяч лет назад, гоминины собрали для употребления в пищу моллюсков. Свидетельства этого обнаружены не только в Китае, но и повсюду, где это было возможно. С изобретением гарпуна и, возможно, несохранившихся до наших дней таких орудий, как сети и крючковые снасти, появилась возможность для освоения новых и более богатых

водных продовольственных источников (некоторые из которых появились после температурных изменений последних ледниковых периодов). К тому же успешнее пошла охота на животных, возможно, в связи с ростом лесов вслед за отступлением ледника, а также с обогащением знаниями о поведении и миграции северного оленя и дикого рогатого скота.

Возникает соблазн обратиться к подтверждению всего вышеизложенного самыми наглядными и таинственными из всех переживших ископаемого человека позднего палеолита свидетельств в виде его живописи. В существовании прикладного искусства ископаемого человека сомневаться не приходится. Первые люди или даже человекообразные существа могли изображать рисунки на глине, наносить их на свои тела, ритмично двигаться в примитивном танце или в определенном порядке раскладывать полевые цветы, но о подобных развлечениях нам ничего не известно потому, что, если что-то подобное когда-то происходило, время все уничтожило без следа. Некое существо приблизительно 40–60 тысяч лет назад взяло на себя труд по созданию небольших запасов красной охры, но их предназначение остается загадкой. Появилось предположение о том, что два углубления на могильном камне неандертальца следует считать древнейшим сохранившимся предметом искусства, но первые многочисленные и убедительные свидетельства предстают в виде рисунков на стенах европейских пещер. Первые из них нанесены больше 30 тысяч лет назад, и их число постоянно растет до тех пор, пока у нас не появляется сознательного искусства, отличающегося величайшими техническими и эстетическими достижениями, свалившимися на нас как-то сразу, без ссылки на предшественников, практически уже в зрелом состоянии. Наскальная живопись существовала на протяжении нескольких тысяч лет, а потом этот вид искусства исчез. Ушел, не оставив ни предка, ни потомка, хотя совершенно очевидно использование его приверженцами многих основополагающих приемов изобразительного искусства, находящих применение даже сегодня.

Его обилие во времени и пространстве должно служить основанием для надежды на обретение новых художественных открытий. Африканские пещеры в изобилии украшены доисторическими картинами и резными украшениями, нанесенными 27 тысяч лет назад. Количество таких расписанных пещер значительно увеличилось во время правления королевы Англии Виктории; в Австралии наскальные рисунки появились как минимум 20 тысяч лет назад. Распространение искусства эпохи палеолита, таким образом, совсем не ограничивалось территорией Европы, зато то, что удалось обнаружить за ее пределами, подверглось не такому системному исследованию. Мы до сих пор не располагаем достаточными сведениями, позволяющими нам определить возраст наскальных рисунков в других уголках мира. Не сложилось у нас представления и о благоприятных условиях, обеспечивших сохранение в Европе предметов старины, у которых могут найтись современники на других континентах. К тому же нам не дано знать, что могло исчезнуть; существует широкая область предположений о том, какие существовали жесты, звуки или предметы из нестойких материалов, недоступные нынешним исследователям. Тем не менее единственные в своем роде произведения искусства Западной Европы периода позднего палеолита, производящие колоссальное впечатление, ученые исследовали самым подробным образом.

Недавние находки служат подтверждением того, что разновидности искусства получили распространение в различных частях Европы раньше, чем считалось до сих пор. Возраст знаменитой фигуры женщины с массивной грудью (почти наверняка представляющей собой символ плодовитости), найденной в Юго-Восточной Германии в 2008 году, оценили в 40 тысяч лет. На территории Юго-Западной Франции и Северной Испании обнаружили мелкие фигурки из камня, кости или, иногда, глины, предметы с нанесенным орнаментом (в том числе орудия труда и оружие), а также росписи на стенах и крышах пещер. В этих пещерах (и в художественном оформлении объектов) преобладающими сюжетами служат изображения животных. Значение этих узоров, прежде всего тщательно продуманная последовательность наскальных рисунков, вызвало самый живой интерес ученых. Бесспорно, главную в хозяйстве доистори-

ческих охотников роль играли всевозможные звери, фигуры которых тщательно прописаны на рисунках. По крайней мере, на примере росписи французских пещер к тому же предельно правдоподобным выглядит сознательный порядок изображений, в каком они преподносятся древними рисовальщиками. Но дальше разумные аргументы заканчиваются. Понятно, что художество времен позднего палеолита предназначалось для передачи объема той информации, который позже человек научится передавать на письме, но значение рисунков до сих пор остается неясным. Все выглядит так, что древние рисунки связаны с духовной или колдовской практикой: африканская скальная роспись убедительно демонстрирует связь с колдовством и заклинаниями. А выбор удаленных и труднодоступных уголков пещер (как и изображения в некоторых европейских пещерах) упорно наводит на мысль о том, что здесь проводился некий особый ритуал, сопровождавшийся нанесением изображений или наблюдением за ними. (Без искусственного освещения в этих темных пещерах было совсем не обойтись.)

На происхождение религии обнаружен намек в неандертальских захоронениях, а еще ярче он проявляется в могильниках народов позднего палеолита. Их захоронения выглядят более изысканными; здесь при пристальном взгляде на изображения поневоле приходят соответствующие выводы. Возможно, на них представлены первые сохранившиеся древние реликвии организованной религии.

Зарождение, развитие и гибель самых ранних творческих удач человечества, обнаруженных на территории Европы, продолжалось на протяжении весьма длинного периода времени. Приблизительно 45 тысяч лет назад появляются художественно оформленные и раскрашенные предметы, часто изготовленные из кости, в том числе слоновой. Затем 4 или 5 тысячелетий спустя человек подходит к примитивному изобразительному (фигуративному) искусству. Вскоре после этого он достигает пика доисторических творческих достижений, образец которых дошел до нас в виде огромных украшенных рисунками и резьбой по камню пещер или «святилищ» (как их назвали), с их стадами животных и таинственными повторяющимися символическими профилями. Эта фаза подъема продлилась приблизительно 5 тысяч лет, то есть поразительно долгое время для поддержания на достойном уровне настолько устоявшегося стиля и содержания. Такой продолжительный срок, практически равный всей истории нынешней цивилизации на нашей планете, служит показателем неспешности, с которой за древние времена менялась традиция, и невосприимчивости этой традиции к внешнему воздействию. Возможно, к тому же дело объясняется географической изолированностью носителей разных направлений доисторической культуры. Последняя фаза существования этого искусства, отличавшегося присущими ему особенностями от других, сохранилась в истории приблизительно до 9000 года до н. э.; на ее протяжении других животных в качестве предмета изображения все больше заменяет олень (несомненно, таким способом отражается исчезновение северного оленя и мамонта из-за отступления ледника), а перед завершением первого творческого прорыва человека на территории Европы происходит заключительный мощный всплеск творчества в форме роскошно украшенной утвари и оружия. В последующий период человечество не произвело ничего подобного по масштабам или качеству; самые заметные сохранившиеся реликвии тогдашнего человека представлены несколькими украшенными булыжниками. До наступления следующего века расцвета искусства пройдет еще 6 тысяч лет.

Сведений о крахе этого великого человеческого достижения нам досталось очень мало. Поздний палеолит освещается очень тусклым светом, причем с погружением в тысячелетия древности темнота стремительно сгущается. Тем не менее впечатление, оставляемое резким контрастом между тем, что было прежде и что наступило после, поистине поразительное. Таким образом, внезапное вырождение искусства остается загадкой. До наших дней не дошли точные даты или даже ясная последовательность событий: все закончилось совсем не в тот или иной год. Наблюдается всего лишь постепенное прекращение творческой деятельности человека на протяжении долгого времени, и, в конечном счете, это прекращение выглядит абсо-

лютным. Некоторые ученые обвиняют во всем климат. Возможно, утверждают они, вся суть явления наскальной живописи была связана с попытками повлиять на миграцию или популяцию огромных стад дичи, за счет которых существовали племена охотников. По мере прекращения последнего ледникового периода, когда ежегодно северный олень отступал немного на север, самцы человека изобретали новые, в том числе магические приемы воздействия на них, но постепенно ледовые поля уходили все дальше, исчезла окружающая среда, к которой они успешно приспособились. Ледник таял, а с ним и надежда на подчинение себе природы. Человек разумный не опускал руки; совсем наоборот: он научился приспосабливаться и брался за решение новых задач. Но на какое-то время следствием адаптации к новым условиям можно назвать хотя бы его культурное обнищание, или отказ от ископаемого творчества.

В таком предположении легко увидеть много всего причудливого, но трудно удержаться от восхищения по поводу такого рода поразительного достижения. Народ говорил о чередующихся громадных пещерах как о «кафедральных соборах» мира палеолита, и такая аналогия представляется вполне оправданной, если уровень достижений и масштаб вложенного труда измерять в сопоставлении со свидетельствами прежних триумфов древнего человека. Гоминиды с их ископаемым великим творчеством теперь остались далеко позади, а мы унаследовали неопровержимые доказательства беспредельной силы человеческого разума.

Многое, известное нам о позднем палеолите, подтверждает предположение о завершении уже решающих генетических изменений и превращении эволюции в явление психологическое и стадное (социальное). Распределение основных расовых сообществ в мире, продолжавшееся вплоть до начала новейших времен, по большому счету сформировалось в окончательном виде уже к концу позднего палеолита. Географическое и климатическое деление произвело на свет особенности пигментации кожи, структуры волос, обводы черепа и костной структуры лицевой его части. Азиатские местные особенности просматриваются в самых древних китайских останках человека разумного. Все основные обитавшие в определенном районе группы сформировались приблизительно за 10 тысяч лет до н. э. на территориях, где они доминировали до Великого переселения народов, которое послужило одним из факторов возвышения европейской цивилизации к мировому господству после 1500 года н. э. Наш мир заселялся людьми на протяжении древнекаменного века. В самом конце люди проникли на девственные континенты, где никогда не жили их предки или родственные существа.

Уже приблизительно 50 тысяч лет назад первобытные люди достигли Австралии, и произошло это примерно в то же время, когда люди нашего вида поселились в Европе. То были потомки людей, по большей части переселившиеся с Ближнего Востока, преодолев весь путь вдоль побережья, когда им пришлось приобрести навыки пропитания за счет сбора богатых белком морепродуктов. Современные ученые считают, что древние переселенцы для высадки на новый континент пользовались лодками, хотя уровень моря в районе индонезийского архипелага тогда был значительно ниже, чем сегодня, поэтому существовали многочисленные перешейки и стоял полный штиль. После высадки на материк Австралия, куда они прибывали через острова Тиморского моря и моря Банда, эти люди стремительно освоили всю его территорию. В то время этих людей вполне устроил увиденный ими живописный пейзаж; его составляли огромные озера и полноводные реки, в которых водились многие теперь уже вымершие виды, подходящие для промысла. Среди них стоит упомянуть массивных подобных сумчатому вомбату зигоматурусов (по размеру напоминающих современных карликовых гиппопотамов) и 200-килограммовых кенгуру прокоптодонов.

Заселение человеком нового для него мира началось намного позже. Народ из Азии, предположительно несколькими небольшими, тесно связанными родственными узами группами, прибыл на Аляску по перешейку из Северной Азии приблизительно 17 тысяч лет назад. Они принесли с собой орудия труда и технику их применения, разработанные на территории между Алтайскими горами и долиной Амура в Южной Сибири за предыдущие тысячелетия.

Они затем заселяют всю территорию обеих Америк, сначала их прибрежные районы, а немного позже проникают внутрь континента. Некоторые представители первых американцев в скором времени научились строить маленькие суда. Другие племена специализировались на промысле мамонта и мастодонта. Древнейшие следы человеческого жилья, обнаруженные в Чили, относятся ко времени 11 тысяч лет до н. э.; северные районы американского Среднего Запада и, вероятно, узкие полосы Атлантического побережья заселялись примерно в одно и то же время.

Представляется так, что в конце последнего ледникового периода человек разумный уже приобрел все качества весьма предприимчивого создания. Среди континентов не освоенной человеком оставалась одна только Антарктида (он обустроится там в 1895 году н. э.). Как бы там ни было, в период позднего палеолита обширные территории оставались относительно слабозаселенными человеком. По математическим прикидкам, во времена неандертальцев на территории Франции обитало 20 тысяч человек; их численность здесь могла составить 50 тысяч из, предположительно, 10 миллионов человек во всем мире 20 тысячелетий назад. Один ученый описал это время так: «Человеческая пустыня, кишащая дичью». Люди промышляли охотой и собирательством, и для прокорма племени требовались обширные территории. В благоприятные времена гомо сапиенс занимались исключительно охотой и собирательством; появились новые доказательства, позволяющие предположить, что переселенцы в Европе с самого начала имели неродственное спаривание в десять раз чаще неандертальцев. Но, несмотря на это, популяция человека в его очень большом мире оставалась малочисленной.

Если верить такого рода статистике человеческого населения, сам собой напрашивается вывод о том, что культурные изменения шли в ту пору очень медленно. Притом что достижения человека в древнекаменном веке могли осуществляться значительно более ускоренными темпами и охватывать многочисленные сферы его деятельности, этому человеку все еще требуются тысячи лет на то, чтобы передать приобретенные им знания через барьеры географической и социальной разобщенности.

А ведь некий человек мог бы за всю свою жизнь не познакомиться с представителем другой группы или племени, не говоря уже о представителях другой культуры. Барьеры, уже существовавшие между различными группами человека разумного, служат особенностью исторической эпохи, отличавшейся тенденцией к культурному обособлению, хотя никакой замкнутости между группами при этом возникнуть не могло. Зато стимулировалось образование большого разнообразия стилей человеческой культуры, сохранявшегося до последнего времени, когда в ход исторического развития вмешались факторы технической и политической глобализации.

О сообществах, в которых существовал человек позднего палеолита, до сих пор известно очень мало. Несомненным считается то, что они были размером больше, чем группы совместного проживания в предыдущие эпохи, а также меньше кочевали. Развалины древнейших сооружений принадлежали охотникам времен позднего палеолита, населявшим территории нынешних Чехии, Словакии и южных областей России. Приблизительно за 10 тысяч лет до н. э. в некоторых уголках нынешней Франции на территории нескольких скоплений стоянок могло размещаться от 400 до 600 человек, но, судя по отчетам археологов, такие явления они относили к категории аномальных.

Таким образом, можно предположить факт существования некоего человеческого объединения наподобие племени, хотя о его организации и иерархическом строении сказать фактически нечего. Зато можно со всей определенностью говорить о продолжающемся в древнекаменном веке процессе разделения труда между мужчиной и женщиной. Получается так, что охота становится делом более сложным, требующим новых навыков, зато оседлый образ жизни обещает новые возможности для сбора съедобных растений женщинами.

При всей туманности наших представлений о конце древнекаменного века, все-таки следует признать важность аспекта состояния земли. Тогда должны были все еще происходить геологические изменения (например, пролив Ла-Манш появился в своем нынешнем виде при-

близительно за 7 тысяч лет до н. э.), но мы живем в эпоху относительной топографической стабильности, при которой в целом сохранился рельеф местности мира, существовавший приблизительно за 9 тысяч лет до н. э. К тому времени уже сформировался мир, который с полным на то основанием заслуживает названия «мир человека разумного». Потомки приматов, спустившиеся с деревьев, давно достигли решающей степени независимости от сезонных изменений природы через приобретение навыков в изготовлении орудий труда, в применении подручных материалов для изготовления жилища и огня для бытовых целей, научившись приемам охоты и приручению диких животных. В результате таких преобразований человек создал достаточно высокий уровень общественной организации, позволяющий заняться совместным сложным созидательным трудом. Их новые потребности вызвали разделение хозяйственных ролей между мужчинами и женщинами. В ходе преодоления этих и других материальных проблем возникла потребность в обмене мыслями с помощью членораздельной речи, в изобретении обрядовых традиций и представлений, из которых произросли религия и, по большому счету, великое искусство. Кое-кто даже утверждал, что человек позднего палеолита пользовался лунным календарем. На выходе из доисторических времен человек уже представляет собой разумное существо, владеющее развитой логикой, то есть способностью к предметному и абстрактному мышлению. Тут сам собой на ум приходит вывод о том, что как раз разумной деятельностью человека объясняется последний и самый большой шаг в его доисторической эволюции, состоящий в изобретении земледелия.

3
Предпосылки цивилизации

Человеческие существа обитают на нашей планете как минимум в двадцать раз дольше созданной ими цивилизации. После завершения последнего ледникового периода создались все условия для завершения великого перехода от дикости к цивилизации, и этот переход служит непосредственной прелюдией к истории. На протяжении 5–6 тысяч лет одни коренные перемены следовали за другими, но, бесспорно, самым важным событием следует назвать увеличение кормовой базы. Ничто другое не вызывало такого резкого ускорения развития человека, а также не приносило столь глобальных результатов до тех пор, пока не произошли изменения, названные индустриализацией, которая продолжалась последние три столетия.

Один западный ученый подвел итог этих изменений, которые ознаменовали окончание доисторического периода, термином «неолитическая революция». Здесь опять возникает некоторая путаница в потенциально вводящей в заблуждение терминологии, хотя упомянутую выше революцию нам следует причислять к доисторическому достижению. За эрой палеолита археологи обнаруживают мезолит, а за ним неолит (кое-кто из них добавляет четвертую эру под названием халколит, под которым они подразумевают фазу развития человеческого общества, пользовавшегося одновременно предметами материальной культуры из камня и меди). Различие между палеолитом и мезолитом представляет настоящий интерес только для специалиста, ведь эти два термина служат для описания фактов культурного развития; с их помощью распознается возраст артефактов как свидетельств наращивания ресурсов и способностей. Нам стоит обратить внимание только на термин «неолит». В самом узком и точном смысле слова он означает культуру, представители которой переходят от орудий труда из точеного или полированного камня к орудиям, изготовленным методом скалывания чешуек (притом что к его определению можно добавить дополнительные критерии). Такой переход может показаться не настолько потрясающим, чтобы послужить оправданием восхищению неолитом, охватившему некоторых специалистов по доисторическим временам, тем более говорить о какой-то «неолитической революции». На самом же деле, хотя данное словосочетание все еще иногда используется, его не следует применять уже потому, что оно должно охватывать слишком широкий круг различных предположений. Как бы там ни было, была предпринята попытка с его помощью сформулировать произошедшее важное и сложное изменение, сопровождавшееся многими местными вариантами. Поэтому стоит подумать о его общем значении.

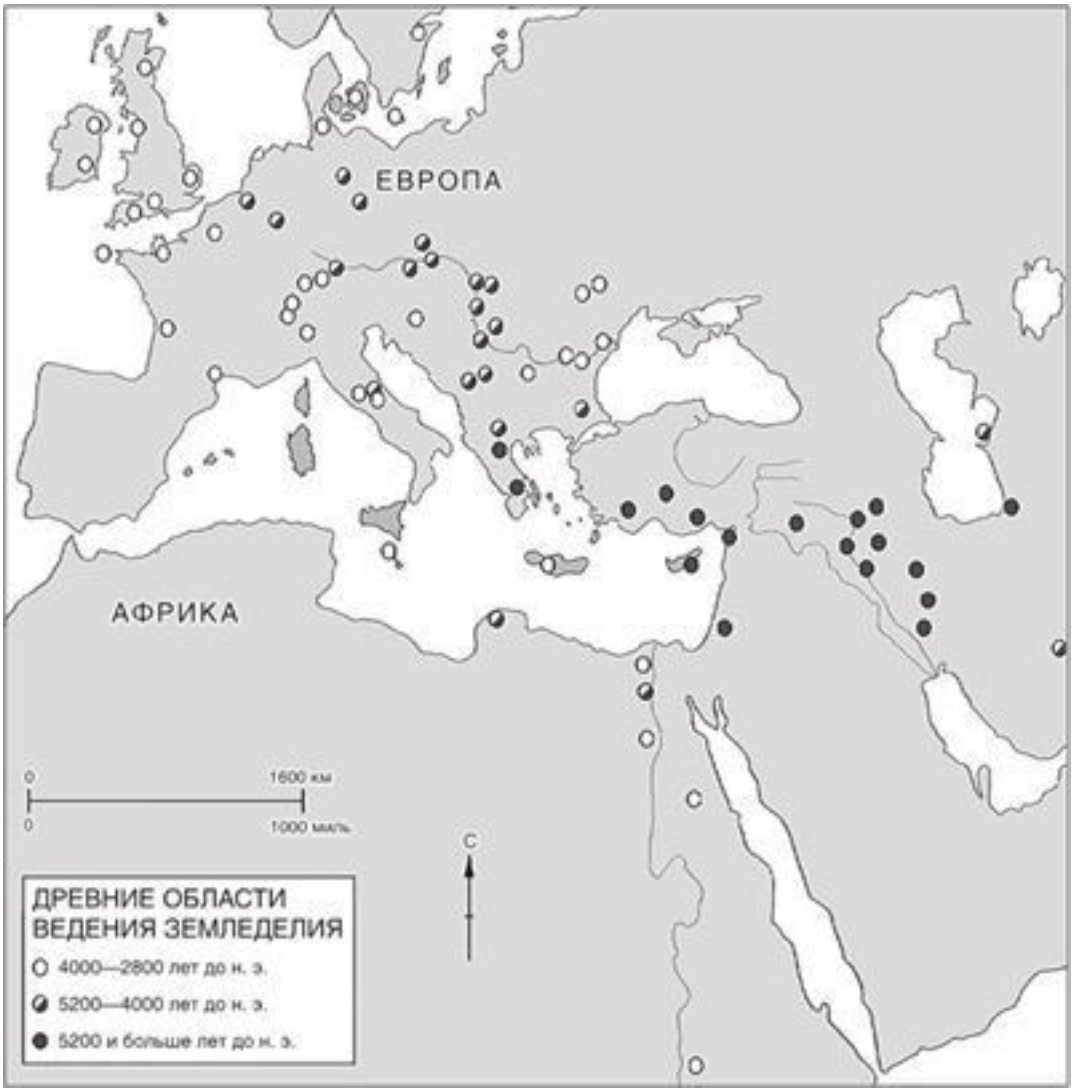
Можно начать с замечания о том, что даже в самом узком техническом смысле фаза неолита человеческого развития начинается, расцветает или заканчивается совсем не повсеместно и не одновременно. В одном месте она может продлиться на несколько тысяч лет дольше, чем в другом, и его начало отделено от того, что происходило прежде, не четкой линией, а таинственной зоной культурных изменений. Далее, в ее пределах не все общества обладают тем же самым диапазоном навыков и ресурсов; кто-то открывает способ изготовления глиняной посуды, а также полированные каменные орудия, другие продолжают одомашнивание диких животных, начинают собирать или выращивать зерновые культуры. Непременным правилом служит медленная эволюция, и к моменту появления владеющей грамотой цивилизации не все общества достигают одного и того же самого уровня. Тем не менее неолитическая культура служит матрицей, на основе которой появляется цивилизация и обеспечиваются предварительные условия, на которые она опирается. А эти условия ни в коем случае не ограничены производством искусно обработанных каменных орудий труда, в честь которых назван неолит.

Если уж разбираться с этим изменением, следует дать толкование слову «революция». Пусть даже мы оставляем позади медленную эволюцию последнего геологического периода под названием плейстоцен и перемещаемся в эпоху ускоряющегося развития в доисторче-

скую пору, увидеть линии раздела нам пока что не дано. В более поздней истории они тоже встречаются довольно редко; даже когда люди пытаются провести какие-либо разграничительные линии, у представителей немногих обществ когда-либо получалось полностью порвать со своим прошлым. Нам остается разве что наблюдать медленное, но радикальное преобразование поведения человека и последовательную организацию мира, а не внезапный новый отход от сложившегося было порядка вещей. Весь процесс состоит из нескольких решающих изменений, в силу которых выделяется единство последнего доисторического периода, как бы мы его ни называли.

В конце позднего палеолита человек физически сформировался практически в том виде, в каком мы его знаем сейчас. Ему, разумеется, еще предстояли кое-какие изменения в росте и весе, наиболее заметные в тех областях проживания, где он приобретал новую статность и где благодаря улучшению питания увеличивалась продолжительность его жизни. В древнекаменном веке мало кто из мужчин и женщин доживал до сорока лет. А если такое удавалось, судьба им доставалась незавидная: в наших глазах это выглядело бы как преждевременное старение людей, измученных артритом, ревматизмом, с поломанными из-за несчастных случаев костями и испорченными зубами. Изменения такого положения вещей к лучшему могли происходить очень медленно. С изменением рациона питания продолжалась эволюция очертаний человеческого лица. (Вероятно, только после 1066 года н. э. прямой прикус у англосаксов сменился вертикальным перекрытием зубных рядов. Эту метаморфозу ученые считают исключительным следствием перехода населения на пищу с высоким содержанием крахмала и углеводов. Соответственно, поменялся внешний вид современных англичан.)

Население различных континентов имело физические особенности телосложения, но нельзя сказать, что оно настолько же отличалось умственными способностями. Во всех уголках мира человек разумный проявлял непостижимую гибкость, ведь его наследуемые признаки адаптировались к любым климатическим и географическим поворотам отступающей фазы последнего ледникового периода. В самом начале формирования относительно постоянных поселений заметного размера, в ходе изготовления и применения примитивных орудий труда, с расширением сферы применения членораздельной речи, а также с наступлением зари сознательного творчества в изобразительном искусстве лежат некоторые рудиментарные элементы состава, которому было суждено, в конечном счете, сформироваться в качестве цивилизации. Но этого всего было еще недостаточно. Прежде всего, не обойтись было без того, чтобы хозяйственный результат как-то превышал суточное потребление рода, то есть нужен был излишек товара.



О таком изобилии даже мечтать не приходилось, разве что на исключительных, особенно благоприятных территориях для ведения охоты и собирательства, за счет чего поддерживалась жизнь человечества, и только приблизительно 10 тысяч лет назад люди узнали иную жизнь.

Возможной она стала после изобретения земледелия.

Из-за величия такого преобразования его оправданно называют «земледельческой революцией» или «революцией в сфере собирательства съестных припасов», и эти определения не требуют дополнительных разъяснений. В этих метафорах заключается факт, объясняющий, почему в эпоху неолита возникли условия для появления цивилизации. Даже освоение металлургии, распространившейся в некоторых сообществах во время их существования в фазе неолита, не могло сыграть такой решающей роли в эволюции человека. Освоение земледелия действительно внесло коренные изменения в условия человеческого существования, и его значение в первую очередь следует брать в расчет при оценке значения неолита в истории человека. То есть значение, когда-то кратко сформулированное в выводе о том, что мы имеем дело с «периодом между завершением образа жизни человека-охотника и началом хозяйственной жизни, основанной на повсеместном использовании металла, когда в практику жизни вошло земледелие со скотоводством, и медленными волнами оно распространилось практически по всей территории Европы, Азии и Северной Африки».

Суть земледелия со скотоводством заключается в возделывании зерновых культур и выращивании домашнего скота. Как земледелие появилось на свет, в каком месте и в какие

времена – остается большой загадкой. Определенная окружающая среда, должно быть, оказалась более благоприятной; в то время как некоторые народы занимались охотой на равнинах, освобождающихся отступающим льдом, другие народы совершенствовали навыки, необходимые для освоения новых, плодородных долин рек и прибрежные бухты, богатые съедобными растениями и рыбой. То же самое можно сказать о возделывании полей и уходе за стадами. В целом старый свет Африки и Евразии больше подходил для выращивания животных, поддающихся одомашниванию, чем континенты, которые позже назовут Северной и Южной Америкой. Поэтому нет ничего удивительного в том, что занятие сельским хозяйством началось сразу в нескольких местах, и велось оно в различных формах. Древнейший пример земледелия, основанный на культивировании примитивных сортов проса и риса, обнаружен в долинах рек Янцзы и Хуанхэ на территории Китая и относится где-то к 9-му тысячелетию до н. э. Однако на протяжении тысячелетий вплоть до всего лишь нескольких веков назад увеличение продовольственных ресурсов у человека в доисторические времена достигалось уже имеющимися методами. Причем осваивались они очень медленно, а применялись в рудиментарном виде. Участок целинной земли взрыхляли для посадки зерновых культур, примитивное наблюдение и селекция позволили начать сознательное повышение урожайности сортов, виды растений пересаживали в новые районы, а человеческий труд применялся для обработки почвы методом вскапывания, осушения и орошения. Этими методами удалось увеличить объем продовольственного производства, которое обеспечивало медленный и устойчивый рост народонаселения, зато потом наступили великие перемены, связанные с внедрением химических удобрений и современной генетики как науки.

Недавние находки в местечке Цзяху, расположенном в долине между великими реками Китая, пролили новый свет на древнейшие земледельческие поселения человека. Там археологи обнаружили фундаменты 45 домов и тысячи предметов материальной культуры, относящиеся как минимум к 7-му тысячелетию до н. э. Среди них можно назвать большое количество музыкальных инструментов разного рода. Там археологи нашли к тому же инвентарь для возделывания полей, в том числе лопаты, серпы и другие сельскохозяйственные орудия, и эти находки помогли нам понять высокую степень развития рисоводства, существовавшую уже в то время в Цзяху. Теперь напрашивается вполне обоснованный вывод о том, что рисоводство зародилось в одной из областей Центрального Китая, где оно послужило основанием для расцвета неких первых цивилизаций, позже распространившихся оттуда на остальные области Азии. Археологические свидетельства из Китая к тому же указывают на близкую связь, существовавшую между возделыванием зерновых культур и развитием ума: когда хлеборобы жили вместе в обустроенных деревнях, у них появилось больше возможности для вызревания знания, сохраненного и распространенного на жителей других мест.

Случайно сохранившиеся свидетельства и направления исследований западных ученых до недавнего времени способствовали появлению такого положения вещей, что о древнем сельском хозяйстве на Ближнем Востоке и в Анатолии скопилось намного больше знаний, чем о земледелии на территории остальной Азии в доисторическом периоде. Тем не менее мы располагаем убедительными основаниями для того, чтобы определяющим районом считать как раз Ближний Восток. И предрасположенность условий, и собранные доказательства указывают на особое значение для развития земледелия области, позже названной Плодородным полумесяцем; речь идет о дугообразной территории, простирающейся на север от Египта до Палестины и Леванта, через Анатолию к холмам между Ираном и югом Каспийского моря, замыкая долины рек Месопотамии или нынешнего Ирака. Сегодня большая часть этого полумесяца выглядит совсем иначе: ничего не осталось от пышного пейзажа данной области, когда 5 тысяч лет назад климат здесь представлялся для растительности самым благоприятным. Тогда в Южной Турции рос дикий ячмень и злаки рода пшеницы, а долина Иордана давала богатые урожаи дикой пшеницы двузернянки сорта «эммер». В Египте в давние исторические времена выпа-

дали достаточно обильные дожди для промысла крупной дичи, а в сирийских лесах за тысячу лет до н. э. все еще встречались слоны. Данная область сегодня все еще остается плодородной по сравнению с окружающими ее пустынями, а в доисторические времена она выглядела еще более манящей. Наличие злаковых трав, ставших предками более поздних зерновых культур, на этих землях прослеживается дальше всего в древность. В Малой Азии обнаружены доказательства сбора человеком урожая (хотя не обязательно культивирования) диких трав приблизительно за 9,5 тысячи лет до н. э. Вполне преодолимую проблему, похоже, представлял бурный рост лесов, начавшийся вслед за отступлением последнего ледникового периода; увеличение народонаселения могло активно стимулировать усилия по расширению жизненного пространства с помощью вырубки этих лесов для возделывания зерновых культур, когда угодий для охоты и собирательства стало явно недостаточно из-за демографического фактора. Приблизительно за 7 тысяч лет до н. э. новые продовольственные культуры и методы их возделывания должны были попасть в Европу. Налаживать контакты внутри этого региона, понятное дело, было относительно проще, чем за его пределами; обнаруженные в Юго-Западном Иране, но изготовленные из обсидиана, привезенного из Анатолии, оборудованные лезвием орудия труда ученые отнесли как минимум к 8-му тысячелетию до н. э. Но не стоит весь этот процесс списывать исключительно на рассеивание передовых навыков. Сельское хозяйство позже появилось в обеих Америках, причем явно без какого-то ввоза земледельческих приемов извне.

Скачок в эволюции от собирания диких злаков к их возделыванию и сбору урожая представляется несколько важнее по сравнению с переходом от охоты на дичь к ее стадному разведению, хотя приручение диких животных видится тоже таким же грандиозным шагом вперед. Первые следы разведения овец прослеживаются в Северном Ираке и относятся приблизительно к XC веку до н. э. По холмистым, богатым травами иракским полям дикие предки коровы породы джерси и свиньи породы глостерская пятнистая преспокойно бродили на протяжении многих тысяч лет. Лишь изредка они подвергались нападениям со стороны охотников. На самом деле свиньи встречались на протяжении всего Старого Света, а вот в Малой Азии и на большом протяжении самой Азии особенно многочисленными были стада овец и коз. Вследствие систематического использования развился контроль над их размножением, а также последовали остальные хозяйственные и технические нововведения. Новые возможности у человека появились, когда он научился использовать шкуры и шерсть; доение самок послужило причиной возникновения молочного хозяйства. Верховая езда и использование тягловых животных возникнут позже. С приручением домашней птицы нам, любезный читатель, тоже придется подождать.

Повесть о человечестве теперь далеко ушла от того момента, в который было просто подметить влияние такого рода перемен. С приходом земледелия и животноводства в поле зрения как-то вдруг попадает вся материальная ткань, на которой лежала последующая история человечества, которой на самом деле еще не существовало. Величайшее из преобразований человеком окружающей среды всего лишь только начиналось. В обществе собирателей-охотников для прокорма семьи требовались огромные участки земли, тогда как в примитивном земледельческом обществе хватало около 10 гектаров. С точки зрения одного только прироста населения стало возможным просто гигантское ускорение. Обеспеченный или практически обеспеченный продовольственный излишек к тому же позволял создание поселения с невиданной до сих пор плотностью жителей. Более многочисленное население смогло селиться на меньших площадях, и появились настоящие деревни. Ремесленников, не занятых добычей продовольствия, стало легче прокормить, а они тем временем занялись совершенствованием своих собственных навыков. За 90 веков до н. э. в Иерихоне уже существовала деревня (причем, быть может, с алтарем). Тысячу лет спустя ее площадь расширилась приблизительно до трех-четырех гектаров, застроенных глинобитными строениями с весьма мощными стенами.

Должно пройти еще много времени, прежде чем у нас появятся основания, позволяющие рассмотреть по большому счету организацию общества и особенности поведения древних земледельческих общин. Практически никто не возражает по поводу того, что решающее влияние принадлежало местному разделению человечества. Физически человечество выглядело самым однородным за все его времена, зато в культурном отношении развитие шло в самых разнообразных направлениях, так как приходилось иметь дело с неодинаковыми проблемами и адаптировать своеобразные ресурсы. Адаптивность различных ветвей человека разумного в условиях, складывавшихся после отступления последних ледовых полей, выглядит просто поразительной, и ископаемые люди продемонстрировали разнообразное мастерство, невиданное в периоды предыдущих обледенений. Жизнь их проходила по большей части на основе обособленных, устоявшихся традиций, главную роль в которых играла непоколебимость заведенного порядка. При таком порядке появилась новая устойчивость деления по культурному признаку и на этнические группы, медленно формировавшиеся еще во времена палеолита. Потребуется намного меньше времени в исторической перспективе, чтобы эти местные особенности сошли на нет под воздействием прироста населения, ускоренного общения и появления торговли – всего лишь максимум 100 веков. Внутри новых земледельческих общин представляется вероятным кратный рост социального расслоения, и поэтому пришлось согласиться на новые принципы коллективной дисциплины. Кое для кого из членов общины должно было появиться свободное от постоянных трудов время (хотя для других, фактически занятых на добывании пропитания общинников, время для досуга могло сократиться). Совершенно определенно социальные различия проступали все четче. Их можно связать с появлением новых возможностей из-за излишков полезных вещей для обмена, а тут совсем недалеко оставалось и до торговли.

Те же самые излишки к тому же могли подвигнуть человечество на самое старинное после охоты развлечение – ведение войны. Охота издревле считалась увлечением царей, а власть над миром животных прославляется как признак первых героев, подвиги которых у нас принято воспевать в изваяниях и легендах. Только вот куда заманчивее представлялись набеги и завоевание, сулившие добычу в виде живых людей и материальных благ. Наряду с этим вполне возможно, что истоки конфликта, не затихавшего на протяжении столетий между кочевниками и оседлыми народами, лежат именно в этом искушении. Из потребности в организации защиты посевов зерновых культур и стад домашнего скота от двуногих хищников могла возникнуть политическая власть. Можно даже позволить себе рассуждения по поводу неясных корней происхождения аристократии, которые следует искать в успехах (причем достаточно частых) отдельных охотников-собирателей среди представителей прежнего общественного строя, в использовании уязвимости оседлых племен, привязанных к своим возделываемым полям, через их порабощение. Тем не менее, хотя в настоящем доисторическом мире, скорее всего, закон отсутствовал и правила жестокость, стоит помнить о компенсирующем факторе: этот мир выглядел еще не совсем полным. Замещение охотников-собирателей земледельцами не должно было происходить насильственным путем. Свободными просторами и малой плотностью населения в Европе накануне перехода к земледельческому укладу можно объяснить отсутствие археологических свидетельств борьбы с его противниками. Вероятность соперничества вызревала очень медленно по мере увеличения численности населения и сокращения потенциальных ресурсов для ведения сельского хозяйства.

Наряду с внедрением земледелия изменение жизни доисторического человека произошло еще и благодаря открытию им металлургии, но все процессы тогда происходили очень медленно и сказывались в весьма отдаленной перспективе. С самого же начала перемены выглядели отнюдь не стремительными и принципиальной роли не играли. Причиной топтания на месте можно назвать скудность изначально обнаруженных залежей руды и большая их удаленность друг от друга: на протяжении долгого времени металла выплавляли немного. Пер-

выми нам приходят свидетельства использования доисторическим человеком меди (поэтому название периода освоения человеком металлургии «бронзовым веком» выглядит не совсем корректным). Приблизительно между LXX и LX веками до н. э. из меди впервые выковали без предварительного нагрева предметы обихода, и затем в Чатал-Гуюке, или Чатал-Хююке, на территории Анатолии ее начали плавить. Хотя самые древние артефакты, изготовленные из металла в виде кованых медных булавок, обнаруженные в Египте, относятся приблизительно к XL веку до н. э. С открытием метода изготовления сплава меди с оловом, чтобы получить бронзу, появился металл, который было относительно легче выплавлять, а лезвия из него дольше держали заточку. Бронзу уже использовали в Месопотамии вскоре после XXX века до н. э. Бронза оказалась весьма востребована, и поэтому приобрели относительную важность рудоносные области. В свою очередь произошел новый поворот в торговле, в рынках и маршрутах. Новые осложнения, разумеется, возникли после обнаружения железа, которое появилось после того, как на основе некоторых культур совершенно определенно развились цивилизации – послужившие очередным отражением пути, на котором исторические и доисторические эпохи перетекают друг в друга без видимой причины. Очевидная ценность железа бросается в глаза, но ему отводилась не менее важная роль применительно к орудиям земледелия. Заглядывая далеко вперед, стоит отметить, что открытие приемов обработки железа обусловило мощное расширение жизненного пространства человека и повышение урожайности почвы: как бы ни преуспел человек неолита в очистке лесистой местности методом ее выжигания для полей, на тяжелых почвах в его распоряжении находился только каменный топор или рыхлитель, а также олений рог или деревянная палка-копалка. Переворачивание пластов земли и глубокая вскопка стала возможной только после изобретения метода вспашки (на Ближнем Востоке приблизительно в XXX веке до н. э.), когда на помощь людям удалось мобилизовать мышечную силу домашних животных и когда вошли в широкий обиход железные орудия труда.

Теперь уже известно, насколько скоро – определение это закономерно на фоне предыдущего доисторического развития, когда в некоторых местах эволюция требует несколько тысяч лет – глубокое взаимное проникновение и взаимодействие начинают влиять на темпы и направления перемен. Задолго до того, как эти процессы в некоторых областях исчерпали себя, уже появились первые цивилизации. Специалисты по доисторическим временам человека, случалось, спорили о том, распространялись ли новшества из одного-единственного источника или появились спонтанно, самостоятельно в различных местах. Однако из-за сложности доисторического фона все эти споры стали казаться пустой тратой времени и эмоций. Оба взгляда, сформулированные людьми неосведомленными, представляются далеко не убедительными. Говорить, будто в каком-то одном месте, и только в нем, существовали все условия для формирования новых явлений и что они затем просто переносились в другие места, так же неуместно, как заявлять, что при совершенно неодинаковых обстоятельствах с точки зрения географии, климата и культурного наследия те же самые изобретения якобы снова и снова подбрасывались людям. Зато все говорит о том, что на Ближнем Востоке в сосредоточенном виде существовали факторы, в силу которых в некий решающий момент этот район превратился в неподдающийся оценке активный и важный центр новых разработок. При этом не следует отрицать, что подобные отдельные разработки могли произойти в другом месте: первую глиняную посуду, как оказывается, изготовили в Японии приблизительно в C веке до н. э., а сельское хозяйство возникло в Америке, допустим, в L веке до н. э. вне какой-то связи со Старым Светом.

Выходит, что доисторический период рода человеческого завершается в каком-то рваном, неопрятном виде; в очередной раз четкой разделительной линии с историей отыскать не удается. В конце доисторической эпохи и накануне первых цивилизаций перед нами предстает мир человеческих обществ, отличных друг от друга больше чем когда-либо прежде, зато в покорении природы и искусстве выживания они добились до сих пор невиданных успехов. Некоторые из этих сообществ войдут в историю. Уже на протяжении прошлого века на севере

Японии исчез народ айнов, унеся с собой стиль жизни, как считают, сложившийся еще 150 веков назад. Англичане и французы, отправившиеся в Северную Америку в XVI веке, обнаружили там охотников-собирателей, жизненный уклад которых вряд ли отличался от уклада жизни их собственных предков, отстоявших от них на 10 тысяч лет. Представьте себе, Платон и Аристотель жили и умерли еще до того, как доисторический период в Америке сменился великой цивилизацией майя Юкатана, а для эскимосов и австралийских аборигенов история началась только в XIX веке.

Никакая грубая разбивка хронологии поэтому не поможет расшифровать настолько хитрый эволюционный узор. Но самая важная его черта просматривается достаточно ясно: к LX или L веку до н. э., по крайней мере, в двух областях Старого Света сложились все существенные слагаемые цивилизованной жизни. Их глубинные корни ведут на сотни тысяч лет дальше в прошлое, в века господствовавшего медленного ритма генетической эволюции. На протяжении эпохи позднего палеолита поступь перемен ускорилась многократно в силу постепенного повышения важности культуры, но по сравнению с тем, что случилось дальше, это было ничто. Цивилизация должна была вынести сознательные попытки на совершенно новую высоту, с которой можно было бы управлять людьми и организовать среду их обитания. Она послужила построению основ совокупных умственных и технических ресурсов, и результаты ее собственных преобразований еще больше ускоряют процесс перемен. Затем предстоит ускоренное развитие во всех областях, в техническом контроле над окружающей средой, в формировании мысленной схемы восприятия мира, в изменении общественной организации, в накоплении богатства, в росте населения.

Представляется важным правильно оценить наши перспективы в этом деле. Носители некоторых современных точек зрения считают столетия европейского Средневековья периодом затянувшегося оцепенения. Ни один специалист по истории Средних веков не согласился бы с ними, конечно, но человек XXI века, находящийся под впечатлением стремительности происходящих на его глазах перемен и знакомый с относительной неподвижностью средневекового общества, должен признать, что искусство, развившееся из романтики Ахена Карла Великого до уровня пышности Франции XV века, претерпело коренные изменения за 5 или 6 веков; за период приблизительно в десять раз продолжительнее первое известное искусство Европы позднего палеолита испытало для сравнения совсем незначительные стилистические изменения. В более глубокой древности темп развития был еще медленнее, о чем говорят долгое время сохранявшиеся в неизменном виде образцы орудий труда. Еще более коренные изменения постичь нам гораздо сложнее. Насколько нам известно, за последние 120 веков не отмечено ничего нового в человеческой физиологии, сопоставимого с колоссальными преобразованиями раннего плейстоцена, зарегистрированными для нас в горстке реликтовых окаменелостей в виде нескольких экспериментов природы. Причем на них ушли сотни тысяч лет.

В известной степени с такого противопоставления мы как раз и начали изложение нашего повествования: двигателями перемен для нас выступают Природа и Человек. Человечество упорно выбирает, и даже выбирало в доисторические времена, путь перемен, то есть сложный путь сознательной адаптации. Итак, выбор такого пути сохранится на протяжении исторических времен, причем придерживаться его человечество будет еще упорнее. Именно поэтому самым главным в судьбе человека следует назвать попытку осознания действительности; когда давным-давно с помощью сознания удалось переломить медленный марш наследственной эволюции, перед человеком рухнули все преграды. С момента выделения первых черт человека порядок его эволюции определяется окружающей природой и условиями взращивания; предположим, разделить их не удастся никогда, однако перемены все больше решаются созданной человеком культурой и сложившимися в его обществе традициями.

Ради уравновешивания этого бесспорного факта следует тем не менее учесть два замечания. Прежде всего, у представителей нашего биологического вида с самого ближнего палеолита

практически не отмечено усовершенствования врожденных способностей. Сложение человеческого тела существенно не менялось все последние 400 веков или около того, и удивительно, если бы то же самое случилось с примитивными человеческими умственными способностями. Настолько короткого периода времени едва ли достаточно для генетических изменений, сопоставимых с теми, что произошли в предыдущие эпохи. Стремительность, с которой человечество достигло столь многого с доисторических времен, можно обосновать вполне просто: среди нас все еще можно найти многих из тех, за счет чьих талантов человечество тянется вверх, к тому же, что еще важнее, человеческие достижения представляются плодом сложения усилий всех причастных к ним. Они опираются на наследие, само накапливающееся в силу, как всегда, общего составного интереса. В запасе у первобытных сообществ накопилось намного меньше наследственных преимуществ. Поэтому мощь их величайших шагов вперед выглядит тем более поразительной.

Если все это считать умозрительным предположением, тогда второй тезис представляется предельно конкретным: генетическая наследственность человека разумного не только позволяет ему осуществлять сознательные изменения, идти по пути невиданного рода эволюции, но к тому же его контролирует и ограничивает. Нелогичность событий XX века указывает на узкие пределы нашей способности к сознательному выбору своей судьбы. В этом смысле наша судьба остается заранее предопределенной, мы еще не пользуемся полной свободой выбора, попрежнему остаемся принадлежностью природы, которая послужила источником наших уникальных качеств, приобретенных, прежде всего, исключительно в ходе эволюционного предпочтения. Данную сферу нашей наследственности точно так же нелегко отделить от эмоционального клише человеческой души, сложившегося в процессе ее эволюции. Данное клише все еще находится глубоко в основе всей нашей эстетической и эмоциональной жизни. Человеку приходится жить с врожденной двойственностью его натуры. Примирение с нею служило целью сторонников большинства великих философских учений, служителей религий и проповедников мифологий, при которых мы сегодня существуем, но их формирует сама наша жизнь. При переходе из доисторических времен во времена исторические нам главное не забывать, что ее определяющее воздействие все еще представляется намного более стойким любому контролю, чем те слепые доисторические факторы географии и климата, которые удалось так быстро преодолеть. Тем не менее на пороге открытия все той же истории нас уже встречает знакомое нам существо – человек, определяющий перемены.

Книга вторая
Человеческие цивилизации

Физические очертания нашего мира 10 тысяч лет назад практически ничем не отличались от сегодняшних очертаний. Контуры континентов выглядели по большому счету так же, как известные нам теперь, а главные естественные барьеры и транспортные каналы с тех пор остались прежними. По сравнению с потрясениями сотен тысячелетий, предшествовавших завершившемуся последнему ледниковому периоду, климат тоже на это короткое время сохраняется относительно постоянным; с тех пор историку остается разве что учитывать его мимолетные колебания. Впереди лежит эпоха (в которой мы как раз живем), испытывающая перемены, устраиваемые по большому счету человечеством.

В качестве ускорителя такого рода перемен выступает человеческая цивилизация. По мнению одного историка, прослеживается зарождение как минимум семи цивилизаций. Этот ученый муж исходит из того, что у него имеются основания назвать по меньшей мере семь примеров, когда в распоряжении человека находились необходимые навыки и конкретные стечения естественных фактов, обеспечивающие условия для построения нового уклада жизни, основанного на использовании природы в своих интересах. Притом что все эти начинания приходятся на промежуток времени протяженностью приблизительно 3 тысячи лет (всего лишь момент на фоне доисторического существования планеты), протекали они далеко не одновременно и закончились по-разному успешно. Все они значительно отличались друг от друга: некоторые из цивилизаций стремительно неслись к сохранившимся в веках достижениям, в то время как другие быстро приходили в упадок или исчезали, пусть даже пережив некоторый период поражающий впечатление расцвет. Тем не менее все они символизировали повышение уровня и масштаба изменений, представляющихся радикальными в сопоставлении со всеми достижениями человечества в прежние времена.

Некоторые из этих ранних цивилизаций все еще служат безоговорочным основанием нашего нынешнего мира. Между тем другие в наше время сохранили незначительное влияние или никакого следа не оставили. Хотя когда на глаза нам попадаются редкие реликвии, дошедшие до нас с тех времен, у нас может разыграться воображение или возникнуть некие эмоции. Как бы там ни было, древние цивилизации по большому счету определили культурную карту мира, существующую в наши дни, в силу традиций, сложившихся у их народов, достижения которых в области философии, общественной организации или технической мысли давно забыты. Зарождение древнейших цивилизаций, случившееся между приблизительно XXXV и V веком до н. э., служит отправной точкой для проведения главного хронологического деления всемирной истории.

1
Жизнь людей при древнейших цивилизациях

На протяжении всего известного нам времени в Иерихоне постоянно бьет родник, до сих пор питающий крупный оазис. Этот источник живительной влаги служит несомненным объяснением того факта, почему люди жили там с некоторыми перерывами на протяжении около 10 тысяч лет. В конце доисторических времен вокруг этого оазиса образовались поселения земледельцев; численность его жителей могла составлять 2–3 тысячи человек. Жители оазиса приблизительно в XVI веке до н. э. соорудили громадные емкости для воды, предназначавшиеся, осмелимся предположить, для масштабных хозяйственных нужд, предположительно, для орошения. К тому же сохранились следы массивной каменной башни, входившей в состав тщательно продуманной системы оборонительных сооружений, давно ждущих капитального ремонта. Так получается, что жителям оазиса было что защищать; то есть они располагали определенным состоянием, которым дорожили. Итак, Иерихон заслуженно считается важным местом.

При всем этом говорить о началах цивилизации пока еще не приходится; слишком многого еще ей недоставало, да к тому же на заре самой цивилизации стоит задуматься над тем, что мы в ней вообще ищем? Здесь все как с проблемой определения времени появления первых человеческих существ. Существует некая туманная область, где, как нам известно, происходит нужное нам изменение, но до сих пор идут споры по поводу конкретного пункта пересечения таинственной линии. Во многих местах как в Западной, так и Восточной Азии приблизительно в L веке до н. э. в поселениях земледельцев появился избыток сельскохозяйственной продукции, на основе которого, в конечном счете, могла возникнуть цивилизация. Жители некоторых из них оставили после себя свидетельства сложных религиозных обрядов и верований, а также глиняную посуду с искусной раскраской, представляющей собой один из самых широко распространенных видов искусства в эпоху неолита. Примерно около LX века до н. э. в Чатал-Хююке на территории Турции внедряется строительство зданий из обожженного кирпича, а ведь это поселение считается совсем не намного моложе Иерихона. Однако под цивилизацией мы обычно подразумеваем нечто большее, чем обряд, творчество или конкретные технические приемы, тем более нечто большее, чем простое скопление человеческих существ в каком-то одном месте.

Все дело напоминает разговор о «грамотном человеке»: при встрече с таким человеком ни у кого не возникнет сомнения в его статусе, но не всех грамотных людей признают таковыми все без исключения встреченные ими люди, не служит необходимым или безошибочным показателем наличие у такого человека официального документа о получении образования (университетского диплома, например). Словарные определения тоже не дают точного значения слова «цивилизации». Определение из «Оксфордского словаря английского языка» считается бесспорным, но дается оно до того расплывчатым, что представляется бесполезным: «развитое или передовое состояние человеческого общества». Остается только составить представление о том, насколько развитое, до какой степени передовое состояние и в каких направлениях.

Кто-то высказывается так, что цивилизованное общество отличается от нецивилизованного общества в силу присущих ему характерных атрибутов: предполагалось наличие письменности, городов, монументальных строений. Не все с такой квалификацией соглашаются, очевидно, предпочтительнее отказаться от безоговорочного принятия такого единственного критерия. Если же, наоборот, посмотреть на примеры того, что все согласились назвать цивилизациями, а не крайними и сомнительными случаями, тогда со всей очевидностью получится общий признак под названием – сложность понятия. Все открытые на текущий момент цивилизации достигли такого уровня совершенства, позволяющего существенное расшире-

ние разнообразия человеческой деятельности и богатство опыта, какое не свойственно даже состоятельному примитивному сообществу. Категорию цивилизованности мы присваиваем взаимодействию людей в условиях широкого творчества, когда, и это очевидно, накапливается критическая масса культурного потенциала и определенный излишек ресурсов. В цивилизованном обществе эти факторы служат раскрепощению человеческого потенциала к развитию на совершенно новом уровне, причем это развитие в значительной мере поддерживается за счет его собственных ресурсов. Но давайте обратимся к конкретным примерам.

Исходный пункт нашего повествования о цивилизациях находится приблизительно в 4-м тысячелетии до н. э., и не вредно бы составить примерную их хронологию. Давайте начнем с первой цивилизации, которую легко распознать, зародившейся в Месопотамии. Следующий пример находится на территории Египта, где цивилизация просматривается несколько позже и датируется приблизительно 3100 годом до н. э. Следующей вехой в истории Западного Средиземноморья считается минойская цивилизация, появляющаяся на Крите около тысячи лет спустя, и с этого времени можно позабыть о расстановке приоритетов в этом уголке мира, где уже образовался комплекс цивилизаций, находящихся в тесном взаимодействии. Между тем дальше на востоке и приблизительно в XXV веке до н. э. на территории Индии появилась очередная цивилизация, причем ее носителем был до известной степени грамотный народ. Первая цивилизация на территории Китая возникает немного позже, где-то после 2000 года до н. э. Позже приходит время Мезоамерики (*Средняя Америка – историко-культурный регион, простирающийся примерно от центра Мексики до Гондураса и Никарагуа. Термин был введен в обиход в 1943 году немецким философом и антропологом Паулем Кирхгоффом*). Как только минует XV век до н. э., тем не менее, один только этот последний пример цивилизации оказывается достаточно уединенным от взаимодействия с другими цивилизациями и не может служить объяснением всему происходящему. С того времени не удается обнаружить цивилизаций, появление которых нельзя объяснить каким-либо стимулом, шоком или наследием предыдущих сообществ. В данном месте наш предварительный набросок начала истории выглядит достаточно полным.

Какое-либо обобщение по поводу этих первых цивилизаций (появление и формирование которых станет предметом описания в нескольких следующих главах) дается с большим трудом. Понятно, что уровень технических достижений у всех этих цивилизаций представляется весьма низким, хотя по сравнению с их далекими от цивилизации предшественниками он кажется поразительно высоким. С технической точки зрения их развитие все еще в гораздо большей степени, чем при нашей собственной цивилизации, определялось условиями существования. И все-таки представители тех цивилизаций приступили к преодолению географической замкнутости. Топография мира тогда мало чем отличалась от нынешней; континенты приобрели очертания сегодняшнего дня, труднопреодолимые препятствия и каналы общения сохранились в неизменном виде, зато постоянно совершенствовались технические возможности для преодоления первых и использования вторых. Направления движения ветра и потока вод, двигавшие суда древнейших морских путешественников, изменились незначительно, и уже во 2-м тысячелетии до н. э. люди научились пользоваться ими и уклоняться от их определяющих факторов.

У нас появляются все основания предположить, что на самом раннем этапе развития цивилизации человек уже располагал широкими возможностями для обмена информацией. В этой связи неблагоразумно категорично утверждать, будто цивилизация зарождалась в разных местах неким стандартным способом. Выдвигались предположения о возникновении благоприятных условий, например, в долинах рек: бесспорно, их богатые и легко поддающиеся обработке почвы могли обеспечить продуктами весьма плотное население земледельцев деревень, которые постепенно превращались в первые города. Такое случилось в Месопотамии, Египте, долине Инда и в Китае. Но города и цивилизации также возникли за пределами реч-

ных долин, в Мезоамерике, на минойском Крите и, чуть позже, на территории Греции. В случае двух последних цивилизаций имеется большая вероятность решающего влияния извне, но обитатели Египта и долины Инда на самой ранней стадии их эволюции тоже находились в контакте с жителями Месопотамии. Непреложный факт такого контакта послужил в какой-то момент основанием для сформулированного несколько лет назад представления, согласно которому нам следует искать один главный источник цивилизации, из которого произошли все остальные. Такой подход в настоящее время всеобщей поддержки не получил. Цивилизация в обособленной Америке представляется не только деликатным случаем, с которым приходится считаться, но к тому же с ней сложно разбираться с точки зрения хронометража предположительного центробежного правила из-за обогащения знаний о доисторических эпохах на основе методики радиоуглеродного определения возраста.

Наиболее удачным ответом представляется то, что цивилизация могла возникать в силу соединения множества факторов, предполагающих наличие специфической территории, способной дать прибежище достаточно плотному населению, достойному признания впоследствии в качестве цивилизации. Однако из-за различной окружающей среды, многозначного внешнего влияния и конкретного культурного наследия прошлого люди не переселялись во все уголки света в том же самом темпе или даже к тем же самым целям. Предположение о стандартном варианте общественной «эволюции» подверглось сомнению еще до выдвижения идеи о «растекании» (диффузии) цивилизации из общего ее источника («источника окультуривания»). Не вызывает сомнения важность благоприятного географического положения; в ранних цивилизациях все опиралось на наличие излишков сельскохозяйственного производства. Но не меньшую важность представляет еще один фактор – способность народов на месте использовать окружающую среду в своих интересах или принимать ее вызовы, и здесь внешние контакты могут играть такую же важную роль, как традиция. На первый взгляд Китай может показаться практически огражденным от внешнего мира, но китайцы пользовались возможностью общения с соседями. Пути, на которых в различных обществах вырабатывается критическая масса элементов, необходимая для образования цивилизации, до сих пор не удается установить.

Гораздо проще говорить о неких общих признаках ранней цивилизации, чем о путях ее происхождения. Однако абсолютные и универсальные размышления в данном случае не проходят. Цивилизации существовали в отсутствие письменности, пусть даже полезной для накопления и применения опыта предыдущих поколений. К тому же следует отметить неравномерное распространение технических навыков более высокого порядка: жители Мезоамерики выполняли сложнейшие строительные операции без применения тягловых животных или колеса, а китайцы овладели техникой литья чугуна почти на полторы тысячи лет раньше европейцев. Ни одна из цивилизаций не следовала какому-то проторенному пути роста; просматриваются громадные несовпадения в факторах их живучести, не говоря уже об их достижениях.

Как бы там ни было, первые цивилизации, как и приходившие им на смену, явно обладали одной общей конструктивной особенностью, состоявшей в том, что с их появлением изменилась человеческая шкала оценки вещей. С их возникновением происходит объединение творческих усилий большего числа мужчин и женщин, чем это наблюдалось в предыдущих сообществах, а в результате получается еще и объединение их в укрупненных поселениях. Прижившееся у европейцев слово «цивилизация» по своим латинским корням восходит к понятию урбанизация. Надо было обладать большой храбростью человеку, осмелившемуся провести точную линию во времени, когда равновесие качнулось от плотного населения земледельческих деревень, образовавшихся вокруг религиозного центра или базара, в сторону первого настоящего города. Но все-таки резонно отметить, что в городе скорее, чем в каком-либо другом учреждении, собирается критическая масса факторов, способная произвести цивилизацию, и что как раз в городе возникали наиболее благоприятные для стимулирования нововве-

дений условия, нежели в любой другой существовавшей до него общественной среде. Внутри города излишки общественных благ, произведенных земледельцами, могли послужить основой для появления других благ, характерных для цивилизованной жизни. Жители городов могли позволить себе содержание духовного сословия, представители которого разработали сложную структуру религиозного поклонения, потребовавшего сооружения массивных зданий, не предназначенных для хозяйственных функций, а потом и письменности для литературных произведений. Намного большие ресурсы, чем в прежние времена, выделялись на что-то иное, а не на непосредственное потребление. Появился вывод о необходимости проявления отраслевых достижений и опыта в новых формах. Накопленная культура постепенно становилась все более эффективным инструментом, предназначенным для изменения мира.

Бросается в глаза одно такое изменение: в различных частях мира сформировались большие группы людей, отличающихся друг от друга. Самый очевидный факт, касающийся ранних цивилизаций, заключается в том, что они поразительно отличаются по вкусовым пристрастиям, но в силу очевидности мы обычно этого не замечаем. С появлением цивилизации открывается эпоха стремительной дифференциации – по одежде, архитектуре, технике, поведению, социальным формам и мышлению. Корни этой дифференциации определенно лежат в доисторическом прошлом, когда уже существовали люди, отличавшиеся образом жизни, эталоном быта, складом ума, а также физическими особенностями. Но это больше нельзя называть простым продуктом природного дара, сформировавшегося под воздействием окружающей среды. Это – результат творческой мощи самой цивилизации. Только с усилением господства западной технологии в XX веке это разнообразие стало стремительно нивелироваться. Начиная с первых цивилизаций и до нашего времени всегда существовали альтернативные модели общественного устройства, даже если представители этих цивилизаций знали друг о друге совсем мало.

Большую часть этого разнообразия вернуть к жизни очень сложно. В некоторых случаях нам достаточно просто знать об их прежнем существовании. Начнем с того, что совсем немного сохранилось свидетельств о жизни разума. О ней можно судить разве что по учреждениям, которые удается восстановить, символам в искусстве и идеям, воплощенным в литературе. В них заключаются поводы для предположений, которые служат надежными координатами, позволяющими нам составить представление о мире, даже не зная о существовании таких координат (история часто преподносит нам примеры того, чего люди о себе вообще не знали). Многие из таких идей представляются утраченными безвозвратно, и даже когда нам вроде бы удается уловить очертания того, что определяло мир людей, живших при старинных цивилизациях, требуется постоянно напрягать воображение, иначе не избежать соблазна впасть в анахронизм, повсюду поджидающий нас. Даже овладевший грамотой человек мало что обнаруживает в умах существ, насколько похожих на нас, настолько же и отличных.

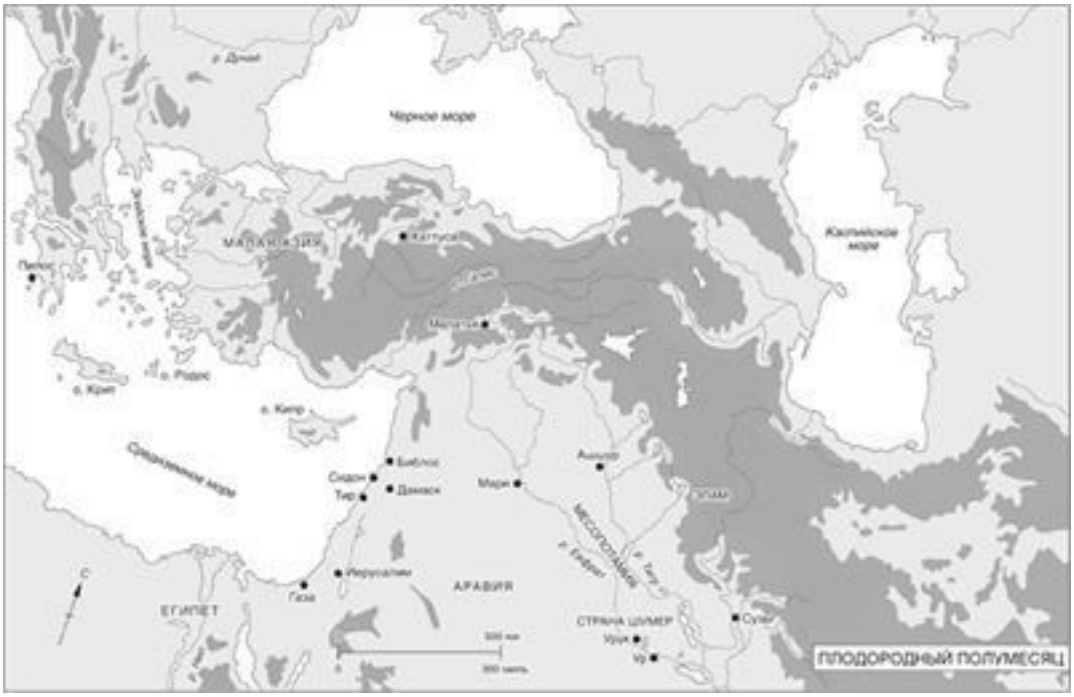
Именно в Западной Азии и Восточном Средиземноморье стимулирующее взаимное влияние различных культур становится очевидным в первую очередь, и не вызывает сомнения вероятность появления именно здесь самых ранних цивилизаций. В неразберихе расовых переселений, произошедших на протяжении 3–4 тысяч лет, случалось то обогащение, то обнищание этой области, где предстояло начаться истории человечества. В Плодородном полумесяце человечеству и его культуре предстояли великие суровые испытания на протяжении практически всех исторических периодов, ведь в этой зоне существовало не только осевшее население. Через него перекатывались волны переселенцев, несших с собой разнообразные идеи. В конечном счете здесь происходил щедрый обмен институтами, языками и верованиями, из которого даже сегодня происходит львиная доля человеческой мысли и обычаев.

Что положило начало этому процессу, не находит однозначного объяснения, но основополагающее предположение заключается в том, что первопричиной послужила перенаселенность на территориях, откуда пришли незваные гости. Перенаселенность применительно к

миру, суммарная численность населения которого в XL веке до н. э. оценивается всего лишь в 80–90 миллионов человек (что сравнимо с современным населением Германии), может показаться понятием парадоксальным. За следующие 4 тысячи лет эта численность выросла приблизительно в полтора раза – до 130 миллионов человек; получается так, что ежегодный прирост населения тогда практически ничего не составлял по сравнению с приростом населения, считающимся в наши дни естественным. Такая статистика народонаселения служит показателем относительной неторопливости, с которой наши древние предки наращивали свой потенциал, а также того, насколько значительно новые возможности цивилизации поспособствовали в деле дальнейшего приумножения численности человечества и его процветании в сопоставлении с доисторическими временами.

Такой рост, однако, по более поздним стандартам выглядел все еще слабым, потому что опорой ему служил весьма ненадежный запас ресурсов, и именно их ненадежностью обосновываются утверждения об избыточности населения древнего мира. Засуха или истощение водных ресурсов могли внезапно и в значительной степени лишить территорию объемов присущей ей кормовой базы, и это было характерным явлением за тысячи лет до того, как продовольствие стали без особого труда завозить из других районов. В результате сразу же наступал голод, но по большому счету следует учитывать другие факторы, имевшие более существенные последствия. Главными движущими силами на заре истории служили возникавшие потрясения; детерминантом до сих пор выступают климатические изменения, хотя в настоящее время их действие более локализовано и проявляется весьма специфически. Засухи, катастрофические бури, даже несколько десятилетий незначительного понижения или повышения температуры могли привести народы в движение и тем самым принести цивилизацию через соединение народов – носителей различных традиций. В столкновении и сотрудничестве они перенимали друг у друга что-то новое и таким образом обогащали общий потенциал их сообществ.

Народы, выступавшие главными действующими лицами на заре истории в этом регионе, принадлежали к светлокожей ветви рода человеческого (иногда по непонятной причине их причисляли к кавказцам), которая появилась в Европе. Они относятся к одной из трех основных территориальных групп особей человека разумного (остальные принадлежат к африканской и азиатской группам). Вместе с тем предпринимались попытки классифицировать народы на основе их языковых различий. Все народы, обитавшие в Плодородном полумесяце ранних цивилизованных времен, по филологическому признаку причислили к группам родственных языков: получилось так, что «хамитская» семья развилась на африканском севере и северо-востоке Сахары; носители «семитского» языка – на Аравийском полуострове; носители «индоевропейского» языка из южной России, к тому же в XL веке до н. э. распространились в Европе и Иране, а в Грузии обосновались настоящие «европейцы» (кавказцы). Такого рода классификация выглядит по большому счету условной, зато дает некоторое представление о *dramatis personae* (действующих лицах) на заре истории Плодородного полумесяца и его окрестностей. Все их исторические центры располагаются вокруг зоны, где раньше всего зарождаются земледелие и цивилизация. Богатство такой благоприятной для жизни области должно было привлекать народы с периферии.



Приблизительно к XL веку до н. э. свободной территории в Плодородном полумесяце практически не осталось, и нам пора предпринять попытку оценить следующие 3000 лет, на протяжении которых создавались предпосылки возникновения самых ранних цивилизаций. Вероятно, к тому времени сюда уже начали проникать семитские народы; их наплыв увеличивался до тех пор, пока к середине 3-го тысячелетия до н. э. (к тому времени цивилизации уже давно существовали) они ни прижились в Центральной Месопотамии на территории долины среднего течения рек Тигр и Евфрат. Взаимное влияние и вражда семитских племен с другими группами, которые смогли закрепиться на землях, замыкающих Месопотамию с северо-востока, считается одной из бесконечных тем, которой занимается целый ряд ученых, познавая древнюю историю этой области. К 2000 году до н. э. на сцену выходят народы, языки которых принадлежали к индоевропейской группе, причем выдвигаются они сразу с двух направлений. Представители одного из этих народов – хетты – вторглись в Анатолию из Европы, а с востока в то же самое время вошли предшественники иранцев.

Между 2000 и 1500 годами до н. э. ветви этих этнических групп ведут споры и смешиваются с семитскими и другими народами на территории самого полумесяца, в то время как политическую историю старого Египта по большей части определяют контакты хамитов и семитов. Такой сценарий, конечно, написан большими выдумщиками. Достоинство его заключается только в том, что с его помощью можно установить основную динамику и этапы хода истории в этой области в древние времена. Подробности этой истории все еще вызывают большие сомнения (как это потом и окажется), а по поводу того, что обеспечивало ее изменчивость, сказать можно совсем мало. Тем не менее, какими бы на самом деле ни были причины, былое переселение народов служило фоном, на котором появилась и достигла своего расцвета первая цивилизация.

2
Древняя Месопотамия

Самым наглядным примером появления чего-то, наиболее похожего на цивилизацию, считается южная оконечность Месопотамии, представляющая собой полосу земли протяженностью 1120 километров, сформированную долинами рек Тигр и Евфрат. Эту оконечность Плодородного полумесяца в эпоху неолита тесно покрывали поселения земледельцев и возделанные поля. Некоторые из древнейших поселений, судя по всему, находились на самом юге, где за сотни лет отложения стоков с высокогорья и благодаря ежегодным паводкам образовались плодороднейшие почвы. Выращивать зерновые культуры там всегда было намного легче, чем где бы то ни было еще, ведь полив в этих областях осуществлялся постоянно и в достаточном объеме; притом что осадки здесь обильными не были и выпадали нерегулярно, воды все равно хватало, так как русло реки часто выходило на уровень выше поверхности окружающей равнины. Если верить выполненным расчетам, то урожай зерна в Южной Месопотамии приблизительно в XXV веке до н. э. вполне сопоставим с отдачей плодороднейших канадских пшеничных полей в наши дни. С древнейших времен здесь существовала возможность выращивать урожай более богатый, чем требовалось для суточного потребления, и такого рода излишек служил фундаментом для зарождения городской жизни. Кроме того, в лежащем по соседству море можно было заниматься промыслом рыбы. Такое положение вещей представлялось для человека сложным вызовом природы, зато в нем заключались огромные возможности. Иногда случались внезапные и бурные изменения течения рек Тигр и Евфрат: болотистые, низменные земли дельты приходилось защищать от паводка с помощью дамб, канав и каналов для паводковых стоков. Многие тысячи лет спустя в Месопотамии можно наблюдать применение приемов, впервые предположительно использовавшихся в древности, для сооружения платформ из тростника и тины, на которых оборудовали старинные земледельческие хозяйства этого района. Такие участки возделывания зерновых культур, образовавшиеся на самых плодородных почвах, представляются наглядным примером того, как на службу человека ставили большие для него неудобства. Однако дренажные и оросительные каналы, без которых было не обойтись, требовалось содержать в исправном состоянии, а эту задачу можно было выполнить только с приложением коллективных усилий. Еще одним достижением совершенно определенно следует назвать возникновение общественной организации восстановления плодородия почвы. Как бы это на самом деле ни случилось, определенно невиданное до тех пор завоевание в форме превращения в плодородные поля топких болот должно было потребовать изобретения жилья новой конструкции, приспособленного для совместного проживания людей.

По мере прироста населения все больше земли осваивалось под выращивание продовольственных культур. Рано или поздно жители различных деревень вступали в спор друг с другом по поводу осушения болот, когда-то служивших для них разделительным пространством. Но еще раньше им приходилось общаться в связи с проведением необходимых оросительных работ. При этом появлялся выбор: враждовать или налаживать сотрудничество. Каждый из этих вариантов предусматривал дальнейшую коллективизацию общества и укрепление власти на новом уровне. Примерно таким образом у людей появилось ощущение потребности в объединении и создании укрупненных союзов, каких не существовало раньше, в составе которых было удобнее защищать себя от нападения врага или покорять дикую природу. Одним из физических воплощений таких союзов стал древний город, обнесенный первоначально глинобитной стеной для защиты от наводнений и врагов, а также приподнятый над уровнем паводковых вод на своеобразном возвышении. Логично, что для городов выбирались места рядом с алтарем местного божества, который служил олицетворением власти в общине. Власть в ней отправлял

ее главный жрец, назначавшийся правителем теократической по сути общины, окруженной такими же теократическими общинами.

Своего рода соперничеством между такими общинами, хотя знать этого доподлинно нам не дано, можно объяснить различия в 4-м и 3-м тысячелетии до н. э. между Южной Месопотамией и другими районами распространения культуры неолита, с которой ее население уже долгое время пребывало в соприкосновении. По виду керамики и особенностям архитектуры алтарей напрашивается вывод о существовании связей между Месопотамией и неолитическими культурами Анатолии, Ассирии, а также Ирана, послуживших формированию цивилизованной области Ближнего Востока. У всех упомянутых выше территориальных образований можно отметить множество общих черт. Но только в одном относительно небольшом районе стиль деревенской жизни, характерный для большой части Ближнего Востока, начинает формироваться быстрее и развиваться в нечто иное. На таком фоне появляются первые особенности настоящего градостроительства, они просматриваются в стране Шумер, где уже распознается древнейшая цивилизация.

Название древнейшей письменной цивилизации Шумер присвоено южной области Месопотамии, которая когда-то простиралась приблизительно на 160 километров на юг от нынешнего побережья. Народ, проживавший там, можно скорее отнести к группам, распространенным на севере и западе, чем к их семитским соседям на юго-западе. По предположительному происхождению шумеры походили на своих северных соседей эламитов, живших на противоположном берегу Тигра. Ученые все еще не могут прийти к единому мнению по поводу времени переселения в эту область тех же шумеров – то есть людей, говоривших на языке, позже названном шумерским: они могли осесть там приблизительно с XL века до н. э. Но так как нам доподлинно известно, что население цивилизованного Шумера представляло собой смесь этнических групп, возможно включавших прежних жителей области, являвшихся носителями культуры с элементами иноземных и местных традиций, такой вопрос представляется не принципиальным.

У шумерской цивилизации прослеживаются глубокие корни. Этот народ издавна придерживался образа жизни, мало отличавшегося от образа жизни соседей. Шумеры жили в деревнях и располагали несколькими основными центрами культового поклонения, обитатели которых практически никогда не менялись. Один из таких центров, обнаруженный в древнем городе под названием Эриду, мог появиться приблизительно в L веке до н. э. В исторические времена наблюдался его поступательный рост, и к середине 4-го тысячелетия там появился храм, который, как считают некоторые ученые, послужил изначальным образцом для развития месопотамской монументальной архитектуры. В настоящее время от него ничего не сохранилось, кроме платформы, на которой этот храм стоял. Такие центры культового поклонения изначально служили тем, кто жил по соседству. Городами в полном смысле этого слова такие центры назвать еще сложно, ведь их предназначение заключалось в отправлении религиозного культа и приеме паломников. Значительное постоянное население здесь, скорее всего, отсутствовало, но эти центры послужили стержнем, вокруг которого позже складывались города, и это помогает объяснить тесную связь религии и власти, всегда существовавшей в древней Месопотамии. Еще задолго до XXX века до н. э. в ряде таких мест появляются действительно очень большие храмы; особым великолепием отличался храм в Уруке (в Библии названном Эрехом), снабженный тщательно продуманным художественным оформлением и приковывающими внимание опорами из глинобитного кирпича, 2,5 метра в диаметре.

Среди главнейших свидетельств, связывающих Месопотамию периода до появления цивилизации с историческими временами, называют найденную там керамику. Предметы такой керамики дают первые представления о появлении артефактов, значимых для культурного прогресса, причем качественно отличающегося от появившихся в ходе эволюции периода неолита. Так называемые «урукские горшки» (имя присвоено по месту их обнаружения)

часто выглядят унылее, чем более старинные гончарные изделия, и не так волнуют воображение. Однако их выпускали уже серийными партиями, изготавливали по стандартному образцу на гончарном круге (впервые используемом здесь в такой роли). Большое практическое значение этого предприятия состоит в том, что к моменту начала изготовления «промышленной» керамики в Месопотамии уже существовал слой необходимых ремесленников; и жили они за счет достаточно зажиточных земледельцев, производивших излишек продовольствия, который обменивался на их изделия. Именно с момента данного изменения вполне обоснованно можно говорить о шумерской цивилизации.

Все это продолжалось около 1300 лет (примерно с 3300 по 2000 год до н. э.), то есть приблизительно столько же времени, сколько нас отделяет от эпохи Шарлеманя (Карла Великого). В самом начале была изобретена письменность. Вероятно, это изобретение по значимости можно сравнить с открытием земледелия до наступления эры паровых машин. На протяжении почти половины срока, в течение которого человечество владело навыком письма, для него использовались глиняные носители. Письму как таковому предшествовало изобретение цилиндрических печатей с выгравированными на них миниатюрными рисунками, переносимыми на глину методом прокатывания по ней такой печати; гончарные изделия со временем изнашивались в прах, зато эти печати сохранились в виде одного из величайших творческих достижений ремесленников Месопотамии. Древнейшие письмена возникли в виде пиктограмм или упрощенных картинок (считающиеся первым шагом от передачи сообщений в виде образов к символам с закодированным смыслом), нанесенных на глиняные таблички, обычно подвергавшиеся обжигу после нанесения на них информации с помощью заточенного стебля тростника. Древнейшие обнаруженные письма составлены на шумерском языке, и в них можно прочесть тексты распоряжений, списки товаров, квитанции; перед нами в основном отрывочные хозяйственные документы, которые совсем не похожи на складную литературу. Письмо на этих древнейших блокнотах и бухгалтерских книгах постепенно преобразовывалось в клинопись, представлявшую собой определенный способ расположения знаков, наносимых на глиняную табличку с помощью клинообразного кончика тростника. Таким образом, в Месопотамии полностью отказались от пиктографического письма. Знаками и группами знаков на данном этапе стали обозначать фонетические, а также, возможно, силлабические элементы языка. Причем все они составлены из комбинаций того же самого клина. Такая форма передачи сообщения знаками представляется более гибким, чем все остальные, способом среди используемых до настоящего времени, а шумерам удалось создать ее чуть позже XXX века до н. э.

Благодаря достаточному количеству письменных памятников шумерской культуры нам теперь известно о языке этого народа. Несколько шумерских слов дошло до наших дней; одно из них в первозданном виде означает слово «алкоголь» (и самый старинный рецепт приготовления пива), что наводит на определенные размышления. Но наибольший интерес с точки зрения этого языка представляет само сохранение его в письменной форме. Владение грамотой, с одной стороны, открывало новые обширные возможности для общения; а с другой стороны, придавало уверенности в повседневной жизни, так как можно было свериться с письменным источником наравне с устным общением. При наличии письменных инструкций значительно упрощалась организация сложных мероприятий по орошению земель, сбору и хранению урожая зерновых культур, служивших основой развивающегося человеческого сообщества. Письменность способствовала повышению отдачи от эксплуатации природных богатств. Она к тому же послужила укреплению власти и приданию особого значения кастам жрецов, поначалу присвоивших себе исключительное право на овладение грамотой. Интересно отметить тот факт, что одно из древнейших предназначений цилиндрических печатей явно придумали жрецы, ведь по большому счету их использовали для удостоверения количества зерна при поступлении его в распоряжение храма. Можно предположить, что жрецы поначалу вели учет хозяйственных сделок в системе централизованного перераспределения общественных благ, при которой

люди сдавали причитающуюся с них продукцию в храм и получали там нужное им самим продовольствие или материальные ценности.

Помимо таких учетов, изобретенное письмо в большей степени открывает историку прошлое еще в одном отношении. Теперь он наконец-то владеет неопровержимыми свидетельствами, необходимыми для получения представления о складе человеческого ума. Ведь литература сохраняется в письменном виде. Древнейшим в мире литературным произведением числится «Сказание о Гильгамеше». Его наиболее полный вариант, правда, относится всего лишь к VII столетию до н. э., однако легенда как таковая появляется уже в шумерские времена, и существуют сведения о том, что ее записали в самом начале 2000 года до н. э. Гильгамеш когда-то жил на самом деле и правил в Уруке. Он к тому же считается не только первым в мировой литературе реальным персонажем, но и героем также других поэтических произведений. Автору настоящего труда без упоминания его имени никак не обойтись. Современному читателю самым поразительным эпизодом «Сказания» может показаться наступление Великого потопа, принесшего погибель всему человечеству за исключением одной Богом избранной семьи, спасшейся на построенном ими ковчеге; от них пошла новая ветвь человечества, заселившего мир после завершения этого потопа. В древнейших вариантах «Сказания» этого сюжета отыскать не удается, зато он появился в виде отдельной поэмы с описанием судьбы рода человеческого, и такая легенда в многочисленных формах пересказывается в эпосе Ближнего Востока, причем ее включение в данное старинное произведение вполне понятно. Население низменной Месопотамии должно было постоянно страдать от разливов рек, которые во многом ограничивали возможности совершенствования ненадежной системы орошения, от которой зависело его благополучие. Можно предположить, что наводнения в древности воспринимались как неизбежное бедствие, и на его фоне сложился беспросветный фатализм, который кое-кто из ученых рассматривает в качестве ключа к шумерской религии.

Все «Сказание» пронизано мрачным настроением. Гильгамеш совершает великие подвиги в своем неустанном поиске основания для самоутверждения в условиях действия непоколебимых законов богов, предусматривающих поражение человека. И в конечном счете боги одерживают победу. Гильгамешу тоже уготована неминуемая гибель:

«Судьба литературных героев этого произведения как людей мудрых напоминает молодой месяц с характерным для него ростом и убыванием лунного серпа. Люди должны задаться таким вопросом: «Кто еще когда-либо правил, располагая волей и властью, принадлежавшей ему?» Без него нам ничего не светит точно так же, как в безлунную ночь или при затянутом тучами небе. О, Гильгамеш, вот какой смысл передавался через твой сон. Тебе поручили править царством, и в этом состояла твоя судьба; а вот вечной жизни ты не удостоился».

Вместе с ощущением настроя повествования и осознанием заложенного в нем религиозного темперамента самой цивилизации из данного произведения можно почерпнуть богатые сведения о богах Древней Месопотамии. Вот только достоверную историю из «Сказания» извлечь сложно, тем более привязать к ней исторический образ Гильгамеша. В частности, попытки обнаружить свидетельства того самого библейского потопа средствами археологии убедительных результатов не принесли, хотя следов многочисленных наводнений на территории Междуречья сколько угодно. Из воды в какой-то момент появляется суша: тогда, быть может, нам предлагается рассказ о сотворении мира, его происхождении. В еврейском Священном Писании (Танах) суша появляется из морских пучин по воле Бога, и такой вариант происхождения земли устраивал образованнейших из европейцев на протяжении тысячелетий. Захватывающим занятием представляются рассуждения на тему того, что появлению у нас собственного интеллектуального наследия в огромной степени способствовало мифологизированное изложение шумерами их собственной доисторической жизни, когда их предки в болотах месопотамской дельты изобрели земледелие. Однако все это выглядит досужими домыслами; а разум подсказывает нам остановиться всего лишь на бесспорных совпадениях,

изложенных в «Сказании» и одной из известнейших библейских легенд, касающейся эпопеи с Ноем и его ковчегом.

Суть данной легенды служит намеком на ту важность, которую имело распространение шумерских идей на Ближнем Востоке еще долгое время после того, как центр истории его переместился в Верхнюю Месопотамию. Различные версии и эпизоды из «Сказания о Гильгамеше», если только придерживаться исключительно одного его текста, встречаются в летописях и реликвиях многих народов, доминировавших в областях данного региона во 2-м тысячелетии до н. э. Притом что позже данное произведение было утеряно, а вернуть его удалось лишь в новейшие времена, имя Гильгамеша упоминалось в литературе на языках многих народов на протяжении 2 тысяч лет наподобие того, как европейские авторы до недавнего времени позволяли себе любые ссылки на классическую Грецию, ничуть не сомневаясь в том, что читатели легко их поймут. Шумерский язык на протяжении многих веков использовался в храмах и школах писарей практически так же, как латынь служила ученым людям в культурном хаосе народов Европы после краха западного классического мира Рима. Такое сравнение следует считать гипотетическим, так как в литературной и лингвистической традиции воплощаются идеи и представления, определяющие и ограничивающие различные способы видения мира; то есть они обладают исторической весомостью.

Получается так, что самые важные идеи, увековеченные в шумерском языке, относятся к религии. Такие города, как Ур и Урук, послужили инкубаторами идей, которые после преобразования в другие религии, возникшие на Ближнем Востоке на протяжении 2-го и 1-го тысячелетия до н. э., 4 тысячи лет спустя получили распространение во всем мире, пусть даже в практически неузнаваемых видах. В «Сказании о Гильгамеше» встречаем, например, идеальное творение природы в лице мужчины по имени Энкиду; его падение связано с потерей невинности с соблазнившей его блудницей, и после этого, познав плоды цивилизации, он теряет свою благотворную связь с естественным миром. Литература позволяет находить такого рода намеки в мифологиях других и более поздних обществ. Через литературные памятники люди начинают осознавать значение вещей, ранее скрытое в неясных реликвиях жертвенных подношений, глиняных фигурках, а также в планировке на местности алтарей и храмов. В древнейшем Шумере они уже дают возможность обнаружить порядок человеческого общения со сверхъестественными силами, отличающийся гораздо большей сложностью и тщательностью осмысления, чем что-либо иное в то далекое от нас время. Древнейшие города возникали вокруг храмов, и эти храмы становились все крупнее и внушительнее (в том числе потому, что зародилась традиция возведения их новых зданий на насыпях, сооружавшихся для предыдущих культовых мест). В них исполнялись обряды жертвоприношений ради богатых урожаев. Позже произошло усложнение их культов, более роскошные храмы построили гораздо севернее – у самого Ашшура, расположенного почти на 500 километров выше по течению Тигра. Нам известно об одном таком храме, построенном из кедра, привезенного из Ливана, и меди из Анатолии.

Ни в одном другом древнем обществе того времени религия не занимала такого видного места, а на содержание ее служителей не выделялось такой большой доли коллективных ресурсов. В этой связи высказывается предположение о том, что ни в одном другом древнем обществе люди не чувствовали себя абсолютно зависимыми от воли своих богов. В доисторические времена ландшафт Нижней Месопотамии представлял собой плоскую однообразную болотистую равнину с многочисленными водоемами. Никаких гор, подходящих для обитания богов, там никогда не существовало: только пустые небеса над головой, безжалостное летнее солнце, сбивающие с ног ветры, защиты от которых отыскать было негде, неудержимый напор паводковых вод и губительные приходы засухи. Боги обитали в виде этих стихийных сил или на «возвышениях», в одиночестве господствовавших над равнинами, в построенных из кирпича башнях и зиккуратах (ступенчатых сооружениях, состоявших из трех – семи усеченных ступеней с храмом наверху, сложенных из кирпича-сырца с последующей яркой окраской), упо-

мянутых в библейской легенде о Вавилонском столпотворении. Понятно, что шумеры видели свое предназначение в тяжком труде на благо богов.

Приблизительно к 2250 году до н. э. в Шумере более или менее сложился пантеон богов, олицетворявших явления и силы природы. Этот пантеон послужил фундаментом месопотамской религии и ознаменовал начало богословия. Изначально жители каждого города выбирали своего собственного бога. Можно предположить, что в ходе политических перемен в отношениях между городами эти боги в конечном счете выстроились в соответствии со своего рода иерархией, отразившей и определившей взгляды людей на человеческое сообщество. Боги Месопотамии в окончательном виде изображены в человеческом обличье. Каждому из них определен собственный образ деятельности или роль; появился бог воздуха, бог воды, бог-пахарь. Иштар (под этим семитским именем она вошла в историю) считалась богиней любви и воспроизведения потомства, а также войны. Венчали иерархию три великих бога мужского пола, роли которых совсем не просто определить: Ану, Энлиль и Энки. Ану числился отцом всех богов. Самым знаменитым сначала считался Энлиль; его звали Владыкой ветра, без которого не обходилось ни одно дело. Бог мудрости и пресных вод, которые для Шумера буквально означали жизнь, по имени Энки служил учителем, а также распорядителем живых и мертвых, который поддерживал порядок, установленный Энлилем.

Эти боги потребовали искупительных жертвоприношений и поклонения в соответствии с тщательно разработанным обрядом. За все это и за достойную жизнь боги обещали процветание и долгие годы, но не больше. При всей неуверенности в жизни населения Месопотамии было не обойтись без ощущения возможного покровительства со стороны сверхъестественных существ. Люди нуждались в богах как защитниках от капризов природы. Боги, хотя никто в Месопотамии их так не называл, представлялись плодом осмысления людьми примитивных попыток обуздания окружающей природы, предотвращения внезапных бедствий в виде наводнений и пыльных бурь, надежды на продолжение цикла смены сезонов с повторением большого весеннего праздника, когда боги снова женились и воспроизводилась драма сотворения мира. После этого можно было верить в продолжение мира еще на один год.

Одно из важнейших требований, которые позже люди стали предъявлять к религии, заключалось в том, чтобы ее служители облегчили им задачу примирения с неизбежным ужасом смерти. Самих шумеров и народы, унаследовавшие их религиозные убеждения, вряд ли могли полностью устраивать сложившиеся у них верования в том виде, в каком нам дано эти верования осознать; они, похоже, представляли свое существование после смерти в мрачном и грустном мире. То есть им предстояло переместиться в «Дом, где они пребывают в темноте, где приходится питаться прахом и вместо мяса удовлетворяться глиной, у них будут, как у птиц, крылья вместо одежды, на запоре и двери лежит пыль, а вокруг стоит мертвая тишина». Отсюда происходит более позднее понятие преисподней и ада. Причем по крайней мере одним обрядом допускалось самоубийство, ведь в середине 3-го тысячелетия шумерского царя и царицу в могилы сопровождали их слуги, которых тогда хоронили с господами, возможно, после приема усыпляющего снадобья. По такому обряду можно сделать предположение о том, что покойникам предстояло отправиться куда-то, где большая свита и роскошные украшения обладали не меньшей ценностью, чем при их жизни на земле.

Шумерская религия содержала важные политические аспекты. Вся земля принадлежала исключительно богам; царь или, предположительно, царь-жрец по происхождению из военных вожаков выступал в роли всего лишь наместника (викария) этих богов на земле. Понятно, что ни один человеческий суд не мог призвать наместника богов к ответу. Появление такого викариата к тому же означало формирование сословия жрецов, то есть мастеров, положением которых предусматривались практические преимущества, позволявшие приобретение ими особых навыков и знаний. В этом отношении шумеры также заложили основы новой традиции: от них пошли прорицатели и мудрецы Востока. Им мы к тому же обязаны появлением первой

упорядоченной системы просвещения, основанной на запоминании и переписывании текстов клинописным шрифтом.

Среди сопутствующих приобретений шумерской религии следует назвать первые произведения искусства с изображением людей. В частности, жрецы одного из религиозных центров, находившегося в Мари, явно увлекались изображением людей, занятых в обрядовых действах. Иногда изображались групповые процессии; тем самым удалось установить один из величественных сюжетов изобразительного творчества. Знаменитыми стали еще два сюжета: война и мир зверей. Кое-кто из исследователей обнаружил в ранней портретной живописи шумеров еще и глубинное значение. Они видели в портретах людей психологические качества, которые сделали возможными удивительные достижения их цивилизации. То есть честолюбие и стремление к успеху. Опять же, такой вывод воспринимается однозначно далеко не всеми учеными. Произведения шумерского изобразительного искусства впервые позволили познакомиться с повседневной жизнью людей древности, скрытой от нас завесой веков. А если исходить из широкого распространения контактов шумеров с другими живущими по соседству народами и по большому счету сходству их структуры жизни, тогда не составит большого труда представить себе кое-что из жизни населения на более просторной площади древнего Ближнего Востока.

На печатях, в скульптурных и живописных произведениях зачастую представлены мужчины в своего рода меховых – шкуры коз или овец? – накидках, а у женщин шкуры бывают наброшены на плечо. Часто, правда не всегда, мужчины предстают чисто выбритыми. Воины отличаются от мирных людей только оружием и иногда коническими кожаными шапками. Признаки роскоши проявляются в наличии досуга и дополнительного имущества сверх обычной одежды, а также обладании ювелирными украшениями, которых до наших дней дошло очень много. Таким образом обозначается статус человека, и уже можно говорить об усложнении общественных отношений. До нас дошли также жанровые сценки пирушек: группа мужчин сидит в креслах с чашками в руках, а некий музыкант развлекает их своими мелодиями. В такие моменты шумеры кажутся более современным народом.

Бракосочетание у шумеров во многом напоминает обряды более поздних сообществ людей. Главная задача жениха заключалась в том, чтобы заручиться согласием на брак со стороны родителей невесты. После согласования удовлетворяющих всех условий утверждалась моногамная семейная единица через брак, закрепленный договором с приложением печати. Семью возглавлял патриархальный муж, которому подчинялись в равной степени его родственники и рабы. Такой порядок до недавнего времени соблюдался практически во всех уголках нашего мира. Но следует отметить забавные тонкости этого дела. В юридических и литературных источниках содержатся свидетельства того, что даже в древние времена шумерские женщины находились в менее угнетенном положении, чем их сестры во многих более поздних ближневосточных обществах. В семитских и несемитских традициях можно найти отклонения в этом вопросе. В шумерских легендах, посвященных богам, предлагается общество, члены которого настороженно и даже с опаской относятся к власти женской чувственности; шумеры были первым народом, литераторы которого упомянули о человеческой страсти. Это не просто связать с какими-то нормами, но по шумерскому праву женщин нельзя было считать всего лишь собственностью мужчины. Женщины пользовались всеми основными гражданскими правами; даже рабыня, родившая детей от свободного мужчины, имела определенную защиту в соответствии с законом. Право на развод предусматривалось для женщин, а также мужчин, решивших расстаться. При этом за разведенными женами сохранялись равные с мужчинами права. Хотя супружеская измена жены каралась смертью, а измена мужа прощалась, такое положение вещей можно объяснить в свете проблемы наследования и права собственности. Только после шумерских времен в месопотамском праве акцент ставится на целомудрии и возвеличивании почтенных женщин, ведущих безупречный образ жизни. Обе эти

нормы служат признаком ужесточения отношения к женщинам и снижения их роли в обществе.

Шумеры также продемонстрировали большую изобретательность в сфере практических разработок. В этом смысле остальные народы очень многим им обязаны. Влияние шумерского права можно проследить далеко после заката культуры шумеров. Шумеры заложили основы математики изобретением метода выражения числа положением, а также знаком (ведь мы, например, можем полагать цифру 1 единицей, одной десятой частью, десяткой или несколькими иными значениями в соответствии с ее положением относительно десятичной запятой). Догадались о способе деления круга на шесть равных сегментов. Овладели десятичной системой исчисления, хотя ею не пользовались, и мы впервые узнаем о семидневной неделе из «Сказания о Гильгамеше».

К закату истории шумеры как самостоятельная цивилизация научились жить крупными группами; известно, что в одном-единственном шумерском городе насчитывалось 36 тысяч жителей мужского пола. Для этого требовались соответствующие строительные навыки, и еще более высокие требования предъявлялись к возведению монументальных сооружений. Из-за острой нехватки строительного камня в Южной Месопотамии ее жители сначала сооружали постройки из тростника, обмазанного глиной, а потом из кирпича, изготовленного из той же высушенной на солнце глины. Технология шумерского кирпичного строительства достигла большого совершенства ближе к завершению периода их истории, ведь именно тогда появилась возможность возведения очень крупных зданий с колоннами и террасами; верхняя ступень самого грандиозного из шумерских монументов – зиккурата в Уре – находится на высоте в 30 с лишним метров, а размеры основания составляют 60 на 45 метров. Древнейший сохранившийся гончарный круг археологи обнаружили в Уре; впервые человек использовал в производственных целях вращательное движение предмета. На гончарном круге основывалось крупномасштабное производство глиняной посуды, и это ремесло стало делом мужчины, а не женщины, как было раньше. В скором времени, то есть к XXX веку до н. э., колесо приспособили для транспортных целей. К еще одному изобретению шумеров относится изготовление стекла, а отдельные ремесленники в 3-м тысячелетии до нашей эры занялись литьем из бронзы.

Данные нововведения заставляют задаться следующим вопросом: откуда бралось сырье? Никакого металла в Южной Месопотамии не име-елось. Кроме того, даже в предыдущие времена, при неолите, жители этой области должны были где-то приобретать кремень и обсидиан, необходимые для изготовления примитивных земледельческих орудий. Понятно, что тут было не обойтись без широкой сети внешних связей, прежде всего с достаточно удаленными Левантом и Сирией, а также с Ираном и Бахрейном в нижней части Персидского залива. Еще до 2000 года до н. э. в Месопотамию поступали товары (пусть даже не напрямую) из долины Инда. Вместе с документальными доказательствами (которыми подтверждаются контакты с Индией раньше 2000 года до н. э.) эти товары наводят на мысли о подспудно появляющейся системе международной торговли, внутри которой уже возникают заметные схемы взаимной зависимости. Когда в середине 3-го тысячелетия поставки олова с Ближнего Востока истощились, бронзовое оружие в Месопотамии пришлось поменять на оружие из меди в чистом виде.

Вся эта цивилизация существовала за счет земледелия, вести которое с самого начала было занятием сложным, но доходным. В большом количестве здесь выращивали зерно ячменя, пшеницы, проса и сезама (кунжута); главной культурой можно назвать ячмень, и именно им объясняются многочисленные свидетельства употребления в Древней Месопотамии пьянящих напитков. На легкой пойменной почве достижение высокой урожайности посевов обходилось без применения особых орудий; главный вклад в техническое оснащение здесь приходился на практическое орошение и совершенствование управления. Такого рода навыки накапливались медленно; нам достались свидетельства шумерской цивилизации, просуществовавшей на протяжении полутора тысяч лет ее истории.

До сих пор речь шла о таком громадном отрезке времени, будто на его протяжении ничего не происходило, как будто оно представляло собой нечто неизменное. Но это не так. Что бы там ни говорили о низком темпе изменений в древнем мире, которые теперь вообще могут казаться нам статическими погрешностями, те 15 веков принесли жителям Месопотамии великие перемены. Прежде всего, в полном смысле этого слова началась история человечества. Ученые восстановили многие основные события того времени, но автор настоящего труда не ставит перед собой цели подробно их изложить, тем более что большая их часть все еще вызывает споры, другая часть остается неясной и даже даты подчас весьма приблизительны. Постараемся хотя бы привязать первый период месопотамской цивилизации к ее преемникам, а также показать, что происходило в то же самое время в других местах.

В истории шумеров можно выделить три крупных этапа. Первый, ограниченный приблизительно 3360 и 2400 годами до н. э., называется архаическим периодом. Его изложение содержит описание войн между городами-государствами, их подъемов и закатов. Редкими, но надежными свидетельствами тогдашних войн служат укрепленные города и применение в военном деле колеса в виде такого изобретения, как неуклюжие двухосные колесницы. Ближе к середине этого 900-летнего этапа отмечаются попытки утверждения местных династий, причем с переменным успехом. Изначально шумерское общество вроде бы строилось на некоторой представительной, даже демократической основе, но по мере роста государства у шумеров появились цари, отличавшиеся от первых правителей-жрецов; предположительно они начинали путь к власти полководцами, назначавшимися жителями городов командовать их вооруженными отрядами, но не отказались от верховенства, когда опасность, в связи с которой их нанимали, отпала. От них пошли династии, враждовавшие друг с другом. С таким неожиданным появлением великого человека открывается новая фаза истории.

Первым из них считается царь семитского города Аккада Саргон I, который в 2334 году до н. э. покорил Месопотамию и основал аккадскую верховную власть. До наших дней дошло изваяние, предположительно, его головы; если это на самом деле так, то мы имеем дело с одним из первых портретов августейшей особы. Он занимает первое место в продолжительной череде объединителей империй; считается, что Саргон посылал свои войска до Египта и Эфиопии, и этот царь открыл шумерам окружавший их мир. Жители Аккада позаимствовали у шумеров клинописную грамоту, и правление Саргона базировалось не на относительном превосходстве одного города-государства над другим, а на определенной степени интеграции. Его народ принадлежит к племенам, на протяжении тысячелетий довлеющих над цивилизациями долин рек. Навязав свою власть, этот народ перенял нужное ему культурное наследие побежденных. В результате нам достался новый стиль шумерского искусства, отмеченного сюжетной линией побед царей.

Аккадская империя отнюдь не означала тогда конец Шумера: как раз наступил второй, главный этап его истории. Речь идет о появлении нового уровня организации. Ко времени Саргона возникло государство в полном смысле этого слова. Разделение светской и религиозной властей, появившееся в древнем Шумере, приобрело фундаментальный характер. Притом что сверхъестественные представления пронизывали повседневную жизнь на всех уровнях, власти правителя и жрецов разошлись в разные стороны. Свидетельства такого разделения властей можно наблюдать в шумерских городах в физическом проявлении: рядом с храмами появились дворцы знати; власть богов теперь тоже простиралась за пределами обители хозяина дворца.

При всей расплывчатости сведений о превращении знаменитостей древних городов в царей свою роль в этом процессе должно было сыграть развитие воинской профессии. На памятниках города Ура появляются организованные порядки вымуштрованной пехоты, ведущие наступление в строю фаланги под прикрытием щитов с опущенными в сторону противника копьями. В Аккаде наблюдается своего рода кульминационный момент становления древнего военного дела. Саргон держал в своем дворце 5400 солдат, питавшихся из его котла.

Можно вполне уверенно говорить о завершении процесса наращивания власти на силе; завоевания позволяли накапливать ресурсы на содержание собственного войска. Но начало всего процесса лежало в плоскости конкретных задач и потребностей Месопотамии. По мере увеличения численности населения одна из главных задач правителя должна была заключаться в мобилизации трудовых ресурсов в интересах проведения масштабных работ по орошению земель и обузданию паводковых вод. Управление проведением таких мероприятий могло к тому же позволить набор нужного количества солдат, а так как вооружение становилось все более сложным и дорогостоящим, в военном деле требовался соответствующий профессионализм. В известной степени достижения аккадцев в военной сфере обеспечивались применением нового оружия в виде сложного лука, изготовленного из деревянных и роговых полос.

Аккадская гегемония просуществовала относительно недолго. Через 200 лет при правнуке Саргона она была свергнута горными народами – гутьянами, и начался последний этап истории шумеров, названный учеными «нео-шумерский». На последующие 200 лет или около того до 2000 года до н. э. господство снова перешло к местным шумерам. На сей раз его центром стал город Ур, и, хотя трудно понять, что это означало на практике, первый царь третьей династии Ура, пришедшей к власти, назвал себя царем Шумера и Аккада. В шумерском искусстве данного периода проявилась новая тенденция к возвеличиванию власти суверена; традиция народной портретной живописи архаичного периода практически сошла на нет. Снова началось строительство храмов, еще больших по размеру и роскошных, а цари явно стремились воплотить свое величие в зиккуратах. По дошедшим до нас официальным документам можно судить о сохранении к тому же аккадского наследия; в нео-шумерской культуре проявляется множество семитских черт, а в стремлении к расширению царской власти можно заподозрить семитское наследие. Области, платившие дань последним успешным царям Ура, простираются от Суз на границах Элама в нижнем течении Тигра до Библоса на побережье Ливана.

Так наступил закат первого народа, сумевшего создать свою цивилизацию. Разумеется, никуда этот народ не исчез, но волны общей истории народов Месопотамии и Ближнего Востока поглотили его индивидуальность. Великая эпоха его творческого порыва осталась позади, а мы сосредоточили свое внимание на относительно небольшой территории; теперь же горизонты истории будут расширяться. На границах сосредоточивались многочисленные враги. Приблизительно в 2000 году до н. э. пришли эламиты, и Ур пал перед ними. Причины поражения шумеров нам не известны. На протяжении тысячелетий сохранялась вражда между народами, и кое-кто видит в таком поражении результат борьбы за контроль над маршрутами, пролегавшими по территории Ирана, который мог гарантировать свободный доступ к горной местности, где залегали полезные ископаемые, необходимые жителям Месопотамии. В любом случае господству правителей Ура наступил конец. Вместе с ним исчезла самобытная шумерская традиция, теперь уже слившаяся в водовороте мира новых цивилизаций. Она с тех пор только изредка просматривалась в образцах материальной культуры, созданных другими народами. На протяжении 15 веков или около того шумеры наращивали грунтовое основание цивилизации в Месопотамии точно так же, как их доисторические предшественники создавали физический плодородный слой, на котором взошла сама шумерская цивилизация. После нее осталась письменность, монументальные сооружения, понятие справедливости и законности, азы математики и великая религиозная традиция. Итак, список солидный, а еще семена значительно больших грядущих свершений. Месопотамской традиции предстояла еще длинная жизнь, и каждая ее сторона оказывалась затронутой шумерским наследием.

Пока шумеры выстраивали свою цивилизацию, их влияние одновременно способствовало повсеместным изменениям у других народов. На всем протяжении Плодородного полумесяца возникали новые царства и формировались народы. Их усилия подстегивались или направлялись тем, что они видели у своих соседей на юге, и империей Ур, а также собственными потребностями. Распространение признаков цивилизации шло уже просто стремительно.

Из-за этого крайне затрудняется точное определение контуров и категорий главных процессов данных веков. Но сложность усугубляется еще и тем, что на Ближнем Востоке на протяжении продолжительного времени царила неразбериха из-за переселения народов, причин которого нам понять пока не дано. К ним относятся сами аккадцы, первоначально покинувшие великий семитский родной край Аравии, чтобы осесть в Месопотамии. Гутьяны, сыгравшие свою роль в ниспровержении аккадцев, переселились с севера. Самыми удачливыми из всех этих народов оказались амориты, относящиеся к одной из семитских групп, расселившиеся на обширной территории и примкнувшие к эламитам, чтобы совместными усилиями опрокинуть армии царства Ур и покончить с его верховенством. Они утвердились в Ассирии, или Верхней Месопотамии, со столицей в Дамаске, а также в Вавилоне и ряде царств, простиравшихся до побережья Палестины. Древние шумеры Южной Месопотамии никак не могли примириться с эламитами. В Анатолии их соседями оказались хетты, индоевропейский народ, представители которого переселились с Балкан в 3-м тысячелетии. В окресностях этого великого столпотворения простиралась еще одна древняя цивилизация – Египет, а также обитали племена энергичных индоевропейских народов, заселивших Иран. Общая картина представлялась хаосом; область выглядела водоворотом групп, втягивающихся в его воронку со всех сторон.

Неким подходящим ориентиром можно воспользоваться с появлением в Месопотамии новой империи, триумфально вошедшей в историю под названием Вавилон. С этой империей неотъемлемо связана личность ее знаменитого царя по имени Хаммурапи. Ему и без того досталось бы заметное место в человеческой истории хотя бы в силу его широко известной репутации законодателя; свод законов Хаммурапи остается самым древним трудом, автор которого сформулировал правовой принцип «око за око». Он к тому же числится первым правителем, объединившим всю Месопотамию, и хотя его империя просуществовала совсем недолго, превратилась в символический центр семитских народов юга Ближнего Востока. Все началось с победы одного из аморитских племен над его соперниками в период смуты после краха царя Ура. Хаммурапи мог провозгласить себя правителем в 1792 году до н. э.; его преемники исправно продолжали его дело приблизительно до начала 1600-х годов до н. э., пока хетты не разрушили Вавилон, а Месопотамию снова поделили между враждовавшими народами, стекавшимися на ее территории со всех сторон.

В период своего максимального возвышения территория первой вавилонской империи простиралась от Шумерского государства и северного побережья Персидского залива до Ассирии, образованной в верхней части Месопотамии. Хаммурапи правил городами Ниневия и Нимруд на берегу Тигра, городом Мари в верховьях Евфрата, а также контролировал эту реку до места, ближе всего расположенного к городу Алеппо. Государство, занимавшее территорию протяженностью 1126 километров длиной и приблизительно 160 километров шириной, выглядело тогда огромным, на самом деле крупнейшим. Даже в наши дни такое представить невозможно. Притом что империя царя Ура потерпела поражение и сдалась на милость победителя. Для этой империи сформировали тщательно продуманную административную структуру, и свод законов Хаммурапи справедливо считается знаменитым, хотя известность ему досталась в силу случайного стечения обстоятельств. Предыдущие своды суждений и правил дошли до нас в виде всего лишь разрозненных фрагментов, зато свод законов Хаммурапи выбили в камнях и выставили их во внутренних дворах храмов, чтобы народ мог свободно обращаться к мудрости своего правителя. Но в отличие от предыдущих правовых сборников в этом памятнике авторы смогли подробным и упорядоченным способом собрать 282 статьи, в которых давалось всестороннее толкование широкого диапазона вопросов: оплаты труда, бракоразводного процесса, оплаты услуг лекарей и многих других актуальных сторон жизни. Речь шла не столько о законодательстве, сколько о декларации существующего права, и разговором о «своде законов» можно ввести собеседника в заблуждение, если только не сделать оговорку в пользу вышесказанного. Хаммурапи собрал вместе уже применявшиеся в его время правила; он не придумы-

вал свои законы *de novo* (заново). Его кодекс «норм общего права» не менялся на протяжении долгого времени месопотамской истории.

Главное внимание в этом своде правил уделено проблемам семьи, оборота земли и торговли. При этом возникает картина общества, ушедшего уже далеко вперед от регулирования через родственные связи, местное сообщество и управление главами деревень. Ко времени Хаммурапи судебная процедура уже возникла из храмового правосудия, и правилом стало отправление суда людьми, не относящимися к сословию жрецов. В судах заседали представители местной городской знати, и от них обращения поступали в Вавилон, а также к самому царю. На стеле Хаммурапи (каменном столбе, на котором высечен его свод законов) ясно сказано, что его цель состояла в том, чтобы обеспечить справедливость через издание закона:

«Угнетенный человек, который обретет судебное дело, пусть подойдет к моему, царя справедливости, изображению, пусть заставит прочитать мой написанный памятник, пусть он услышит мои драгоценные слова, а мой памятник пусть покажет ему его дело, пусть он увидит свое решение, пусть успокоит свое сердце…»

К сожалению, быть может, его наказания выглядят более суровыми по сравнению с древней шумерской судебной практикой, но в других аспектах, таких как законы, касающиеся прав женщин, шумерская традиция в Вавилоне сохранилась.

Положения свода законов Хаммурапи, касающиеся собственности, включали законы о положении рабов. В Вавилоне, как и во всех остальных центрах древней, а также современной цивилизации, существовала система рабовладения. Скорее всего, происхождение рабовладения восходит к завоевательным войнам; совершенно определенно рабство предназначалось судьбой всем тем, кто терпел поражение в той или иной войне древней истории, а также его женщинам и детям. Но ко времени появления первой Вавилонской империи постоянные невольничьи рынки уже существовали и сложились устойчивые цены, указывающие на абсолютную регулярность торговли людьми. Особенно высоко ценили отличающихся особыми качествами рабов из определенных районов. Притом что право владельца на раба считалось фактически абсолютным, некоторые невольники в Вавилоне пользовались заметной независимостью, занимались своим доходным делом и даже владели собственными рабами. Им предоставлялись собственные права, пусть даже весьма ограниченные по сравнению с правами свободных людей.

Нам сложно понять, что на практике означало рабство в мире, в котором отсутствовало воспринимаемое нами как бесспорное осознание того, что систему рабского труда ничем оправдать не возможно. Все рассуждения общего характера сходят на нет в свете утверждения о великом разнообразии направлений использования рабов; если уж в то время судьба всем рабам досталась нелегкая, то и практически всем свободным людям их жизнь медом не казалась. Остается разве что сочувствовать судьбе пленников, уведенных в рабство множеством победоносных царей, чьи мемориалы украшают просторы от «золотого стандарта» Ура середины 3-го тысячелетия до каменных барельефов ассирийских завоевателей 1500 лет спустя. В древнем мире цивилизация создавалась за счет безжалостной эксплуатации человека человеком; и если такой метод считался не слишком жестоким, то исключительно потому, что о другом возможном пути ведения дел никто даже помыслить не мог.

В свое время вавилонская цивилизация вошла в легенду своим великолепием. Сохранение одного из величайших внешних представлений о городской жизни – суетного, порочного города удовольствия и потребления – в названии «Вавилон» переходило по наследству и сообщало о масштабе и богатстве этой цивилизации, хотя львиная его доля появилась в более позднем периоде истории. И все же сохранилось достаточно памятников, чтобы за этим мифом разглядеть факты, касающиеся древней Вавилонской империи. Производящим огромное впечатление можно считать, например, дворец в городе Мари; стены, окружающие дворы и в некоторых местах достигающие толщины 12 метров, около 300 комнат, формируют комплекс,

оснащенный водоотводной системой из труб с битумным покрытием, пролегающих на глубине девять метров. Он занимает площадь 137 на 180 с лишним метров и считается самым наглядным доказательством власти, которой пользовался тамошний монарх. В этом дворце к тому же обнаружено громадное количество глиняных табличек с письменами, из которых можно получить сведения о состоянии дел предпринимателей и государственных мелочах, заботивших власти империи в то время.

Со времен древней Вавилонской империи сохранилось гораздо больше табличек, чем от государств ее предшественников или непосредственных преемников. На них излагаются подробности жизни вавилонян, позволяющие нам узнать эту цивилизацию лучше (на что уже обращалось внимание), чем то, какими были некоторые европейские страны тысячу лет назад. Они к тому же обогащают наши знания о том, что занимало умы жителей Вавилона. Как раз в те времена сформировалось «Сказание о Гильгамеше», каким оно дошло до нас. Вавилоняне придали клинописи силлабическую (слоговую) форму, тем самым придав ей чрезвычайную гибкость и практичность. Их астрологи усовершенствовали систему наблюдения за природой и оставили нам еще один миф – миф о мудрости халдеев, которыми иногда по ошибке называли вавилонян. В надежде предугадать свою судьбу по расположению звезд вавилоняне разработали науку под названием астрономия и провели ряд важных наблюдений за звездным небом, которые стали еще одним крупным наследием их культуры. Потребовались века, чтобы накопить необходимые данные, сбор которых начался в Уре, но к 1000 году до н. э. уже появилась возможность прогнозировать лунные затмения, а в течение еще двух или трех веков удалось с предельной точностью рассчитать траекторию движения Солнца и некоторых планет относительно всегда неподвижных звезд. Научной традицией, отраженной в вавилонской математике, последователи которой передали нам шестидесятичную систему исчисления шумеров, завещано деление нашего круга на 360 градусов, а часа – на 60 минут. Вавилоняне к тому же рассчитали математические таблицы и разработали алгебраическую геометрию большой практической пользы, а также, возможно, изобрели солнечные часы, считающиеся древнейшим среди известных инструментом для слежения за течением времени.

Заниматься астрономией начали жрецы храмов с наблюдения за движением небесных тел, по которым определяли наступление праздников плодородия и начало сева, и вавилонская религия во многом следовала шумерской традиции. У древнего города Вавилона имелось свое городское божество по имени Мардук; постепенно он пробился на первое место среди своих месопотамских соперников. На это ушло много времени. Хаммурапи безапелляционно заявил, что шумерские боги Ану и Энлиль передали руководство месопотамским пантеоном Мардуку, и во многом сделали это в надежде на то, что тот будет править людьми ради их пользы. Последующие превратности (иногда сопровождавшиеся похищением его статуи захватчиками) омрачили статус Мардука, но после XII века до н. э. его положение сомнению обычно не подвергалось. Между тем шумерская традиция сохранялась в 1-м тысячелетии до н. э. в форме использования шумерского языка для совершения чина богослужения в вавилонских храмах, в использовании имен богов и названии приписываемых им ролей. Вавилонская космогония, как и у шумер, начиналась с создания мира из морского хаоса (имя одного бога означало «ил») с последующим изготовлением человека как невольника богов. Согласно одной из легенд, боги превращали людей в кирпичи с помощью глиняных форм. Такая картина мира отвечала интересам абсолютного монарха, когда царь отправлял власть над людьми наравне с богами. А смысл жизни людей заключался в возведении для царей дворцов и поддержании иерархии чиновников с великими мужами, подобной иерархии небесной.

Свершениям Хаммурапи суждено было не надолго пережить своего героя. События в Северной Месопотамии послужили указанием на появление там новой власти еще до того, как он основал свою империю. Хаммурапи сверг власть аморитов, утвердившихся в Ассирии ближе к закату господства царя Ура. Победой здесь пришлось радоваться очень короткое время. За

нею последовала без малого тысяча лет, на протяжении которых Ассирия оказалась полем сражений и яблоком раздора, в конечном счете затмившим Вавилон, от которого это царство отделилось. От древнего Шумера центр событий месопотамской истории решительно переместился на север. Хетты, укоренявшиеся в Анатолии на протяжении последней четверти 3-го тысячелетия до н. э., в последующие несколько веков продолжали медленное продвижение вперед; за это время они переняли клинопись, которую приспособили к своему собственному индоевропейскому языку. К 1700 году до н. э. они установили свою власть над землями, пролегавшими между Сирией и Черным морем. Затем один из их царей повернул свои войска на юг против Вавилонии, к тому времени уже ослабленной и сократившейся до размеров древней территории царства Аккада. Его преемник довел начатое продвижение до победного завершения; хетты захватили и разграбили Вавилон, династии Хаммурапи пришел конец, а его достижения предали забвению. Но когда хетты ушли, другие народы занялись правлением и оспариванием Месопотамии. Это продолжалось 4 загадочных века, о которых нам известно мало, разве только то, что за данный отрезок времени проблема разделения Ассирии и Вавилонии решилась окончательно, и факт такого разделения сыграл важную роль в следующем тысячелетии.

В 1162 году до н. э. завоеватели-эламиты снова вывезли из Вавилона статую Мардука. Началась совершенно запутанная эпоха, и центр всемирной истории переместился, покинув Месопотамию. Судьбу ассирийской империи еще предстояло определить, а фоном для нее служила новая волна переселения в XIII и XII веках до н. э. народов, являвшихся носителями своих собственных цивилизаций, глубоко отличных от цивилизаций преемников шумеров. Те преемники, их завоеватели и гонители, тем не менее обосновались на культурном фундаменте, заложенном в Шумере. С точки зрения технического уровня, интеллекта, права, теологии Ближний Восток, который к X веку до н. э. затянуло в вихрь мировой политики (по тем временам такой тезис может быть использован с большой натяжкой), все еще нес печать творцов его первой цивилизации. Их наследие переходило к новым поколениям в причудливо искаженном виде.

3
Древний Египет

Месопотамия располагалась в долине всего лишь одной из великих рек, ставших колыбелями цивилизации, тем не менее единственным древним примером, сравнимым с этой империей в тот период истории по устоявшейся власти, можно привести Египет. На протяжении нескольких тысячелетий после ее гибели материальные следы первой цивилизации в Нильской долине удивляли человеческие умы и питали их воображение; даже греков поражала легенда о таинственной мудрости жрецов земли, где богов считали наполовину людьми – наполовину животными. И ученые до сих пор не жалеют своего времени на попытки выяснить сверхъестественное значение расположения египетских пирамид. Древний Египет всегда считался самым величественным зрительным наследием старины.

О египетской истории нам известно гораздо больше, чем о событиях в Древней Месопотамии, хотя бы потому, что в долине Нила археологи обнаружили несметные богатства Египта. Однако между этими цивилизациями существуют важные отличия: ведь шумерская цивилизация появилась раньше, и египтяне могли воспользоваться ее опытом и перенять конструктивный пример. В чем конкретно все это проявлялось, вызывает большие споры. Вклад месопотамских ремесленников просматривается в сюжетах раннего египетского искусства, в оттисках цилиндрических печатей, существовавших на заре египетской письменности, в сходных приемах монументального строительства из кирпича и заимствовании иероглифики или пиктографической письменности Египта, сходной с шумерской. Судьбоносные и плодотворные связи между Древним Египтом и Месопотамией представляются бесспорными, но как и почему зародились первые каналы их общения, остается загадкой. Самые ранние археологические свидетельства общения поступают из 4-го тысячелетия до н. э., а эпоха шумерского влияния на египетскую культуру могла наступить после переселения народов, прибывших в дельту Нила. Влияние шумеров распространялось до самого севера Египта, оно-то прежде всего и определило историю египтян, отличную от истории любого другого центра цивилизации, историю самого Нила, а также доисторические особенности Египта и самобытность его истории.

Египет располагался вдоль Нила и ограничивался обрамляющими его пустынями; перед нами предстает государство в виде одного вытянутого оазиса, орошаемого водами одной реки. В доисторические времена эта территория должна была представлять собой протяженное болото длиной 965 километров и шириной, кроме дельты, не больше нескольких километров. С самого начала ежегодные паводки служили основным механизмом организации хозяйственной жизни и установления ритма существования на ее берегах. Сельское хозяйство постепенно пускало корни в заиливавшихся руслах, из года в год все больше наполнявшихся осадочными слоями. Однако первые общины оставались неустойчивыми и с трудом выживали в условиях околоводной среды; львиную долю их средств к существованию безвозвратно смывало в илистые протоки дельты Нила. От самых древних времен сохранились только те предметы, которые изготавливались и использовались народами, проживавшими на границе районов подтопления, на редких каменистых выступах в пределах таких районов или по обе стороны долины. Перед наступлением XL века до н. э. эти народы стали испытывать влияние радикального климатического изменения. Из пустынь наступал песок, а потом настало время засухи. Владевшие примитивными земледельческими приемами, эти люди вынуждены были спуститься в долину Нила, чтобы начать возделывание плодородной почвы его поймы.

Таким образом, с самого начала эта река служила источником жизни населения Египта. Нил представлялся в мыслях древних египтян великодушным божеством, бесконечную щедрость которого следовало с благодарностью принимать, а не опасным, грозным источником внезапных губительных потопов наподобие тех, от которых страдали люди Шумера, старав-

шиеся сохранить свои поля. Как раз в таких условиях земледелие (внедренное позже, чем в Леванте или Анатолии) дало быструю и щедрую отдачу, а также обеспечило бурный рост населения, «демографический взрыв», послуживший высвобождению человеческих и природных ресурсов. В 4-м тысячелетии до н. э. шумерский опыт мог послужить катализатором прогресса египтян, хотя нельзя сказать, что он был решающим фактором. В долине Нила всегда существовал потенциал для возникновения цивилизации, поэтому внешнего стимула для ее зарождения могло не потребоваться. Это очевидно хотя бы потому, что, когда египетская цивилизация наконец-то появилась, она выглядела единственной в своем роде, и нигде ничего подобного найти не удается.

Самые глубокие корни этой цивилизации удается обнаружить с помощью археологии и более поздней сохранившейся традиции. По ним обнаруживаются следы оседлых народов, населявших Верхний Египет (юг, то есть русло Нила) во времена неолита. Приблизительно с L века до н. э. эти народы существовали за счет охоты, рыбалки, сбора зерновых культур и, в конечном счете, занялись целенаправленным земледелием в долине реки. Они обитали в селениях, разраставшихся вокруг базарных площадей, и, можно предположить, принадлежали кланам, символами или тотемами которых назначались животные; изображения таких животных появляются на керамических изделиях. Здесь можно попытаться отыскать фундамент политической организации Египта, которая начинает возникать с появления клановых вожаков, правивших областями, населенными их сторонниками.

На ранней стадии в распоряжении этих народов уже находилось несколько собственных важных технических изобретений, хотя развитие земледелия здесь еще не достигло такого высокого уровня, как в других областях древнего Ближнего Востока. В Египте научились строить папирусные суда, обрабатывать твердые материалы, такие как базальт, и выковывать из меди мелкие предметы домашнего обихода. Египтяне, надо сказать, достигли большого мастерства во многих делах, задолго до появления письменности у них появились искусные ремесленники и, судя по изготовленным ими ювелирным украшениям, уже сложились различия населения по принадлежности к сословию или положению в обществе. Затем, приблизительно в середине 4-го тысячелетия, отмечается усиление внешнего влияния, очевидного сначала на севере, в дельте Нила. Множатся свидетельства торговли и общения с другими областями, особенно с Месопотамией, влияние которой проявляется в изобразительном искусстве той поры. Между тем охота и подсобное земледелие уступают место более интенсивному сельскому хозяйству. В творчестве появляется искусство барельефа, которому позже предстоит сыграть определяющую роль в египетской изобразительной традиции; изобильнее становятся медные товары. Все это, как представляется, возникает внезапно и сразу, практически без прообразов, и в эту эпоху закладываются основы политической структуры будущего царства.

Процесс формирования тогдашнего царства шел в два этапа; в 4-м тысячелетии там сформировалось два царства – одно на севере, второе на юге, то есть одно в Нижнем Египте, а второе в Верхнем. Их бросающееся в глаза отличие от Шумера заключалось в полном отсутствии городов-государств. Египет явно двигался от общественной формации, существовавшей до появления цивилизации, непосредственно к системе управления большими территориями. Древние «города» Египта представляли собой торговые (базарные) поселения земледельцев; земледельческие сообщества и кланы объединились в группы, послужившие основой для более поздних территориальных образований. Египет должен был сформироваться в виде политической единицы на 700 лет раньше Месопотамии, но даже гораздо позже египтяне смогут накопить весьма скудный опыт городской жизни.

О царях прежних двух частей нынешнего Египта приблизительно до XXXII века до н. э. нам известно совсем мало, но вполне можно предположить, что они оказались победителями после нескольких веков борьбы за укрепление своей власти над все более крупными сообществами народа. Примерно в то же время появляется письменность, и она могла сыграть свою

роль в консолидации политической власти. Более того, поскольку к началу нашего повествования о Египте письменность там уже существовала, нечто большее, чем в случае с Шумером, складывается воедино в непрерывную историческую летопись египетской цивилизации. В Египте письмо от момента его появления использовалось не просто в качестве административного и экономического средства фиксации сделок, но для описания событий на памятниках и реликвиях, предназначенных жить в веках.

Приблизительно в 3200 году до н. э., читаем мы в древних письменах, великий царь Верхнего Египта Менес покорил северную часть. Таким образом произошло объединение Египта, превратившегося в огромное государство, простирающееся вверх по Нилу до скалы Абу-Симбел. Этому государству предстояло стать еще больше и продвинуться еще выше по течению реки, которая считалась сердцем Египта. И ему еще предназначалось пережить периодические спады, но пока перед нами открывается самое начало цивилизации, просуществовавшей до наступления эпохи классической Греции и Рима. Практически 3000 лет – полтора срока существования христианства – Египет оставался историческим субъектом, причем большую часть этого срока он служил источником восхищения и центром поклонения. За такой долгий период времени произошло множество событий, не обо всех из которых нам дано узнать. Все-таки устойчивость и прочность власти египетской цивилизации способны поразить наше воображение больше, чем ее превратности.

Времена высшего величия египетской цивилизации пришлись приблизительно на 1000 год до н. э. Предшествующий период египетской истории поддается четкому рассмотрению в виде пяти крупных традиционных этапов. Три из них называются, соответственно, времена древних, средних и новых царств; между ними вклиниваются первый и второй промежуточные периоды. Очень относительно эти три «царства» означают периоды процветания или как минимум устойчивого правления; промежуточные стадии представляют собой времена ослабления или завоевания по причине внешних или внутренних факторов. Всю эту схему можно представить в виде своеобразного пирога из трех коржей, отделенных двумя бесформенными слоями джема.

Но не таким вот «пирогом» нагляднее всего представляется египетская история, к тому же не ко всем случаям такой прием подходит. Многие ученые предпочитают воспроизводить древнюю египетскую хронологию на основе тридцати одной династии царей, и такая система имеет большое преимущество с точки зрения учета объективных критериев; при этом удается избежать вполне объективных, но щекотливых разногласий по поводу, например, отнесения первых династий к «Древнему царству», или назначения для них отдельного «архаичного» периода, или проведения линии, отделяющей начало и конец промежуточных эпох. Тем не менее схема с пятью фазами вполне отвечает нашему замыслу, если еще выделить архаичную предысторию. Нынешнее представление о датировании и династической периодизации истории Египта выглядит следующим образом:

Династии	
I–II	Додинастический период ок. 3000–2686 гг. до н. э.
III–VIII	Древнее царство 2686–2160 гг. до н. э.
IX–XI	Первый переходный период 2160–2055 гг. до н. э.
XII–XIV	Среднее царство 2055–1650 гг. до н. э.
XV–XVII	Второй промежуточный период 1650–1550 гг. до н. э.
XVIII–XX	Новое царство 1550–1069 гг. до н. э.

В соответствии с данной периодизацией мы возвращаемся к временам, когда, как и в месопотамской истории, возникает некий разрыв, так как Египет оказывается охваченным непрерывной серией мятежей, возникающих за пределами его границ. В данном случае вполне подходит изношенное слово «кризис». На самом же деле настоящий конец древней египетской традиции настал по прошествии еще нескольких столетий. Некоторые современные египетские ученые настаивают на том, что прочное осознание египтянами своей этнической принадлежности началось с приходом к власти фараонов. Как бы то ни было, речь об этом удобнее всего начинать вести, имея в виду начало 1-го тысячелетия, если только исходить из того, что величайших достижений египтяне уже добились.

Они, прежде всего, заключались в создании монархии и сосредоточении вокруг нее всей жизни народа. Свое выражение египетская цивилизация нашла в самой государственной форме. Государство возникло сначала в Мемфисе, а к строительству этого города, служившего столицей Древнего царства, египтяне приступили еще при жизни царя Менеса. Позже во времена Нового царства столица обычно находилась в Фивах, хотя отмечены периоды, в течение которых возникают сомнения относительно расположения египетской столицы. Мемфис и Фивы представляли собой величественные религиозные центры и дворцовые комплексы, но на самом деле им не было суждено преодолеть данный статус и превратиться в настоящие урбанизированные объекты. Само отсутствие городов до того времени тоже выглядит важным с политической точки зрения моментом. Цари Египта, в отличие от монархов Шумера, возникли не как «большие люди» общины города-государства, которым изначально поручили представлять интересы этой общины. Не относились они и к людям, которые наравне с остальным народом подчинялись богам, правившим всеми людьми, как великими, так и рядовыми. Они выступали посредниками между своими подданными и неземными силами. Противостояния между дворцом и храмом в Египте удалось избежать, и, когда появляется египетская монархия, власть ее становится безграничной. Фараонам предстояло стать богами, а не слугами богов.

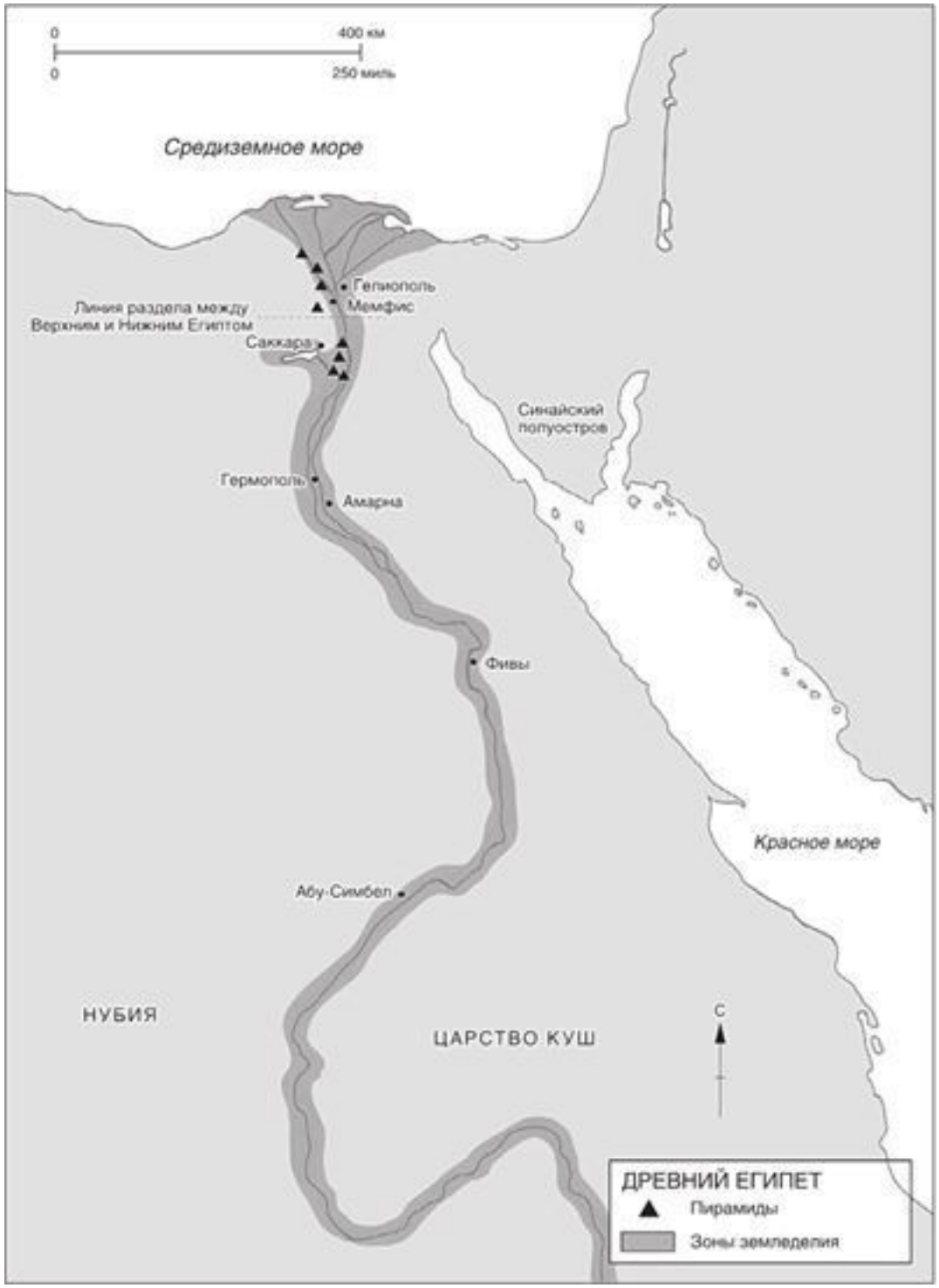
Только при Новом царстве титул «фараон» начали применять при обращении лично к монарху. Раньше этим словом обозначалось место проживания царя и его двора. Тем не менее на гораздо более раннем этапе египетские монархи уже обладали властью, тогда еще производившей большое впечатление на древний мир. Об этом свидетельствует непомерно большой размер изображения фараона на самых древних памятниках. Его они унаследовали от доисторических царей, пользовавшихся особой святостью у подданных из-за дарованной им власти обеспечивать процветание за счет благополучного земледелия. Такие полномочия приписываются некоторым африканским правителям-чудотворцам даже в наше время; в Древнем Египте они сосредоточивали свое внимание на Ниле. В народе считалось, что фараоны распоряжались ежегодным подъемом и снижением его уровня: самой жизнью, и ничуть не меньше, живущих на берегах этой реки общин. Первые известные нам обряды, проводившиеся египетскими монархами, предназначались для обеспечения плодородия, обильного орошения и осушения болот. На самых ранних изображениях Менес предстает за рытьем канала.

Во времена Древнего царства появляется представление о царе как об абсолютном господине земли. В скором времени его почитают как потомка богов, изначально владевших землей. Его возводят в статус бога – сына Осириса по имени Гор. Он берет на себя великие и ужасные обязанности священного создателя порядка; тела его врагов изображаются повешенными рядами как дохлые промысловые птицы, или стоящими на коленях в мольбе, чтобы им в ритуальном порядке вышибли мозги. Справедливым считается то, «что фараон любит», а злом – то, «что фараон ненавидит»; он – существо всезнающее как бог, и поэтому ему нет нужды в каком-либо своде законов, чтобы им руководствоваться. До образования Среднего царства только ему одному даровалась загробная жизнь, на которую можно было надеяться. В Египте упорнее, чем в каком-либо другом государстве бронзового века, всегда подчеркивали воплощение бога в правителе, даже когда эта идея все больше опровергалась фактами жизни с при-

ходом Нового царства и открытия железа. Затем из-за бедствий, навалившихся на Египет по воле иноземцев, совсем не осталось возможности продолжать верить в божественную власть фараона над всем миром.

Но задолго до всего этого египетское государство приобрело еще одно ведомственное воплощение и структуру в виде тщательно продуманной и зримой иерархии бюрократов. На вершине иерархической лестницы находились визири, губернаторы провинций и придворные вельможи происхождением, как правило, из знати; отличившихся величайшими заслугами из их числа хоронили с почестями, достойными самих фараонов. Менее знаменитыми семьями предоставлялись тысячи писцов, необходимых для укомплектования и обслуживания совершенного по составу правительства, руководимого высшими придворными чинами. Представление о нравственном облике этой бюрократии можно составить по литературным произведениям, в которых перечисляют достоинства, необходимые для успешной карьеры писаря-грамотея: прилежание, самообладание, благоразумие, уважительное отношение к начальникам и скрупулезное отношение к точной передаче весов, мер, земельной собственности и правовых форм. Писарей-грамотеев учили в специальной школе города Фивы, где преподавали не только традиционную историю, литературу и владение разнообразными шрифтами, но, как можно предположить, к тому же геодезии, архитектуре и бухгалтерии.

Бюрократия правила страной, большинство населения которой относилось к сословию земледельцев. Спокойно жить этим земледельцам не давали, так как им приходилось предоставлять народ для выполнения масштабных общественных работ монархии, а также сдавать излишек урожая на существование благородного сословия, бюрократии и крупных духовных учреждений. Зато земля у них была богатой, и плодородие ее постоянно повышалось с помощью приемов орошения, разработанных в додинастический период (вероятно, его следует считать одним из самых ранних проявлений непревзойденной возможности мобилизации коллективных усилий, которая должна была служить одним из признаков египетского стиля управления). Вдоль оросительных каналов тянулись поля с такими основными земледельческими культурами, как овощи, ячмень и эммер (пшеница двузернянка); в рационе питания эти культуры дополнялись мясом домашней птицы, рыбы и дичи (все они в изобилии фигурируют в египетском искусстве). Домашний скот использовали в качестве тягловой силы и для вспашки полей еще в Древнем царстве. С небольшим изменением такое земледелие сохранилось в качестве основы жизни в Египте до современных времен. Зерна в бассейне Нила выращивалось достаточно для снабжения Римской империи (Египет, образно говоря, считался зернохранилищем Рима).



На излишке продукции такого сельского хозяйства Египта к тому же существовала собственная единственная в своем роде форма расточительного потребления, обеспечивавшая широкий спектр масштабных общественных работ с камнем, невозможный в древности. Дома и хозяйственные постройки в Древнем Египте возводили из глинобитного кирпича, уже применявшегося во времена, когда династий еще не существовало: то есть внешне они практически не менялись на протяжении веков. Другой подход существовал к дворцам, склепам и мемориалам фараонов; их строили из камня, в изобилии встречавшегося в ряде районов долины Нила. Притом что их искусно украшали тонкой резьбой сначала с помощью медных, а потом бронзовых инструментов, а также часто раскрашивали, приемы использования камня можно

назвать весьма незатейливыми. Египтяне изобрели каменную колонну, но их великие достижения в области строительства относятся не столько к архитектуре и технике, сколько к области общественного и управленческого стиля. Они смогли проявить себя в беспрецедентном и практически непревзойденном сосредоточении трудовых ресурсов на конкретном проекте. По распоряжению писаря-грамотея собирали тысячи рабов и поденщиков, иногда даже целые полки солдат призывали для того, чтобы вырубить в скале и перетащить вручную на место огромные массы строительных конструкций для возведения сооружения. При наличии только таких примитивных технических средств, как рычаги и салазки, – никаких лебедок, шкивов, блоков или канатной оснастки тогда не существовало, – с помощью насыпки колоссальных откосов грунта египтяне возвели множество потрясающих воображение наших современников зданий и сооружений.

Такие сооружения стали появляться при III династии. Самыми знаменитыми из них считаются пирамиды над склепами царей в Саккаре под Мемфисом. Одна из них под названием «Ступенчатая пирамида» по традиции рассматривается в качестве шедевра первого зодчего, имя которого сохранилось, – Имхотепома, служившего советником при фараоне. Его произведение выглядело настолько впечатляющим, что люди видели в нем доказательство богоподобной власти правившей тогда династии. Эта и другие пирамиды выросли над цивилизацией, существовавшей до тех пор в одних только низеньких глинобитных жилищах, подавляя своим величием. Столетие или около того спустя для возведения пирамиды Хеопса (Хуфу) использовались каменные блоки весом 15 тонн, и как раз в это время (при IV династии) в Гизе было закончено сооружение самых крупных в Египте пирамид. Строительство пирамиды Хеопса продолжалось 20 лет; легенда о том, что на нем было занято 100 тысяч человек, теперь считается большим преувеличением, но без нескольких тысяч строителей там было не обойтись, а огромное количество камня (5–6 миллионов тонн) доставлялось из каменоломен, удаленных от строительной площадки на 800 с лишним километров. Это колоссальное сооружение безупречно сориентировано по сторонам света, а ее ребра длиной 230 метров отличаются меньше чем на 20 сантиметров, то есть допуск при этом оценивается в 0,09 процента. Эти пирамиды служили самым убедительным доказательством власти и веры в себя фараонов. Но пирамиды как таковые служили всего лишь доминирующим объектом в составе большого комплекса сооружений, составлявших в своем единстве место упокоения тела правителя после завершения им земного пути. Поблизости находились роскошные храмы, дворцы, склепы Долины царей.

Такие грандиозные памятники общественных работ в прямом и переносном смысле служат крупнейшим наследием древних египтян, оставленным потомкам. По ним можно понять, почему позже у египтян появилась репутация великих ученых: потомки совершенно справедливо считали, что эти величественные памятники построили люди, владевшие самыми совершенными математическими знаниями и безупречными практическими навыками. Однако такое умозаключение все-таки представляется натянутым и не совсем верным. Даже при высокой степени геодезических навыков получается так, что только в новейшие времена инженерное проектирование потребовало большего, чем элементарные математические знания. Совершенно определенно, что для возведения пирамид их не требовалось. Достаточно было передовых представлений в области измерений и применения некоторых формул для вычисления объемов и весов, в чем египетские математики преуспели, что бы там ни выдумывали их поклонники в более поздние времена. Современные математики не очень высоко оценивают теоретические достижения египтян, ведь они в этой науке, можно с уверенностью утверждать, находились приблизительно на уровне вавилонян. Они владели десятичной системой исчисления, которая на первый взгляд выглядит современной, но, по большому счету, их единственным значительным вкладом в нынешнюю математику называют изобретение дробных единиц.

Несомненно, владением примитивной математикой можно в известной мере объяснить чистоту астрономических представлений египтян, и в этой области познания потомки тоже должны, как ни странно, выражать им огромную благодарность. Результаты их наблюдения за звездами были достаточно точными, чтобы позволить прогнозировать подъем воды в русле Нила и рассчитывать ритуальное расположение зданий на местности. С этим не поспоришь, но египтян с их знаниями теоретической астрономии вавилоняне оставили далеко позади. Письмена, посвященные египетской астрономической науке, предназначались для увековечения преклонения перед астрологами, но их научная ценность была низкой, а качество прогнозирования распространялось на относительно малый срок. Единственным надежным трудом, на котором базировалась астрономия египтян, был календарь. Египтяне первыми среди народов планеты установили продолжительность солнечного года, составляющего $365\,^{1}/_{4}$ дня, и разделили этот год на двенадцать месяцев из трех «недель» по десять дней каждый с пятью дополнительными днями в конце года. Такой календарь, следует отметить, восстановили в 1793 году, когда французские революционеры попытались заменить христианское летоисчисление чем-то более рациональным.

Составители этого календаря, хотя и посвятили его по большому счету наблюдению за звездами, могли к тому же наблюдать по нему причины заметных событий, важных для жизни народа Египта, например паводка на Ниле. По такому календарю египетские земледельцы определили три времени года, состоявших приблизительно из четырех месяцев каждый: один сезон служил им для сева, второй приходился на наводнения, третий – на сбор урожая. Однако бесконечный Нил определял порядок жизни египтян на более глубоких уровнях.

Структура и основательность духовной жизни Древнего Египта производили поразительное впечатление на соседние народы. Геродот полагал, что греки позаимствовали имена своих богов из Египта; тут он заблуждался, но интерес представляет то, что вообще пришел к такому умозаключению. Позже культ египетских богов рассматривался в качестве угрозы римским императорам; египетских богов запретили, но римлянам все равно приходилось мириться с ними из-за их привлекательности для народа. Суеверия и шарлатанство с египетским колоритом все еще можно было встретить среди культурных европейцев XVIII века; забавное и невинное выражение восхищения мифологией Древнего Египта просматривается в нынешних обрядах секты храмовников, то есть современных братствах тамплиеров, состоящих из почтенных американских бизнесменов, устраивающих по большим праздникам шествия по улицам малых городов в своих фесках и мешковатых штанах. Выходит, что в египетской религии, как и в некоторых других сторонах этой цивилизации, которые надолго пережили политическую среду, в которой поддерживались и сохранялись, до сих пор осталась прежняя живость.

В египетской религии присутствует нечто, для европейца совершенно неуловимое. Словами типа «живость» суть в полной мере не выразить; религия в Древнем Египте представляла собой некую всепроникающую философию, считающуюся само собой разумеющейся функцией наподобие сердечно-сосудистой системы человеческого тела, а не самостоятельным учреждением, которому позже присвоили понятие церкви. В Древнем Египте, естественно, существовало духовное сословие – жрецы, обслуживавшие конкретные культы и священные места, и уже при Древнем царстве некоторые из жрецов обладали статусом, предусматривающим их захоронение в роскошных склепах. Но их храмы служили хозяйственными учреждениями и оптовыми складами, а также очагами культового поклонения, поэтому многие жрецы в то время и позже совмещали свои ритуальные обязанности с должностями писцов, распорядителей и царских чиновников. Их сословие мало походило на то, что позже назовут духовенством.

Египетскую религию лучше всего рассматривать не как динамичную, энергичную общественную силу, но как способ примирения с действительностью через распоряжение различными секторами неизменного космоса. Надо сказать, что служение в египетском храме требовало соответствующей квалификации. Не следует забывать о том, что понятия и пред-

ставления, считающиеся нами само собой разумеющимися при оценке (и даже в ходе разговора) менталитета других веков, не существовали для людей, в сознание которых мы стремимся проникнуть. Граница между религией и магией, например, едва ли имела значение для древнего египтянина, хотя он мог прекрасно знать, что у них существовала своя собственная сфера применения. Говорят, что магия всегда существовала в египетской религии как своего рода язва; такая оценка представляется весьма субъективной, зато в ней выражена близость связи. Еще одно понятие, которое воспринимается нами механически, отсутствовало в Древнем Египте: разница между вещью и ее названием. Для древнего египтянина название служило самой вещью; реальный объект, отделяемый нами от его обозначения, приравнивался к нему. То же могло касаться остальных представлений. Египтяне жили в мире символов как в родной стихии, принимали ее как данность, и, чтобы понять этот народ, нам остается только преодолеть постулаты нашей глубоко предметной культуры.

Поэтому для понимания значения и роли религии в Древнем Египте требуется изменение мировоззрения как такового. На самой заре религии появились безусловные свидетельства ее важности; практически на всем протяжении их цивилизации древние египтяне демонстрируют поразительно стойкую тенденцию к поиску посредством религии способа проникновения через все разнообразие практического опыта ради достижения неизменного мира, легче всего понимаемого через жизнь мертвых, обитавших в том мире. Возможно, здесь к тому же обнаруживается пульсирование Нила; каждый год он уходил и возвращался снова, его цикл повторялся, причем неизменно, как воплощение космического ритма. Крайним изменением, грозящим человеку, считалась его смерть, то есть предельное проявление распада и превращения в прах, прекрасно известное всем. Одержимость смертью просматривается в египетской религии с самого зарождения: ее самые известные воплощения, в конце концов, представлены мумиями и погребальными предметами из гробниц, хранящимися в наших музеях. При правителях Среднего царства пришла вера в то, что все люди, а не только монарх, могли рассчитывать на жизнь в потустороннем мире. Следовательно, посредством исполнения обряда и приобретения символа, заранее составив свое «досье» для предоставления судьям в загробном мире, человек мог подготовиться к жизни в мире мертвых и обоснованно рассчитывать на стабильное благополучие, дарованное там всем обитателям. Представления египтян о загробной жизни тем самым отличались от мрачной версии жителей Месопотамии; людям там ничего плохого не грозило.

Борьба за достижение данного результата для такого количества покойников на протяжении многих тысячелетий придает египетской религии мученический смысл. В этом состоит и объяснение одержимости тщательно продуманной заботой, проявляемой при оборудовании склепов и проводах покойного к месту его вечного отдохновения. Самое знаменитое отображение такой заботы можно наблюдать в сооружении пирамид и практике мумификации. Во времена Среднего царства на исполнение погребальных обрядов и мумификацию царя уходило семьдесят дней.

Египтяне верили в то, что после смерти человека его ждет суд бога Осириса; при вынесении благоприятного для него вердикта душу покойного определяли жить в царстве Осириса, а вот в противном случае его отдавали на растерзание чудовищу – наполовину крокодилу, наполовину гиппопотаму. Однако человек при жизни должен был задабривать не одного только Осириса: египетский пантеон состоял из огромного числа богов. Всего у египтян числилось около двух тысяч богов, и им полагалось исполнять несколько важных обрядов. Происхождение многих из них относится к доисторическим зверям-божествам; бог-сокол Гор считался ко всему прочему богом-хранителем египетской династии, а появиться он мог в 4-м тысячелетии до н. э., когда прибыл в Египет с таинственными захватчиками. Эти животные подверглись медленному превращению в человека, однако не до конца; художники к человеческим телам присоединяли звериные головы. Такие существа переставлялись в пантеоне по-новому,

когда фараону требовалась консолидация их культов ради достижения политических целей. Таким способом поклонение Гору соединили с поклонением богу солнца Амону-Ра, воплощением которого стали считать самого фараона. Позже Гора стали считать сыном Осириса от его супруги Исиды. Эту богиню ремесел и любви можно назвать самой древней из всех египетских богов: она, как и остальные египетские божества, упоминалась еще во времена додинастической эпохи. Исида – это воплощение вездесущей матери-богини, свидетельства о поклонении которой дошли до наших дней из всех уголков Ближнего Востока периода неолита. Испокон веков ее изображали с младенцем Гором на руках, и такой сюжет перешел в традицию христианской иконописи в виде Девы Марии.

В творениях представителей древнего египетского изобразительного искусства боги выглядят грозными существами, но, по сути, у них всегда имеется второй план. Такой стиль базируется на фундаментальном натурализме подачи образа, который, однако, сковывается условностями выразительности и жеста, придающими насчитывающему две тысячи лет классическому египетскому изобразительному искусству сначала обаяние простоты, а позже, с наступлением периода творческого декадентства, покоряющее очарование и предельную ясность. Такой стиль допускает реалистичное изображение жанровых сцен. На них показаны сельские сюжеты на темы земледелия, рыбной ловли и охоты; ремесленников изображают за изготовлением их изделий, а писцов – за исполнением соответствующих обязанностей. И все же поразительнейшей особенностью египетского искусства считается не содержание или техника письма, а его узнаваемый неизменный стиль. На протяжении не меньше 2 тысяч лет художники смогли работать практически в рамках канонов классической традиции. Ее происхождение могло отчасти принадлежать шумерам, а позже эта традиция оказалась способной к творческому восприятию влияния зарубежных достижений, но основная самородная традиция сохранялась нетронутой. Гостю в древние времена это должно было казаться одной из самых впечатляющих внешних особенностей Египта; все то, что он видел, выглядело по большей части единым целым. Если абстрагироваться от того, что сотворил человек в позднем палеолите, о котором нам известно совсем немного, в египетском искусстве сохранилась самая продолжительная и стойкая, ни разу не прерывавшаяся традиция за всю историю человеческого творчества.

Пересадить на почву культуры других народов такую традицию не получилось. Греки могли позаимствовать в Древнем Египте конструкцию колонны, изначально изготовлявшейся египтянами из оштукатуренной глиной связки тростника, воспоминания о котором сохранились в виде каннелюр. И хотя памятники Египта всегда очаровывали художников и архитекторов других земель, результат, даже когда они вполне успешно использовали такие приемы в своих собственных целях, был всегда поверхностным и экзотическим. Египетский стиль никогда и нигде не смог укорениться; в последующие века он время от времени появляется как художественное оформление и украшение в виде колонн с каннелюрами, сфинксов и змей на мебели, обелисков здесь, кинокартин там. Только лишь один большой интегральный вклад египетского искусства отмечен в будущем в виде учреждения классических канонов пропорции человеческого тела для точного воспроизведения его деталей в масштабных резных и раскрашенных изображениях на стенах склепов и храмов. Их позаимствуют сначала греки, и европейских художников египетские картины будут восхищать даже в эпоху Леонардо да Винчи, хотя к тому времени этот вклад выглядел скорее теоретическим, чем стилистическим.

Как еще одно великое творческое достижение, сводящееся не к одному только Египту, хотя исключительно важному там, можно отметить каллиграфию. Все выглядит так, что египтяне сознательно переняли шумерское изобретение, заключавшееся в передаче на письме звуков, а не предметов, но отказались от клинописных знаков. Вместо него египтяне изобрели иероглифическое письмо. То есть вместо метода размещения одних и тех же основных черт, развитого в Месопотамии, они специально подобрали небольшие пиктограммы или знаки,

напоминавшие пиктограммы. Такое письмо выглядит намного декоративнее клинописи, зато им намного сложнее овладеть. Первые иероглифы появляются еще до наступления XXX века до н. э.; последний известный случай применения египетской иероглифики на письме относится к 394 году н. э. Почти 4 тысячи лет – внушительный срок существования египетской каллиграфии. Но непосвященный человек не мог в ней разобраться в течение еще четырнадцати с половиной веков после ее исчезновения, пока один французский ученый не расшифровал надпись на «Розеттском камне», привезенном во Францию после его обнаружения археологами, сопровождавшими армию Наполеона, вторгшуюся в Египет.

В древности навыки чтения иероглифического текста служили ключом к вхождению в касту жрецов, и, соответственно, данное ремесло тщательно сохранялось как великая профессиональная тайна. С додинастических времен иероглифика применялась для составления исторических хроник, и уже при I династии с изобретением папируса (полоски сердцевинной части тростника складывали друг на друга крест-накрест и спрессовывали в однородный лист писчего материала) был получен материал, способствовавший широкому распространению письменности. Изобретение папируса имело для человечества гораздо большее значение, чем иероглифика; он обходился дешевле шкур (из которых изготавливали пергамент) и был удобнее глиняных табличек или грифельного камня (хотя не обладал их долговечностью). Папирус служил самым распространенным носителем для корреспонденции и документов на Ближнем Востоке до наступления христианской эры, когда технология изготовления бумаги с Дальнего Востока достигла средиземноморского мира (и даже определенному сорту бумаги присвоили название в память о папирусе). После появления папируса прошло совсем немного времени, и писатели начали склеивать его листы в длинные свитки: таким манером египтяне изобрели книгу, а также материал, на котором ее сначала можно было написать, и шрифт, ставший предтечей нашего собственного алфавита. Мы пребываем в большом долгу перед египтянами за громадный объем знаний, дошедший до нас прямо или косвенно посредством папируса.

Не приходится сомневаться в том, что сохраняющийся авторитет Египта во многом объясняется пресловутой доблестью его жрецов и колдунов, а также зримым воплощением политических достижений в искусстве и архитектуре. Однако при сравнительной оценке египетской цивилизации она выглядит не слишком плодовитой или разносторонней. Техническая эволюция к безошибочным показателям не относится, зато по ней можно судить о том, что тот или иной народ проявляет медлительность в овладении новыми навыками, отказывается от внедрения новшества, обещающего созидательный рывок. После появления грамоты единственное крупное нововведение длительное время было представлено каменной архитектурой. Притом что папирус и колесо были известны еще при I династии, контакты между Египтом и Месопотамией продолжались на протяжении 2 тысяч лет, и только потом египтяне переняли колодезный журавель, к тому времени применявшийся для орошения полей в долине Тигра и Евфрата. Зато египтяне изобрели водяные часы, принцип действия которых в более поздних цивилизациях освоили через тысячу лет. Возможно, египтяне не могли абстрагироваться от гнета заведенного порядка, тем более с учетом подбадривающего фактора со стороны Нила как надежного источника благополучия.

Бесспорную самобытность и достижения демонстрировала одна только египетская медицина, и их можно проследить как минимум до времен Древнего царства. К X веку до н. э. египетское превосходство в этом искусстве признавалось во всем мире. В то время как египетская медицина всегда сохраняла связь с магией (в огромном количестве применялись чудодейственные рецепты и амулеты), врачеватели этой страны проявляли достойную рассудительность и чистоту эмпирической наблюдательности. Они преуспели в различных сферах вплоть до методов предупреждения нежелательной беременности. Косвенный вклад египетских лекарей в последующую историю тоже оценивается очень высоко, какую бы отдачу они ни получали в свои собственные дни; основные наши знания о лекарственных препаратах и растениях, содер-

жащих фармакологические вещества (*materia medica*), сначала приобрели египтяне, затем они пришли от них через греков к ученым средневековой Европы. Большая заслуга египтян заключается в том, что они стали использовать лекарственные средства, до сих пор все еще остающиеся эффективными, например касторовое масло.

Другое дело, какое умозаключение теперь напрашивается по поводу состояния здоровья древних египтян. Их вроде бы не тревожила проблема чрезмерного увлечения пьянящими напитками, по поводу чего волновались в Месопотамии, но конкретного вывода отсюда сделать не получается. Кое-кто из ученых говорит об исключительно высоком показателе младенческой смертности и о веских свидетельствах в пользу существования тогда тяжелых болезней взрослых; но какие бы аргументы эти ученые ни приводили, многочисленные дошедшие до нас мумифицированные тела не носят следов поражения раком, рахитом или сифилисом. Между тем изнурительную болезнь под названием шистосоматоз, передающуюся через шистосомы и получившую широкое распространение в Египте сегодня, прекрасно знали уже во 2-м тысячелетии до н. э. Конечно же все эти факты не дают достаточно ясной картины древней египетской лечебной практики. Тем не менее из Египта к нам пришли самые старинные сохранившиеся медицинские научные трактаты, а по примерам приведенных в них рецептов и предписаний по лечению недугов можно предположить, что египетские практикующие медики предлагали широкий набор лекарственных средств. Причем средства эти ничуть не лучше и не хуже тех, что применялись в других развитых центрах цивилизации во все времена вплоть до современности (создается впечатление, что основное внимание египтяне уделяли слабительным препаратам и клизмам). Значительные навыки в области предохранения человеческого тела от распада приписывают египетским специалистам, занимавшимся изготовлением мумий, пусть даже не совсем оправданно в их благоприятном для этого дела климате. Забавно, что у самих творений их ремесла позже стали находить лечебные свойства; в Европе растертую в порошок мумию на протяжении веков считали самым действенным средством от многих недугов. Интерес к тому же представляет тот факт, что египтяне придумали и применяли определенные абортивные приемы прерывания беременности. Оправдывали ли они себя тем, что применяют эти приемы ради снижения опасности перенаселенности империи и тем самым распространения такого преступления, как детоубийство, остается фактом совершенно неясным и спорным.

Подавляющее большинство египтян занималось земледелием, и поэтому доля городского населения в Египте была гораздо меньше, чем в Месопотамии. В картине египетской жизни, представленной литературой и искусством, показано население, обитающее в сельской местности, но использующее небольшие города и храмы как центры по предоставлению необходимых услуг, а не места постоянного проживания. На протяжении практически всего периода древности Египет представляется страной с несколькими великими культовыми и административными центрами, такими как Фивы или Мемфис, окруженными деревнями и базарами. Жизнь у бедняков была тяжелой, но не беспросветной. Главное бремя должно было доставаться тем, кто отбывал трудовую повинность. Когда трудовой повинности фараон не назначал, у того же крестьянина было много свободного времени до тех пор, пока не случался паводок на Ниле и не возникала необходимость работать на самого себя. Земледельческая база тоже была достаточно богатой, чтобы прокормить сложное и разнообразное сообщество всевозможных ремесленников. Благодаря сохранившимся каменным узорам и картинам о занятиях египетских ремесленников нам известно больше, чем о ремесленниках Месопотамии. Египетское общество делилось на людей образованных, которым открывался путь на государственную службу, и всех остальных. Рабство существовало в этой стране, но оно выглядит не такой фундаментальной институцией, как принудительный труд, навязывавшийся свободными земледельцами.

В обычаях более поздних времен отмечается обольстительная привлекательность и доступность египетских женщин. С учетом некоторых свидетельств создается впечатление о появлении в Египте общества, в котором женщины могли пользоваться большей самостоятель-

ностью и более высоким положением, чем где бы то ни было еще. Несомненно следует уделить внимание произведениям искусства, на которых изображены придворные дамы, наряженные в роскошные и достаточно откровенные платья, изящно причесанные и украшенные драгоценными камнями, с тщательно нанесенной косметикой. Снабжением таких дам всем необходимым занимались египетские купцы. Не стоит преувеличивать, но все-таки создается такое впечатление, что женщины, принадлежащие к египетскому правящему классу, могли позволить себе выражать достоинство и проявлять независимость. Фараоны и их спутницы жизни – а также другие благородные супруги – иногда изображаются с нескрываемой близостью их отношения друг к другу, нигде больше не наблюдающегося в искусстве древнего Ближнего Востока раньше 1-го тысячелетия до н. э. и наводящего на размышления о настоящем эмоциональном равенстве; изображение такой близости вряд ли было случайным.

Красивые и очаровательные женщины, появляющиеся на многих картинах и в скульптурных изваяниях, могут отражать конкретную политическую роль их пола, которая отсутствовала в других странах. В теории (и часто на практике) престол наследовался по женской линии. Наследница престола даровала своему супругу право его преемника; по этой причине большое внимание уделялось выбору мужей для принцесс. Многие августейшие браки заключались между братьями и сестрами, невзирая на очевидные пагубные генетические последствия; кое-кто из фараонов женился на своих дочерях, чтобы они не вышли замуж за кого-то еще, ради обеспечения чистоты священной крови (которую проще сохранить через совокупление с наложницами). При таком положении вещей августейшие дамы должны были становиться влиятельными персонажами. Некоторые из них исполняли важные властные полномочия, а одна даже заняла трон и изъявила готовность украсить себя искусственной бородой для исполнения положенного обряда в мужском платье, чтобы удостоиться звания фараона. Перед нами настоящий новаторский подход, путь даже не всеми признанный.

В египетском пантеоне тоже обнаруживается много женственности, особенно она проявляется в культе Исиды, наводящем на глубокие размышления. Авторы египетских литературных и художественных произведений делают упор на почитание жены и матери. Как в любовных романах, так и в сценах семейной жизни показано то, что, по крайней мере, считалось идеальным стандартом для общества в целом, подчеркивается нежный эротизм, отдохновение и непринужденность, а также по большому счету эмоциональное равенство мужчин и женщин. Некоторые женщины владели грамотой. В египетском языке существует даже отдельное слово для обозначения писца женского пола, но для женщин, кроме жриц или блудниц, были доступны конечно же не все роды занятия. Состоятельные женщины в Египте могли владеть собственностью, а их законные права практически во всех отношениях уважались точно так же, как права женщин в шумерской традиции. Не легко сделать окончательный вывод за такой продолжительный период, как все время существования египетской цивилизации, но дошедшие до нас данные об устройстве общества Древнего Египта оставляют впечатление о наличии в нем возможностей для самовыражения женщин, отсутствующих у многих более поздних народов и даже в наше время.

В ретроспективе основательность и материальное богатство египетской цивилизации выглядят настолько наглядно, столь очевидно неизменными, что еще труднее, чем в случае с Месопотамией, представить себе перспективу ее отношений с внешним миром, а также превратности судьбы власти в Нильской долине. Тут дело касается огромных периодов времени (одно только Древнее царство по самым скромным подсчетам просуществовало в два с половиной раза дольше Соединенных Штатов Америки), и при Древнем царстве произошло так много событий, что общего изложения его истории не получается. Об отношениях этого царства с соседями ничего замечательного не известно, хотя к концу правления его династий предпринимался ряд экспедиций против народов Палестины. С наступлением первого промежуточного периода ситуация изменилась на прямо противоположную, и на Египет, до этого беспокоив-

ший нашествиями соседей, устремились захватчики. Естественно, ослабление и раскол Египта облегчили азиатским захватчикам задачу покорения страны в долине нижнего течения Нила; обнаружено странное утверждение о том, что «люди знатного происхождения пребывают в полном унынии, зато нищие ликуют… мерзость запустения пришла на всю землю… чужаки топчут землю Египта». Рядом с современным Каиром появились соперничающие династии; власть в Мемфисе захирела.

Следующий великий период египетской истории наступил с появлением Среднего царства, официально провозглашенного полновластным Аменемхетом I, объединившим царство из своей столицы в Фивах заново. Около четверти тысячелетия после XX века до н. э. в Египте происходил период восстановления, успехи которого объясняются воспоминаниями (известными нам из летописей) об ужасах предшествовавшего промежуточного периода. При правителях Среднего царства главный акцент делался на укреплении порядка и общественной сплоченности. Священный статус фараона подвергся деликатным поправкам: теперь он не просто бог, упор делается на его происхождение от богов и сопровождение его судьбы богами. Вечный порядок требовалось поддерживать непоколебимым после того, как в тяжелые времена у человека появились сомнения. Бесспорно также, что тогда шло оживление деятельности во всех сферах и увеличение материальных запасов. В болотах Нила провели масштабные мелиоративные работы. Удалось завоевать область под названием Нубия, расположенную на юге между первыми и третьими порогами, и приступить к освоению ее золотых приисков на полную мощность. Египетские поселения стали учреждать еще дальше на юг в местах, где позже возникло царство Черной Африки под названием Куш. Торговые пути закручиваются еще более сложным узором, чем когда-либо прежде, возобновляется освоение медных рудников Синайского полуострова. К тому же последовали богословские реформы – состоялась своего рода консолидация культов во главе с богом Амоном-Ра, в которой нашла отражение консолидация политическая. Однако конец Среднему царству наступил в условиях политических волнений и династического соперничества.

Второй промежуточный период продолжительностью около 100 лет был отмечен новым и намного более опасным вторжением иноземцев. Ими были гиксосы, предположительно азиатский народ, воспользовавшиеся военным преимуществом в виде облицованных железными листами колесниц, чтобы утвердиться в Нильской дельте в качестве повелителей, которым цари фиванской династии в то время платили дань.

О гиксосах известно совсем немного. По-видимому, они переняли у египтян их общепринятые нормы и методы и даже первоначально не стали менять находящихся на своих постах бюрократов, однако полной ассимиляции народов не произошло. При XVIII династии египтяне изгнали гиксосов в ходе войны народов; с этого момента начинается зарождение Нового царства, первым большим достижением которого было развитие успеха после 1570 года до н. э. через преследование гиксосов до самой их цитадели в Южном Ханаане. В конечном счете египтяне заняли большую часть Сирии и Палестины.

Новое царство в самом его начале добилось на международном уровне таких успехов и оставило такие роскошные памятники материальной культуры, что возникает предположение об очистительном или плодотворном влиянии на египтян господства над ними гиксосов. При XVIII династии в Египте наблюдалось возрождение искусств, произошли преобразования в военной сфере посредством внедрения азиатских технических нововведений, таких как колесница, и, прежде всего, мощная консолидация царской власти. Именно тогда женщина по имени Хатшепсут впервые взошла на престол, и ее правление отмечено расширением египетской торговли. Это показано на фресках ее заупокойного храма. Следующее столетие принесло новые достижения в области расширения империи и военную славу, ведь со своим супругом и преемником Тутмосом III женщина-фараон Хатшепсут перенесла пределы египетской империи на берега Евфрата. Монументы с письменами, сообщающими о поступлении дани и рабов, а

также о заключении браков с азиатскими принцессами, свидетельствуют о египетском превосходстве над соседями, отображенном на родине фараона в богатом художественном оформлении новых храмов и появлении скульптуры, видимой со всех сторон. Бюсты и статуи того времени считаются высшим достижением египетского художественного творчества. Однако заметно влияние на него Крита.

Ближе к концу Нового царства множащиеся свидетельства контактов египтян с иноземными народами подтверждают новые тенденции: происходит значительное изменение контекста египетской власти. Ключевой территорией стало побережье Леванта, на покорение которого Тутмосу III потребовалось 17 лет. Ему пришлось отказаться от завоевания огромной империи, управляемой народом Миттани, доминировавшей над Восточной Сирией и Северной Месопотамией. Его преемники поменяли вектор политики. Царевна Миттани вышла замуж за фараона, и для отстаивания египетских интересов в этом районе правителю Нового царства пришлось полагаться на дружбу с ее народом. Египет вытолкнули из изоляции, на протяжении длительного времени служившей ему защитой. Но на царство Миттани все активнее наступали хетты, живущие на севере и становящиеся ведущей силой среди народов, честолюбивые устремления которых во второй половине 2-го тысячелетия до н. э. стали причиной грядущего раскола мира Ближнего Востока.

Нам много известно о деятельности правителя Нового царства в самом начале его становления, так как оно освещено в одном из древнейших сборников дипломатической переписки времен правления Аменхотепов III и IV (ок. 1400–1362 гг. до н. э.). При первом из этих царей Египет достиг максимального авторитета и процветания. Фивы пережили величайшую эпоху. Аменхотепа достойно похоронили там в самом большом склепе, когда-либо готовившемся для царя, и хотя от него остались только обломки огромных статуй, греки позже назвали их колоссом Мемноном (в честь легендарного героя, которого они считали эфиопом).

Аменхотеп IV сменил своего отца на престоле в 1379 году до н. э. Он попытался провести религиозную реформу путем замены древней религии монотеистическим культом бога солнца Атона. В подтверждение серьезности своих намерений он взял новое имя Эхнатон и основал город у поселения Амарна, расположенного в 480 километрах к северу от Фив, где центром новой религии стал храм со святилищем без крыши, открытым для солнечных лучей. Хотя сомневаться в твердости намерений Эхнатона и его личном благочестии не приходится, такая попытка с самого начала выглядела обреченной на провал в свете духовного консерватизма Египта. Возможно, он пытался вернуть себе власть, узурпированную жрецами, служившими Амону-Ра. В сложившихся условиях сопротивление Эхнатону, взявшемуся за ревизию духовности общества, усугубило его положение на остальных направлениях деятельности. Между тем агрессии хеттов вызвали ощутимое напряжение в египетских колониях; Эхнатон не смог помочь царю Митанни, в 1372 году уступившему все свои земли к западу от Евфрата хеттам и утратившему власть в ходе гражданской войны, ставшей предвестником полного исчезновения этого царства еще лет через тридцать. Египетская сфера влияния трещала по швам. Вероятно, наряду с негодованием жрецов можно назвать еще несколько причин для последующего исключения имени Эхнатона из официального пантеона царей.

Его преемника можно назвать самым знаменитым из всех правителей Древнего Египта. Если Аменхотеп IV поменял свое собственное имя на Эхнатон потому, что стремился стереть из народной памяти традицию поклонения древнему богу Амону, то его преемник и зять подправил свое имя Тутанхатон и стал именоваться Тутанхамоном в знак восстановления прежнего культа Амона и провала предпринятой попытки ревизионизма египетской религии. Вполне возможно, именно в благодарность за это Тутанхамону устроили величественные похороны в Долине царей, ведь правил-то он совсем недолго и больше ничем особым не запомнился.

После его смерти Новому царству оставалось существовать еще два века, но ситуация там складывалась вполне спокойная с весьма редкими потрясениями, и при этом все неуклонно с ускорением катилось к закату. Показательно, что вдова Тутанхамона решила выйти замуж за хеттского царевича (правда, его убили незадолго до обряда бракосочетания). Приходившие позже к власти цари прилагали усилия, чтобы вернуть утраченные было позиции, и иногда преуспевали в этом деле; волны завоевателей накатывались на Палестину и откатывались назад, а однажды египетский фараон взял в невесты хеттскую царевну, как его предшественники брали принцесс других народов. Но появлялись все новые враги; даже союз с хеттами больше не мог служить защитой от поползновений извне. Бассейн Эгейского моря бурлил, с его островов «шла мощная волна народа», и «ни одна страна не могла устоять перед ними», – говорится в египетских летописях. Нашествие этих «народов моря» удалось в конечном счете отразить, но потребовалась упорная борьба.

В течение этих лет отмечается огромной важности для будущего эпизод, точную природу которого и историчность еще предстоит установить. В соответствии с религиозными текстами небольшого семитского народа, составленными много веков позже, его предки, называемые египтянами «евреи», покинули дельту Нила и ушли за своим пастырем Моисеем из Египта в пустыни Синая. Приблизительно с 1150 года до н. э. к тому же встречаются многочисленные признаки дезорганизации внутренней жизни египтян. Один из царей по имени Рамсес III, который погиб в результате заговора наложниц его гарема, считается последним правителем Египта, сумевшим в известной степени сдерживать бурный поток наступающей катастрофы. До нас дошли слухи о бунтах и хозяйственных затруднениях во время правления его преемников; известно о зловещем признаке святотатства, выразившемся в отсутствовавшем раньше кощунстве разграбления царских склепов в Фивах. Фараон как правитель сдает свою власть жрецам с сановниками, и последний представитель XX династии Рамсес XI фактически становится узником в своем собственном дворце. Эпохе имперской власти в Египте приходит конец. То же самое фактически можно сказать об империи хеттов и других народов конца 2-го тысячелетия. Уходила в небытие не только безусловная власть Египта, но и сам мир, созданный славными делами многочисленных его правителей.

Не приходится сомневаться в том, что причины ослабления Египта лежат в плоскости изменений, сказывавшихся на всем древнем мире. Но все-таки не покидает ощущение того, что в последние века Нового царства проявились слабости египетской цивилизации, присущие ей с самого начала.

На первый взгляд различить их не так уж просто; захватывающее зрелище наследия в виде памятников Египта и его истории, насчитывающей не века, а многие тысячелетия, опровергает критический подход к нему и душит скепсис. Но все-таки созидательный потенциал египетской цивилизации в конечном счете по странному стечению обстоятельств заводит в тупик. Колоссальные трудовые ресурсы сосредоточиваются в распоряжении мужчин, которых по стандартам любой эпохи следовало бы считать выдающимися государственными деятелями, но все закончилось возведением величайших из известных в нашем мире надгробий. Ремесленники Египта овладели искуснейшим мастерством, а их шедевры служат всего лишь погребальным инвентарем. В высшей степени грамотная элита, владеющая сложным и утонченным языком, а также материалом, непревзойденным по удобству применения, щедро ими пользуется, но не помогает сформулировать никакую либо философскую или теологическую идею, сопоставимую с духовным наследием греков или евреев, обогатившим весь мир. Трудно не прочувствовать предельного бесплодия, никчемности, лежащих в сердцевине всего этого внешнего величия человеческой изобретательности.

На другую чашу весов следует поместить саму долговечность древней египетской цивилизации; как-никак, она просуществовала очень долго, и от этого факта не отмахнуться. Притом что египетская цивилизация пережила как минимум два периода существенного упадка,

она успешно прошла их без видимых внешних потерь. Преодоление испытаний такого масштаба следует считать большим практическим и историческим достижением; неясным остается только то, почему случилась остановка? Военная и экономическая мощь Египта в итоге сказалась на нашем мире совсем незначительно. Его цивилизация так и не привилась у народов сопредельных стран. Причину этого можно искать в том, что она могла существовать лишь в особых условиях Египта. При наличии наглядного примера успеха в стремительном формировании институций, с незначительными коренными изменениями просуществовавших так долго, его можно было бы повторить при любой древней цивилизации, обеспеченной аналогичной степенью защиты от вторжения извне. Показательную преемственность нам предстоит наблюдать еще и на примере Китая.

Не обойтись нам без очередного напоминания о том, как медленно и неуловимо происходили все социальные и культурные изменения в древние времена. Как раз из-за нашей привычки к переменам нам сложно прочувствовать гигантскую косность, отличавшую любую успешную социальную систему (то есть такую, при которой человеку удается проявлять свои лучшие физические и умственные способности) практически во все века до самого последнего времени. В древнем мире источников нововведений насчитывалось гораздо меньше, а внедрялись они гораздо реже, чем теперь. Ход истории в Древнем Египте значительно ускоряется, если начать сравнивать его с доисторическими временами; он кажется медленным, как движение ледника, если вспомнить, как мало менялась повседневная жизнь египтян между периодами правления Менеса и Тутмоса III, разделенными полутора с лишним тысячами лет, сопоставимыми со временем, отделяющим нас от конца Римской Британии. Заметное изменение могло наступить только в результате внезапного и драматического стихийного бедствия (тут Нил служил надежной защитой), вторжения супостата или покорения им (Египет долго держался на краю поля битвы народов Ближнего Востока, лишь изредка подвергаясь их набегам с последующим отступлением). Технические или экономические факторы очень медленно могли принуждать к таким глубоким изменениям, которые мы воспринимаем ныне как само собой разумеющиеся. Что касается интеллектуальных стимулов, они едва могли быть сильными в обществе, где весь механизм культурной традиции служил внушению мысли о неизменности установленного порядка.

Предаваясь размышлениям над природой египетской истории, трудно избавиться от искушения вернуться к великому естественному изображению Нила, постоянно находящегося перед глазами египтян. Оно выглядело настолько выдающимся, что, быть может, казалось неохватным в силу его колоссального и единственного в своем роде влияния в пределах одной только речной долины, о которой идет речь. Пока на заднем плане в Плодородном полумесяце на протяжении веков полыхали непостижимые (но в конечном счете сформировавшие очертания мира) войны, в Древнем Египте в течение тысячелетий своим чередом развивается история в форме то безжалостных, то благотворных наводнений и отступлений Нила. Благодарный и послушный народ на его берегах собирает даруемое им богатство. Под его влиянием складывалось понимание египтянами истинного смысла бытия: надлежащая подготовка к смерти.

4
Внешние вторжения и захваты

В Месопотамии и Египте заложены краеугольные камни здания письменной истории Ближнего Востока. На протяжении длительного времени эти два изначально великих центра цивилизации дают нам хронологию важнейших исторических событий, и именно на ее одну можно более или менее ориентироваться. Но очевидно, что в их судьбе содержится далеко не полный рассказ об этой древней области, не говоря уже о всем древнем мире. Вскоре после XX века до н. э. переселение остальных народов шло уже совсем по иной схеме. Тысячу лет спустя повсюду существовали другие центры цивилизации, и перед нами открывается историческая эпоха как таковая.

К несчастью для историка, не просматривается никакого простого и очевидного единства в этом сюжете даже в Плодородном полумесяце, где в течение долгого времени по-прежнему демонстрировалось больше созидательности и динамизма, чем в любом ином уголке мира. Перед нами предстают только сумбурные изменения, начало которых лежит далеко позади во 2-м тысячелетии и которые продолжаются до появления в IX веке до н. э. первой империи из новой их череды. Сметающие все на своем пути мятежи и картины переустройства мира, олицетворяющие эти процессы, трудно поддаются даже пространственному очерчиванию, не говоря уже о рациональном объяснении их причин; спасибо, что изыскание их подробностей автор настоящего труда себе задачей не ставил. Ход истории ускорялся, а цивилизация предоставляла людям новые возможности. Вместо того чтобы погружаться в поток событий, мы можем с большей пользой попытаться определить некоторые силы, от которых зависели все изменения.

Наиболее очевидным из этих сил остается масштабное переселение народов. Их фундаментальная модель на протяжении тысячи или около того лет после XX века до н. э. меняется незначительно, национальный состав этой драмы тоже остается практически тем же самым. Главную динамику ему придавал поток народов индоевропейской лингвистической семьи, с востока и с запада прибывавший в Плодородный полумесяц. Эти народы становятся разнообразнее и многочисленнее, но их имена можно не запоминать, даже если некоторые отдаленные родственники греков. Тем временем между семитскими народами и индоевропейцами разгорается спор вокруг месопотамских долин; с египтянами и таинственными «народами моря» они сражаются за Синай, Палестину и Левант. Другая группа пришельцев с севера утверждается в Иране – и от них в конечном счете возникнет величайшая из всех империй древнего прошлого – Персия VI века. А еще одна ветвь этих народов рвется на территорию Индии. Эти переселения должны послужить объяснением многого из того, что лежит за сменой моделей империй и царств, сохранившихся в веках. По современным меркам некоторые из них можно считать достаточно живучими; приблизительно с 1600 года до н. э. народ, именуемый касситами, правил в Вавилоне в течение четырех с половиной веков, что сопоставимо по продолжительности со всей историей британского владычества на заморских колониальных территориях. И все же по стандартам Египта такие государственные образования выглядят творениями на миг, зародившимися сегодня и сметенными завтра.

Действительно, было бы удивительно, если бы они в конце не оказались слабыми, поскольку в то время свою роль играли многие иные новые силы, множащие революционные последствия от переселения народов. И прежде всего это совершенствование военного оснащения армий. В Месопотамии к 2000 году до н. э. достигло весьма высокого уровня искусство фортификации и, предположительно, тактика ведения осады крепостей. Среди индоевропейских народов, покушавшихся на цивилизацию, в овладении этими навыками замечены некоторые племена кочевого происхождения; возможно, в силу своего недавнего кочевого прошлого

они смогли коренным образом изменить форму ведения боевых действий в поле, зато долгое время не могли освоить ремесло осады. Принятие ими на вооружение одноосных боевых колесниц и кавалерии вызвало изменение сути действий дружин в открытом поле. В долинах реки лошади с самого начала встречались редко, они считались дорогой игрушкой царей или великих вождей, поэтому конные варвары располагали большим военным и психологическим превосходством. В конечном счете, однако, боевые колесницы поступили на вооружение армий всех великих царств Ближнего Востока; они оказались слишком эффективным боевым средством, чтобы от него отказываться. Когда египтяне изгоняли со своей земли гиксосов, они делали это среди прочего, используя это оружие против тех, кто завоевал их с его же помощью.

Приемы ведения войны менялись с внедрением конницы. Кавалеристу надлежало не просто скакать в седле, но и воевать верхом на коне; для овладения таким ратным искусством требовалось много времени, ведь управление лошадью и одновременное применение лука или копья представляется делом весьма сложным. Верховая езда пришла с иранского нагорья, где населявшие его народы могли ее практиковать уже в XX веке до н. э. Она получила распространение по всему Ближнему Востоку и бассейну Эгейского моря задолго до завершения следующего тысячелетия. Позже, уже после 1000 года до н. э., появляется всадник в железных доспехах, превосходящий пеших воинов одним своим весом и натиском. С этого момента начинается продолжительная эпоха, на протяжении которой ключевую роль в сражении играла тяжелая конница, хотя ее настоящую мощь смогли использовать только несколько веков спустя, когда с изобретением стремени наездник получил настоящее управление лошадью.

В течение 2-го тысячелетия до н. э. колесницы получили детали из железа, вскоре железом стали обивать колеса. Преимущества этого металла с военной точки зрения вполне очевидны, и не удивительно, что его применение стремительно распространялось по всему Ближнему Востоку и далеко за его пределами, несмотря на попытки тех, кто владел железом, ограничить его хождение. Сначала этим занимались хетты. После их упадка изготовление железа стало быстро распространяться по миру, и не только потому, что оно считалось более подходящим металлом для изготовления оружия, но еще и по той причине, что запасы железной руды, хотя и скудные, были гораздо больше, чем меди или олова. Железо послужило великим стимулом для перемен в хозяйственной и военной сферах. В земледелии овладевшие железом люди получили возможность возделывать тяжелые почвы, не поддававшиеся деревянным орудиям с кремневыми насадками. Однако быстрого и всеобщего перехода на применение этого нового металла не произошло; приблизительно с X века до н. э. железо постепенно занимает место рядом с бронзой, как бронза и медь когда-то дополнили камень и кремень в человеческом наборе инструментов. И происходит это неравномерно: в одних местах быстрее, чем в других.

Появление спроса на продукцию металлургии помогает объяснить еще одно нововведение во все более сложной форме торговли между удаленными коммерческими партнерами из разных районов. Такая торговля представляется одной из тех категорий взаимодействия, внешне придававших древнему миру некоторое единство как раз перед его разрушением в конце 2-го тысячелетия до н. э. Такой ценный товар, как олово, например, приходилось доставлять из Месопотамии, Афганистана, а также Анатолии, в районы, которые мы сегодня называем «промышленными» центрами. Еще одним пользующимся высоким спросом товаром была медь с Кипра, и в ходе разведки новых ее месторождений повышенный интерес достался Европе, находившейся на границе участия в древней истории. Еще до наступления XL века до н. э. стволы шахт на Балканах уже уходили на 18–20 метров под землю туда, где располагались залежи медной руды. И не удивительно, что некоторые европейские народы позже весьма преуспели в металлургии, особенно в выковывании больших листов бронзы и выколотке железа (материал, отличавшийся намного большей сопротивляемостью обработке по сравнению с бронзой до тех пор, пока не удалось изобрести технику нагрева для литья железа).

Торговля между удаленными коммерческими партнерами требует совершенствования транспортных средств. Сначала поставки осуществляли с помощью тягла ослов и ишаков; с приручением верблюдов в середине 2-го тысячелетия до н. э. в Азии и на Аравийском полуострове появилась возможность караванной торговли, которая позже казалась не подверженной старению древностью. Зато она открыла для освоения безводную пустыню, прежде считавшуюся непроходимой территорией. Из-за плохих дорог в древности колесный транспорт использовался исключительно на местном уровне, и только кочевым народам он служил для переезда на дальние расстояния. В древние повозки запрягали волов или ослов; такие повозки использовали в Месопотамии приблизительно в XXX веке до н. э., в Сирии приблизительно в 2250 году до н. э., в Анатолии 200–300 лет спустя и в материковой Греции приблизительно в 1500 году до н. э.

Перевозка большого объема товаров водным транспортом уже тогда могла обходиться дешевле, и организовать ее было проще, чем по суше; такое положение в хозяйстве сохранялось до прихода железнодорожного транспорта на паровой тяге. Задолго до того, как караванами начали доставлять до Месопотамии и Египта камедь и смолы южных аравийских побережий, их перевозили на судах по Красному морю, и купцы сновали туда и обратно на торговых судах через Эгейское море. Понятно, что самые важные достижения в транспортной сфере приходятся как раз на судоходную технику.

Нам известно, что люди неолита совершали протяженные путешествия по морю в долбленых челноках, и мы располагаем некоторыми свидетельствами существования судоходства с 7-го тысячелетия до н. э. Египтяне времен III династии снабдили морские суда парусом; с установкой центральной мачты и прямого паруса начинается эра судовождения без применения мускульной силы человека. В следующие два тысячелетия происходит совершенствование оснастки морских судов. Считается, что египтяне в свое время изобрели косой парус, необходимый для управления судном при движении против ветра, но по большей части старинные суда оснащались четырехугольными парусами. По этой причине системы морских коммуникаций определялись направлением господствующих ветров. Единственным альтернативным источником придания движения судну служила энергия человеческого усилия: гребное весло изобрели раньше, и оно обеспечило движущую силу для протяженных морских путешествий, а также для местных перевозок грузов (или пассажиров). Можно предположить тем не менее, что веслами чаще оснащались боевые корабли, а парусами – торговые суда, называвшиеся так с самого их появления. К XIII веку до н. э. воды Восточного Средиземноморья бороздили суда, способные перевозить больше 200 медных чушек, и в пределах считаных веков некоторые из этих судов стали снабжать водонепроницаемыми палубами.

Даже в настоящее время идет обмен товарами, называемый бартером, и не приходится сомневаться в том, что в торговле на протяжении всей древности существовал именно такой порядок. Но огромный шаг вперед был сделан, когда люди изобрели деньги. Похоже, они появились в Месопотамии, где еще раньше XX века до н. э. цена определялась с помощью согласованных мер зерна или серебра. В конце бронзового века денежными единицами по всему Средиземноморью могли служить медные чушки. Первое официально маркированное средство обмена, дошедшее до наших дней, обнаружено в Каппадокии в виде слитков серебра конца 3-го тысячелетия до н. э.: они служили настоящей металлической валютой. Но даже притом, что деньги числятся важным изобретением, обреченным на широкое распространение, только в VIII веке до н. э. ассирийцы догадались ввести серебряный стандарт для первых монет. Доведенное до совершенства денежное обращение (кредитная система и векселя в Месопотамии существовали с древних времен) могло содействовать развитию торговли, но и без него люди тоже прекрасно обходились. Народы древнего мира вполне сносно жили без денег. Торговый народ финикийцы, прославившийся мастерством и сообразительностью, не пользовался деньгами до VI века до н. э.; в Египте с его централизованно управляемой хозяй-

ственной системой и внушительным богатством не внедряли чеканку монет еще 200 лет после финикийцев, и в кельтской Европе, при всех ее объемах торговли металлическими товарами, приступили к чеканке денег еще через 2 века после египтян.

Что же касается хозяйственного обмена между общинами на его ранних стадиях, давать категоричные заключения еще более рискованно. Обратившись к эпохе сохранившихся исторических летописей, можно увидеть многочисленные действия, которыми предусматривается передача потребительских товаров, причем не всегда расчет делается на денежную выгоду. Иногда товары принимали вид выплаты дани, обмена символическими или дипломатическими подарками между правителями и подношений по обету. Не следует торопиться с поспешными выводами; вплоть до XIX века н. э. в Китайской империи понимали под внешней торговлей получение дани от зарубежных государств, и египетские фараоны, судя по рисункам на стенах склепов, пользовались способом перевода торговли с народами бассейна Эгейского моря в подобные сферы. В древнем мире такого рода сделки могли включать передачу стандартных предметов типа треног или сосудов определенного веса или колец одного размера, которым в старину отводилась роль денег. Иногда такие вещи имели утилитарное значение, иногда просто служили символами. С полной определенностью можно сказать, что объем движения потребительских товаров увеличился и что во многом это увеличение приняло форму выгодных обменов, которые теперь называются торговлей.

Помочь в осуществлении таких изменений должны были новые города. Такие города появились по всему древнему Ближнему Востоку, в том числе из-за прироста населения. В них воплотилась плодотворная реализация земледельческих возможностей, а также растущая прослойка бездельников. Литературная традиция отчуждения сельских жителей от города проявляется уже в Ветхом Завете. К тому же городская жизнь предполагала отдачу от творческого созидания на новом, более высоком уровне, очередное ускорение эволюции цивилизации, одним из признаков которой считается распространение грамоты. В XX веке до н. э. грамотность оставалась привилегией населения цивилизаций речных долин и областей, находившихся под их влиянием. Клинопись получила распространение по всей территории Месопотамии, где она служила письменностью для двух или трех языков; в Египте надписи на монументы наносились иероглифическим стилем, а повседневные записи вели на папирусе упрощенным шрифтом, названным иератическим (жреческим). Тысячу или около того лет спустя картина изменилась. Образованные народы тогда можно было встретить на всем Ближнем Востоке, на Крите и в Греции. Клинопись переняли для письма еще на нескольких языках, причем с большим успехом; даже египетское правительство приспособило ее для своей дипломатической переписки. Изобретались и другие стили письма. Один из них, появившийся на Крите, отсылает к заре современности, так как знакомит нас с народом, жившим приблизительно в 1500 году до н. э., пользовавшимся языком, в основе которого лежал греческий язык. С внедрением семитского, то есть финикийского, алфавита среда первой западной литературы просуществовала приблизительно до 800 года до н. э., и, возможно, столько же сохраняется первое дошедшее до нас произведение, позже названное трудами Гомера.

При таких поворотах хронология теряет смысл; в летописях фиксируются изменения, теряющиеся из вида, если историю чрезмерно привязывать к определенным странам. Все же отдельные страны и их народы, несмотря на то что они подвергаются все большему постороннему влиянию из-за ширящихся контактов, приобретают больше и больше отличительных черт. В просвещении фиксируется традиция; а в традиции, в свою очередь, выражается общинное самоопределение.

Можно предположить, что представители племен и народов всегда чувствовали свою особенность; самосознание значительно усиливается, когда государства приобретают более постоянные и официально оформленные черты. С распадом империй на более жизнеспособные единицы мы знакомы со времен шумеров и наблюдаем его в современном историческом периоде,

но при этом некоторые области появляются снова и снова в качестве устойчивых ядер сохранения традиции. Еще в XX веке до н. э. государства становятся прочнее и демонстрируют большую мощь. Им все еще было далеко до приобретения той энергичной и самовоспроизводящейся власти над их народами, возможности которых в полной мере проявились только в новейшие времена. Но даже в самых древних летописях обнаруживается непреодолимая тенденция к дальнейшему упорядочению правительства и официальному оформлению власти. Цари создают вокруг себя бюрократический аппарат, а мытари (сборщики податей) изыскивают средства для финансирования все более крупных предприятий. Все большей поддержкой пользуется система права; куда бы оно ни проникло, повсюду налагаются ограничения, пусть даже сначала выглядящие неявно, свободы индивидуума и укрепляется власть законодателя. Сверх всего государство наращивает военную мощь, проблема содержания, оснащения и расквартирования регулярной профессиональной армии нашла решение к 1000 году до н. э.

Как только складываются вместе все перечисленные выше факторы, суть государственных и общественных институций начинает выпадать из сферы общих категорий ранней цивилизации. Вразрез с возникающим космополитизмом, ставшим возможным из-за упрощения взаимодействия и взаимообогащения, общества выбирают расходящиеся пути. В сфере сознания самое наглядное выражение разнообразия проявляется в религии. В то время как кое-кто усматривает в доклассической эпохе тягу к более простым, монотеистическим системам, самый очевидный факт заключается в наличии огромного и разнообразного пантеона местных и предметных духов, как правило, мирно сосуществующих с единичными проявлениями недовольства своим предназначением.

Вместе с тем имеется новый набор признаков для определения отличий в некоторых других проявлениях культуры. Еще до зарождения цивилизации искусство утвердилось как самостоятельный род занятия, необязательно связанный с религией или колдовством. Старинная литература уже упоминалась. Обнаруживается возможность развлекаться игрой; игровые доски появляются в Месопотамии, Египте и на Крите. Люди уже узнали, что такое игровой азарт. Цари и знать со всей страстью предавались охоте, а в их дворцах шли представления с участием музыкантов и танцоров. Среди спортивных состязаний бокс можно проследить назад вплоть до Крита бронзового века, только на этом острове к тому же устраивали состязания по прыжкам через быка.

В таких делах очевиднее, чем в других, проявляется то, что мы не должны уделять чрезмерного внимания хронологии, еще меньше его требуют конкретные даты, даже те, что не вызывают никаких сомнений. Понятие отдельной цивилизации также становится все меньше полезным с точки зрения района, которым мы до сих пор занимались. В нем обнаруживается слишком много точек соприкосновения, чтобы играть роль, которую играли Египет и Шумер. В период между 1500 и 800 годами до н. э. имели место большие изменения, которые нельзя пропустить через ячейку сети, сотканной для вылавливания истории первых двух великих цивилизаций. В запутанных, бурных событиях Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья около 1000 года до н. э. зарождался новый мир, отличавшийся от мира Шумера и Древнего царства, то есть Эгейский мир с его цивилизацией.

Возникшее взаимодействие культур принесло многочисленные перемены народам на окраинах Ближнего Востока, но цивилизация на Эгейских островах уходила корнями в неолит, как это наблюдалось повсеместно. Первый металлический предмет, обнаруженный на территории Греции в виде медной бусины, ученые отнесли приблизительно к 4700 году до н. э., и, можно предположить, на его появление повлияли европейские, а также азиатские мастера. Крит является самым большим из греческих островов. За несколько веков до наступления XX века до н. э. там возводились города, отличавшиеся правильной планировкой улиц, а занимался этим передовой народ, обитавший на острове со времен неолита. Возможно, представители данного народа поддерживали связи с жителями Анатолии, которые вдохновляли их

на незаурядные достижения, но убедительных свидетельств тому пока не обнаружено. Жители Крита вполне могли создать свою цивилизацию самостоятельно без посторонней помощи. Во всяком случае, приблизительно за тысячу лет они построили дома и склепы, которые выделяют их культуру среди других культур, и стиль архитектуры изменился незначительно. Приблизительно к 2500 году до н. э. на побережье Крита уже существовали крупные города и деревни, построенные из камня и кирпича; их жители занимались обработкой металлов, а также изготавливали пользовавшиеся спросом печати и ювелирные украшения. На данном этапе, следует отметить, критяне во многом разделяли достижения культуры материковой Греции и Малой Азии. Они обменивались товарами с остальными эгейскими общинами. Потом произошли перемены. По прошествии около 500 лет они начали строить комплексы роскошных дворцов, ставшие памятниками так называемой «крито-минойской» цивилизации; самый большой из них – дворец правителей Кносса – возвели около 1900 года до н. э. Ничего более величественного не появляется нигде на островах Эгейского моря, и Крит осуществлял культурную гегемонию почти во всем бассейне этого моря.

Определение «минойский» происходит от имени легендарного царя Миноса, хотя существование его документами не подтверждено. Гораздо позже греки считали его (во всяком случае, так говорили) великим царем, жившим на Крите в городе Кноссе, он якобы общался с богами и женился на дочери бога солнца Гелиоса – Пасифаи. Ее отпрыск в образе чудовища Минотавра питался приносимыми ему в жертву девственницами, прибывавшими данью из Греции. Обитал Минотавр в центре построенного для него лабиринта, куда все-таки проник легендарный герой Тесей, убивший чудовище. Все это послужило богатой, наводящей на размышления темой, волнующей ученых, которые полагают, что через нее можно пролить свет на критскую цивилизацию, но доказательствами самого существования царя Миноса они не располагают. Возможно, существовало несколько мужчин с таким именем или имя Минос служило неким титулом нескольких критских правителей. Однако пока он представляется одной из тех занимательных фигур, которые, как король Артур, остаются за границами истории, зато пребывают в пантеоне мифологии.

Определением крито-минойский тогда просто обозначается цивилизация народа, жившего на Крите в бронзовом веке; никаких других значений под ним подразумеваться не может. Данная цивилизация просуществовала около 600 лет, но историю ее удается воспроизвести весьма схематично. По сохранившимся фрагментам этой истории представляется народ, живший в городах, связанных некоторой зависимостью с монархией, обосновавшейся в Кноссе. На протяжении 3 или 4 веков этот народ преуспевает за счет обмена товарами с Египтом, Малой Азией и материковой Грецией, а кормится он от собственного земледелия. Именно этим можно объяснить прогрессивный скачок минойской цивилизации. Как и сегодня, тогда на Крите обеспечивались более благоприятные, чем на других островах или в материковой Греции, условия для выращивания маслин и винограда, то есть двух ключевых культур более позднего средиземноморского сельского хозяйства. По-видимому, здесь также выращивали тучные отары овец и вывозили овечью шерсть на продажу. Какими бы ни были его точные формы, но на Крите в конце неолита явно наблюдалось серьезное прогрессивное продвижение земледелия, которое позволило не только увеличивать урожайность хлебных злаков, но и, прежде всего, наращивать возделывание маслин и винограда. Эти культуры произрастали там, где нельзя было выращивать зерно, и с их разведением изменились возможности средиземноморской жизни. Сразу же начался прирост населения, получившего достаточное пропитание. Вследствие этого появилась возможность расширения строительства, так как для этого имелись дополнительные людские ресурсы. Но помимо этого возникли новые требования к организации и управлению, к регулированию более сложного земледелия и переработке его продукции.

Объясняет это или нет появление минойской цивилизации, но пик ее развития приходится примерно на 1600 год до н. э. Примерно через 100 лет минойские дворцы кто-то разрушил. Причина гибели этой цивилизации остается манящей загадкой. Приблизительно в это же время в огне также гибнут главные города островов Эгейского моря. В прошлом часто случались землетрясения; рискнем предположить, что беда случилась из-за одного из них. С помощью современных научных методов удалось обнаружить следы мощного извержения вулкана на острове Тера, совпавшего по времени с эгейской катастрофой; оно могло сопровождаться приливными волнами и землетрясениями на Крите, удаленном от проснувшегося вулкана на 115 километров, а позже выпал толстый слой пепла, погубивший критские поля. Некоторые предпочитают говорить о восстании против правителей, засевших во дворцах. Кто-то увидел признаки нового вторжения или настаивал на некоем мощном набеге с моря, организаторы которого прихватили награбленное добро и пленников, причиненным ущербом навсегда уничтожили на Крите политическую власть и не оставили за собой новых поселенцев. Ни один из вариантов убедительными подтверждениями не подкрепляется. О случившемся можно строить какие угодно догадки, но если отказаться от насильственного варианта, фактами не подтвержденного, тогда остается один только природный катаклизм, зародившийся на острове Тера, который и сломал хребет минойской цивилизации.

Какими бы ни были причины катастрофы, говорить о конце древней цивилизации на Крите не приходится, так как город Кносс заняли люди, за последующие лет сто перебравшиеся с материка. Впрочем, притом что лучшие времена полного процветания были не за горами, могущество местной цивилизации Крита на самом деле осталось в прошлом. Пока же, видимо, Кносс считался благополучным городом. Потом в начале XIV века до н. э. он тоже погиб в огне пожара. Пожары случались и прежде, но на сей раз город восстанавливать не стали. Так заканчивается повесть о древней критской цивилизации.

По счастью, существенные особенности этой культуры понять проще, чем детали ее истории. Наиболее очевидной представляется ее тесная связь с морем. Минойцы пользовались дарами моря точно так же, как другие народы пользовались благами своей собственной природной среды обитания. В результате появился обмен товарами и открытиями, что еще раз показывает, как может ускоряться развитие цивилизации там, где существует возможность взаимного обогащения. Минойцы наладили близкие связи с Сирией еще до 1550 года до н. э. и торговали с такими далекими землями на западе, как Сицилия, а возможно, и еще более отдаленными. Кто-то возил свои товары на Адриатическое побережье. Куда важнее было их проникновение в материковую Грецию. Минойцы могли проложить самый главный единственный маршрут, по которому товары и открытия древнейших цивилизаций попадали в Европу, еще не пережившую бронзового века. Некоторые критские товары начинают появляться в Египте во 2-м тысячелетии до н. э., и он служит основным внешним рынком сбыта этих товаров; в искусстве Нового царства заметно критское влияние. Как думают некоторые ученые, одно время в Кноссе жил даже некий египтянин, по-видимому находившийся там, чтобы следить за делами надежного предприятия, и утверждалось, будто минойцы на стороне египтян воевали против гиксосов. Критские вазы и металлические изделия обнаружены в нескольких местах на территории Малой Азии: эти предметы дошли до наших дней, но кое-кто утверждает, будто широкий спектр других продуктов – древесина, виноград, масло, деревянные, металлические вазы и даже опиум – поставлялся минойцами на материк. В обмен они приобретали металл в Малой Азии, алебастр в Египте, страусиные яйца в Ливии. То есть уже существовали сложные коммерческие отношения.

Наряду с развитым земледелием внешняя торговля придавала цивилизации значительную основательность, позволяющую на протяжении длительного периода времени восстанавливаться после стихийных бедствий, как это наглядно наблюдается на многократном восстановлении дворца в Кноссе. Минойские дворцы представляются непревзойденными

реликвиями критской цивилизации, но и сами города построены очень толково, с тщательно продуманными сточными трубопроводами и коллекторами. Это технические достижения высокого уровня; раньше комплекс дворцов в Кноссе снабдили оборудованием для купания и отправления нужды, непревзойденным до наступления римских времен. Прочие достижения в области культуры были менее практичными: в изобразительном искусстве воплотилась минойская цивилизация в самом ее расцвете, и его произведения остаются самым наглядным наследием, повлиявшим через моря на цивилизацию Египта и Греции.

Археологи также представили свидетельства минойского религиозного мира, хотя многого почерпнуть из них нельзя, так как мы не располагаем письменными памятниками. У нас сложилось представление о богах и богинях, но трудно однозначно утверждать, какими были их полномочия. Не можем мы представить себе и их обряды, разве что отметить многочисленность жертвенных алтарей, святилищ на возвышенностях, наличие двуглавых топоров и очевидное сосредоточение минойских культов в женской фигуре (хотя секреты ее отношения к другим божествам остаются нераскрытыми). Возможно, она воспроизводит неолитическую фигуру плодородия, подобия которой появляются снова и снова как олицетворение женской чувственности: воплощением последней можно назвать богинь Астарту и Афродиту.

Политическое устройство этого общества просматривается неясно. Дворец служил не только резиденцией августейших особ, но и в известном смысле центром хозяйственной жизни – огромным лабазом, который вполне можно назвать венцом передовой формы обмена, основанной на перераспределении благ самим правителем. Вместе с тем дворец служил храмом, но в качестве крепости он не использовался. В поздние времена это был центр высокоорганизованной структуры, вдохновение которой, возможно, придавало азиатское направление; торговые люди должны были знать о существовании образованных империй Египта и Месопотамии. Одним из источников нашего знания о деятельности минойского правительства является огромная коллекция из тысяч табличек, представляющих собой его административные документы. Они указывают на существование жесткой иерархии и систематизированной администрации, но о ее практическом функционировании нам ничего не известно. Каким бы толковым это правительство ни было, единственный показатель, прочитывающийся в этих документах, говорит о главной его задаче: осуществление тщательного и продуманного надзора, немыслимого в более позднем греческом мире. Если проводить какие-либо аналогии, то снова напрашиваются азиатские империи и Египет.

Успешное вторжение с европейского материка само по себе представляется знаком того, что условия, в которых появление этой цивилизации стало возможным, начали рушиться в тревожные времена завершения бронзового века. Долгое время жители Крита не видели соперника, способного угрожать берегам их острова. Египтяне могли быть слишком заняты своими заботами; с севера и вовсе не могло нависать никакой опасности. Постепенно ситуация менялась. На материке уже наблюдалось новое движение, отличное от того, которое вызывали «индоевропейские» народы, уже многократно упоминавшиеся в нашем повествовании. Некоторые из них снова проникли на Крит после окончательного краха Кносса; они проявили себя успешными колонистами, освоившими низменные области и загнавшими минойцев с их захиревшей культурой в отдельные небольшие города, которые стали им убежищами, вследствие чего они исчезли со сцены всемирной истории.

Как ни странно, всего-то за 2 или 3 века до этого критская культура считалась господствующей в Греции, а сам Крит всегда представлялся в сознании греков загадочной землей, утраченной страной золотых грез.

Прямая передача достижений минойской культуры на материк происходила через первые ахейские народы (это название обычно присваивается древним племенам, говорившим на греческом языке), которые в XVIII и XVII веках до н. э. приходили в Аттику и Пелопоннес и образовывали там города и поселки. Они пришли на земли, население которых давно под-

держивало контакт с Азией и уже внесло свой вклад в будущее, выдержав испытание символом греческой жизни в виде укрепления возвышенного места в городе, или акрополя. Только что прибывшие люди в культурном плане едва ли превосходили тех, кого они завоевали, хотя привели с собой лошадей и боевые колесницы. По сравнению с критянами они были варварами, не имевшими собственного искусства. Более осведомленные о роли насилия и войны в обществе, чем островитяне (несомненно, потому, что понятия не имели о защитных свойствах моря, зато прекрасно представляли опасность угрозы со стороны территории их собственной родины, с которой они пришли), незваные гости надежно укрепили свои города и настроили крепостей. Их цивилизацию отличал милитаристский стиль. Иногда они выбирали места, где в более поздние века возникали центры греческих городов-государств; среди них числятся Афины и Пилос. Они не были очень большими, в самом крупном насчитывалось до нескольких тысяч жителей. Один из ключевых центров находился в городе Микены, название которого присвоили цивилизации, в середине 2-го тысячелетия в конце концов распространившейся на всю Грецию бронзового века.

От этой цивилизации осталось несколько бесподобных реликвий, ведь она была очень богата золотом; находившаяся под мощным влиянием минойского искусства, она к тому же содействовала слиянию греческой культуры и культур коренных народов на материке. Организационная основа микенской культуры уходила корнями в патриархальные представления о добре и зле, но не только в них. Тяга к формализации бытия, обнаруженная в письменах на табличках из Кносса, а также из Пилоса, расположенного на западе Пелопоннеса, отнесенных приблизительно к 1200 году до н. э., свидетельствует о ветре перемен, дувшем с Крита в сторону материка. В каждом значимом городе правил свой царь. Царь в Микенах считался главным в сообществе воевод-землевладельцев, издольщиками и рабами которых были коренные островитяне, и, возможно, с самого начала он был главой своего рода федерации царей. Сохранилась хеттская дипломатическая переписка, свидетельствующая об определенной степени политического единства в микенской Греции. В табличках Пилоса обозначен тщательный надзор и контроль над жизнью общины, а также важные различия между чиновниками и, в более существенной степени, между рабом и свободным человеком. Нам не дано знать, что такие различия означали в реальности. Не так много нам известно и о хозяйственной жизни, лежащей в основе культуры, кроме того, что централизованное управление ею велось из царского двора, как это было на Крите.

Какой бы ни была материальная основа культуры, наиболее зримо представленной в Микенах, к 1400 году до н. э. она распространилась по всей материковой Греции и многим островам. Она представляла собой единое целое, хотя устойчивые различия греческого диалекта сохранились, и по ним отличали один народ от другого до классических времен. Микены пришли на смену критскому торговому владычеству в Средиземноморье и заняли там господствующее положение. Микенские купцы открыли торговые фактории в Леванте, и их уважали как носителей власти хеттские цари. Иногда микенские экспортные гончарные изделия вытесняли минойскую глиняную посуду, и даже сохранились примеры того, как за минойскими поселенцами следовали поселенцы микенские.

Микенская, если можно так выразиться, империя находилась на подъеме в XV и XIV веках до н. э. Некоторое время ей на пользу шла слабость Египта и дробление хеттской власти; пока великие державы ушли на второй план, этот небольшой народ, обогатившийся за счет торговли, занимал незаслуженно высокое место в окружающем мире. Микенские поселения возникли на побережье Малой Азии; торговля с другими азиатскими городами, особенно с Троей, расположенной у входа в Черное море, бурно развивалась. Но примерно с 1300 года до н. э. заметны некоторые признаки увядания. Одной из причин может показаться война; ахейцы в конце столетия захватили важные районы во время нашествия на Египет, а в наше время их набег, осуществленный около 1200 года до н. э. и увековеченный в эпосе как «Осада

Трои», мы считаем великим. Тревожными предпосылками к этим событиям послужила серия династических мятежей в самих микенских городах.

На пороге стояли времена, которые можно назвать «темными веками» бассейна Эгейского моря, и они точно так же покрыты завесой тайны, как все, что происходило на Ближнем Востоке приблизительно в то же время. К моменту, когда пала Троя, новые вторжения варваров на территорию материковой Греции уже начались. В самом конце XIII века некоторые большие микенские центры подверглись разрушению, возможно, в результате землетрясения или вторжения врагов, и первая Греция раздробилась на не связанные между собой поселения. Микенская цивилизация перестала существовать, но население покинуло не все свои родные места, по крайней мере, кто-то там оставался. Около X века до н. э. вроде бы заметно оживление. В тогдашних легендах много говорится об одной конкретной группе переселенцев, названных дорийцами. Энергичные и храбрые, они остались в народной памяти как потомки Геракла. При всей опасности спора по поводу существования более поздних диалектов греческого языка у вполне определенных и компактных групп древних завоевателей, по традиции их относят к носителям дорийского языка, который сохранился до классической эпохи как диалект, а те группы поместили отдельно. В этом случае, как полагали ученые, традиция находила оправдание. Дорийские общины в Спарте и Аргосе, позже ставших городами-государствами, образовывались сами собой.

Но другие народы тоже помогали формированию новой цивилизации в то смутное время. Наибольших успехов добились те, кого позже определили как народ, говорящий на «ионическом» наречии греческого языка раннего Средневековья. Выходцы из Аттики (где Афины либо сохранились, либо ассимилировали захватчиков, которые пришли вслед за микенцами), они пустили корни на Кикладах и в Ионии, в настоящее время турецком побережье Эгейского моря. Здесь в качестве переселенцев и пиратов они захватили или основали города, если не на островах, то почти всегда на побережье или около него, которые в будущем превратились в города-государства народа-морехода. Часто места, которые они выбирали, оказывались уже занятыми микенцами. Иногда, в Смирне, например, они заняли место поселившихся здесь раньше греков.

Таким образом, складывается картина, в лучшем случае невразумительная, и по большому счету для ее восприятия сохранились только разрозненные доказательства. Однако из такой сумятицы постепенно снова должна появиться гармоничная цивилизация, существовавшая в Эгейском бассейне в бронзовом веке. Хотя сначала предстояло пережить века раскола и сепаратизма, нового периода провинциализма в космополитическом мире. Торговля едва дышала, а связи с Азией зачахли. Им на смену шло физическое переселение людей, иногда века требовались на то, чтобы сформировать новые устойчивые типы общин, однако вырисовывались зачатки будущего греческого мира.

Случился колоссальный откат в цивилизованной жизни, который должен напомнить нам о том, насколько хрупкой могла быть цивилизация в античные времена. Наиболее наглядным доказательством этой хрупкости стал мор, случившийся в 1100 и 1000 годах до н. э. Он принял настолько широкий размах и проявился с такой жестокостью, что некоторые ученые искали объяснения во внезапном катаклизме, проявившемся, возможно, в эпидемии чумы или изменении климата до такой степени, что сразу и кардинальным образом сократилась и без того небольшая пахотная территория на Балканах и склонах Эгейского побережья. Какой бы ни была причина, последствия случившегося можно наблюдать в отказе людей от изящества и высокого мастерства; прекратилась обработка твердых самоцветов, роспись фресок и изготовление тонких гончарных изделий. Культурная преемственность от пожилых к молодым могла существовать только в виде изустно передаваемых песен, мифов и религиозных представлений.

Это тревожное время очень скупо, смутно и неточно отражено в поэтических балладах, позже записанных как легенды в «Илиаде» и «Одиссее». Они включают сюжеты, передававши-

еся на протяжении нескольких поколений в форме сказаний, происхождение которых лежит в традиции, практически современной событиям, излагаемым в них, хотя позже их приписали одному поэту – Гомеру. Как раз с тем, о чем сложены эти сказания, труднее всего согласиться; последнее время отмечается единодушие в том, что речь не может идти о микенских временах, тем более о том, что происходило сразу после них. Центральный эпизод «Илиады» с описанием штурма Трои не имеет ничего общего с реальностью, хотя в самом произведении автор мог рассказать о реальных действиях ахейцев по силовому урегулированию обстановки в Малой Азии. Верить остается разве что в скудную социальную и концептуальную информацию, содержащуюся в этом поэтическом произведении. Хотя Гомер передает впечатление о некоторой особой исключительности, признанной за микенским царем, речь идет о постмикенском бассейне Эгейского моря VIII века до н. э., когда по прошествии «темных веков» начинается возрождение. Перед нами предстает общество, возглавляемое военачальниками-варварами, а не правителями, распоряжающимися регулярными армиями или контролирующими бюрократию как монархи Азии. Гомеровские цари выглядят величайшими среди крупной знати, главами знатных семей, их признанная власть умеряется действительной властью практически равных им подданных и измеряется способностью навязать им свою волю; их жизнь представляется беспокойной и обременительной. В этих стихах лишь урывками освещается первобытное общество, все еще пребывающее в расстройстве, возможно, уже стабилизирующееся, но не настолько передовое, каким были Микены, и даже смутно не предвещающее того, чем предстоит стать Греции.

Новой цивилизации, которой суждено в конечном счете явиться из вековечной неразберихи, во многом помогло возобновление отношений с Востоком. Весьма важным представляется тот факт, что эллины (под этим названием захватчиков Греции стали отличать от их предшественников) расселились на островах и на Азиатском материке; они обеспечили множество точек соприкосновения культур двух разных миров. Но не только они одни служили поддержанию связи между Азией и Европой. Семена цивилизации постоянно переносили с места на место посредники всемирной истории в лице великих торговых народов.

Одному из них, принадлежащему еще одной группе мореходов, досталась долгая и беспокойная судьба, хотя не такая долгая, как гласит легенда об этом народе; финикийцы утверждали, будто они прибыли в город Тир около 2700 года до н. э. К данному утверждению можно относиться точно так же, как к происхождению царей дорийцев от Геракла. Как бы то ни было, но в XX веке до н. э. они уже обосновались на побережье современного Ливана, а египтяне начали получать от них деловую древесину кедра. Финикийцы принадлежали к семье семитских народов. По примеру арабов Красного моря они занялись мореходством, потому что географически им было выгоднее осваивать морские просторы, чем материковое бездорожье. В конце концов они обжили узкую прибрежную полосу, служившую историческим каналом общения между Африкой и Азией. Позади них находилось нищее захолустье земледельческих районов, изрезанное холмами, сбегающими с гор до моря таким образом, что объединить прибрежные районы не получалось. Существовали параллели с судьбой более поздних греческих государств, тяготевших к морю при сходных обстоятельствах, и в каждом случае у их правителей получалась не просто торговля, но и колонизация.

При слабости в военном отношении финикийцев (находились поочередно под властью иудеев, египтян и хеттов) не может быть полностью случайным то, что они появляются из исторической тени только после окончания великих дней Египта, Микен и хеттской империи. К тому же их процветание наступало в условиях ослабления и других народов. Как раз после X века до н. э., когда великая эпоха минойской торговли ушла в небытие, наступает золотой век финикийских городов Библоса, Тира и Сидона. Их тогдашнее значение находим в библейском тексте об участии финикийцев в строительстве храма Соломона; «И я буду давать тебе плату за рабов твоих, какую ты назначишь; ибо ты знаешь, – говорит Соломон, – что у нас нет людей,

которые умели бы рубить деревья так, как Сидоняне» (3 Цар., 5: 6). Древние летописцы часто обращали внимание на репутацию финикийцев как торговцев и колонистов.

Они были первыми мореходами, рискнувшими выйти из Средиземноморья в Атлантику для осуществления торговли вдоль побережий. Обладавшие навыками мореплавания на дальние расстояния, они могли позволить себе предпринять экспедиции, о которых представители других народов не решались даже мечтать.

Они к тому же располагали пользующимися спросом товарами на продажу, поэтому им приходилось развивать навыки, необходимые для торговли с доставкой товаров на дальние расстояния. Их краски издавна пользовались широкой известностью, к тому же финикийцы поставляли на внешний рынок текстиль, древесину, стекло и рабов. Несомненно торговые запросы стимулировали изобретательность финикийцев; как раз в Библосе (от названия которого греки могли позаимствовать слово для обозначения названия книги) придумали алфавит, позже адаптированный греками. Так совершен был великий шаг, благодаря которому появилась возможность более широкого распространения грамоты. Однако никакой яркой финикийской литературы до наших дней не дошло, хотя в финикийском искусстве прослеживается тенденция к отображению роли этого народа как посредника, заимствовавшего и копировавшего азиатские и египетские творческие образцы, предположительно, ради удовлетворения потребностей своих клиентов.

Главным делом финикийцев считалась торговля, и сначала для ее ведения заморских поселений не требовалось. Потом все больше их представителей стало появляться в поселениях или факториях, иногда открывавшихся там, где еще до них торговлей занимались микенцы. Самые удаленные фактории находились по ту сторону входа в Средиземное море, где на территории Кадиса и Могадора (современного Эс-Сувейра в Марокко) финикийцы основали Гадир, через который можно было налаживать торговлю из Средиземноморья в Атлантику, а также обеспечивать поставки серебра и олова. В результате на побережье Средиземного моря появилось приблизительно 25 таких портов, первый из которых открыли на Кипре в Китионе (современная Ларнака) в конце IX века до н. э. Иногда поселения финикийцев образовывались на местах прежних финикийских факторий, например на Сицилии.

Эти колонии могли появиться в период обострения проблем, свалившихся на финикийские города-государства после утраты самостоятельности в начале 1-го тысячелетия. Сидон сравняли с землей в VII веке, а дочерей царя Тира отправили в гарем ассирийского владыки Ашурбанипала. После этого от Финикии остались только ее поселения, разбросанные по Средиземноморью и сохранившиеся кое-где еще. Однако их учреждение к тому же может служить отражением беспокойства финикийцев по поводу некой волны греческой колонизации на западе, угрожавшей срывом поставок металлов, в частности, британского олова и испанского серебра. Таким опасением можно объяснить основание финикийцами веком раньше города Карфагена; ему предназначалась роль престола власти, причем гораздо более внушительной, чем власть в Тире и Сидоне за все времена, и продолжилось учреждение собственной финикийской череды поселений. Финикия продолжала существовать еще очень долго после ее формального сокрушения.

Финикийцы вошли в историю в качестве одних из главных распространителей своей цивилизации, но, волей-неволей, наряду с ними следует назвать других: микенцев за их вклад в распространение культуры и эллинов за побуждение к движению этнического мира бассейна Эгейского моря. Роль критян еще более велика; настоящие творцы, они не просто заимствовали достижения великих устоявшихся центров культуры, а переиначивали эти заимствования, а потом давали им вторую жизнь. Эти народы способствовали стремительным переменам мира. Одним важным побочным эффектом, о котором пока говорилось очень мало, следует назвать побуждение к развитию народов континентальной Европы. В поиске полезных ископаемых искатели и старатели медленно продвигались все глубже в неизведанное пространство

Европы. Уже во 2-м тысячелетии появляются первые признаки сложного будущего континента; бусинки, найденные в Микенах, изготовили в Британии из балтийского янтаря. Торговля всегда медленно приносила плоды, но они были весомы: ничего не оставалось от уединения, менялись отношения одних народов с другими, придавая миру в целом новые очертания. Но не станем связывать это с перемешиванием содержимого этнического котла бассейна Эгейского моря, и оставим в покое бурную историю Азиатского материка, исчислявшуюся со 2-го тысячелетия до н. э.

На протяжении около 800 лет, приблизительно после окончания времени Кносса, история Ближнего Востока действительно выглядит очень запутанной, если взглянуть на нее во всемирном масштабе. В это время продолжались споры по поводу распоряжения растущим богатством предельно точно определившегося земледельческого района древнего мира; появлявшиеся и пропадавшие империи не могли найти ресурсы в пустынных и степных районах на границах Ближнего Востока, обусловливающие их покорение, и в судьбе этих империй трудно найти какую-либо непрерывную нить. Захватчики стремительно сменяли друг друга, некоторые из них оставляли после себя новые общины, другие – создавали новые учреждения взамен утраченных. Такие быстрые перемены едва ли осознавались участниками этих случайно и неожиданно происходивших событий, когда, например, сжигали их дома, насиловали жен и дочерей, сыновей уводили в рабство или когда все случалось без такого кровавого драматизма, и они обнаруживали, что новый губернатор назначает повышенные поборы.

На материковой части неприкаянные народы забредали в области, где имелись сложившиеся центры управления и проживания, действенные и испытанные временем политические структуры, а также многочисленные иерархии специалистов в сфере администрации, религии и науки. Поэтому с приходом новых народов стиралось не так много из ранее достигнутого, как это случилось в бассейне Эгейского моря. Другим усмирявшим фактором служил контакт, который многие варвары уже наладили с представителями цивилизации в этом регионе. Пришельцам хотелось не разрушать цивилизацию, а самим пользоваться ее плодами. В силу этих двух факторов в конечном счете случилось распространение цивилизации вширь и вглубь, а также укрепление тенденции космополитизма на протяженном и сложном, но цивилизованном и взаимосвязанном Ближнем Востоке.

История начинается в глубокой древности, где-то ближе к началу XX века до н. э., с момента вторжения хеттов на территорию Малой Азии. Они представляли собой новый вид людей на Ближнем Востоке, то есть индоевропейцев, прибывавших из западной евразийской степи, отличавшихся языком и культурой. Но они были далеко не примитивными варварами. У них имелась правовая система, и они впитали многое из того, что мог дать Вавилон. Хетты пользовались фактической монополией на железо в Азии; такая монополия играла большую роль не только в земледелии, но и наряду с их мастерством в фортификации и изготовлении боевых колесниц давала хеттам военное превосходство, ставшее бедствием для Египта и Месопотамии. Набег, в результате которого потерпел поражение Вавилон около 1590 года до н. э., стал высшим достижением первой хеттской империи. Затем наступил черед заката и забвения.

Позже, уже в первой половине XIV века, пришло время возрождения хеттской власти. При этой второй, еще более великолепной эпохе случилось так, что господство хеттов простерлось от берегов Средиземного моря до Персидского залива. Они доминировали над всем Плодородным полумесяцем, кроме Египта, и успешно бросали вызов даже этой великой военной державе, одновременно практически непрерывно находясь в состоянии войны с микенцами. Но, как все остальные империи, она рухнула приблизительно через 100 лет, ее конец наступил около 1200 года до н. э. Просматривается близость по времени, которую кое-кто считает слишком явной, чтобы говорить о каком-либо совпадении между крахом хеттской державы и набегами «народов моря», описанными в египетских летописях. Конкретными победителями хеттов были люди из Фракии, называвшиеся фригийцами, и принадлежали они к еще одной

индоевропейской группе племен, которая позже окажет значительное влияние на греческую культуру.

Еще одним показателем великого перемещения человеческих масс в данную эпоху следует назвать переселение «народов моря». Оснащенные железным вооружением с начала XII века до н. э., они совершали набеги на материковую часть Средиземноморского бассейна и разоряли города сирийцев и левантийцев. Некоторые из них могли быть «беженцами» из микенских городов, перебравшимися сначала на архипелаг Додеканес, а затем на остров Кипр. Одна их группа – филистимляне – осели в Ханаане около 1175 года до н. э., и напоминанием о них служит современное название Палестины, образованное от имени данного племени. Но главными жертвами «народов моря» стали египтяне. Наподобие викингов северных морей, 2 тысячи лет спустя прибывавшие морем захватчики и налетчики снова и снова высаживались в дельте Нила, не смущаясь эпизодическими поражениями, однажды даже отобрав контроль над этой территорией у фараона. Египет переживал напряженное время. В начале XI века до н. э. он распался на две части, на которые претендовали правители двух царств. «Народы моря» были не единственными врагами; однажды в дельте Нила появился ливийский флот, но набег его пехоты египтяне смогли отразить. Ситуация у Нубийской границы на юге все еще оставалась спокойной, но около 1000 года до н. э. на территории Судана появилось самостоятельное царство, позже доставлявшее большие неприятности соседям. Приливная волна варварских народов смывала на своем пути старые структуры Ближнего Востока точно так же, как сгубила микенскую Грецию.

События развивались настолько стремительно и непредсказуемо, что всем стало ясно: наступила эпоха слишком сложная и туманная для прямолинейного изложения ее сути. К счастью, очень скоро появляются две путеводные нити сквозь этот сумбур. Одна из них снова выводит нас на уже избитую тему, касающуюся продолжения месопотамской традиции, вступившей в последнюю фазу. Вторая представляется достаточно новой. Все начинается с события, точное время которого установить не удается, зато нам известно о нем только лишь через традицию, описанную несколько веков спустя, но оно могло случиться во времена испытаний, выпавших на долю египтян по вине «народов моря». Как бы и когда это событие ни случилось, но поворотный момент в мировой истории приходится на исход из Египта народа, который египтяне назвали иудеями, а позже во всем мире стали называть евреями.

Для многих на протяжении долгих веков история человечества до появления христианства была историей евреев и того, что они излагали в виде истории других народов. Обе эти истории записаны в книгах под названием Ветхий Завет, служащих Священными Писаниями еврейского народа, впоследствии распространенными по всему миру на многих языках заботами христианских миссионеров и изобретателями печатного станка. Евреи стали первым народом, достигшим отвлеченного понятия Бога и запретившим изображение его лика. Ни один народ не оказал великого исторического воздействия, располагая таким относительно незначительным происхождением и ресурсами. Причем его происхождение представляется на самом деле столь незначительным, что сомнения в нем не развеяны до сих пор.

Происхождение евреев прослеживается среди семитских кочевых племен Аравии, доисторическое и историческое стремление которых состояло в проникновении в земли побогаче Плодородного полумесяца, расположенного ближе всего к их изначальной родине. Первая стадия их существования, в которой просматривается история евреев, представляется в виде эпохи патриархов, традиции которых воплощены в библейских сюжетах, посвященных Аврааму, Исааку и Иакову. О серьезных основаниях для отрицания фактического существования мужчин, от которых пошли эти гигантские и легендарные фигуры, говорить не приходится. И если они существовали на самом деле, то было это приблизительно в 1800 году до н. э., а их судьба связана с неразберихой, наступившей после разрушения Ура.

В Библии говорится, что Авраам пришел из Ура в Ханаан; с этим утверждением вполне можно согласиться, так как оно не вступает в противоречие с тем, что мы знаем о расселении аморитов и других племен, случившемся в следующие 400 лет. Те из них, кого запомнили как потомков Авраама, в конечном счете получили известность как «иудеи» в значении этого слова «странник», которое не появляется в египетских письмах и надписях раньше XIV или XIII века до н. э. А ведь к тому времени они давно осели в Ханаане.

Именно как жители Ханаана народ Авраама впервые упоминается в Библии. Они предстают перед нами в образе овцеводов, организованных по родоплеменному признаку, неуживчивых в общении с соседями и родственниками, когда дело касалось дележа колодцев и выпасов для скота, все еще склонных к продолжению скитаний по Ближнему Востоку из-за засухи и голода. Одна из их групп, как нас уверяют, могла отправиться в Египет в начале XVII века до н. э.; в Библии она появляется как семья Иакова.

По мере изложения сюжета в Ветхом Завете мы узнаем о великом сыне Иакова – Иосифе, поднявшемся до больших высот на фараоновой службе. В этом месте мы могли бы надеяться на помощь египетских летописей. Появляется предположение о том, что это произошло во время господства гиксосов, так как только периодом больших пертурбаций можно объяснить невероятное возвышение в египетской бюрократии инородца. Именно так все могло и быть, только вот никаких доказательств в подтверждение или опровержение библейской легенды не существует.

Нам до всех этих сомнений дела нет, и интереса ни для кого они не представляют, кроме разве что для дипломированных ученых. Зато большой интерес вызывают события, произошедшие 1000–3000 лет спустя.

Тогда судьбы целого мира зависели от христианской и исламской цивилизаций, корни которых лежат в духовной традиции крошечного, с трудом заметного семитского племени, на протяжении веков едва различимого правителями великих империй Месопотамии и Египта на фоне многочисленных точно таких же неприкаянных переселенцев. Так уже случилось, что иудеи так или иначе пришли к единственному в своем роде духовному прозрению.

Во всем мире древнего Ближнего Востока просматривается функционирование сил, самим своим существованием способствующих прибавлению привлекательности монотеистическим вероисповеданиям. Власть местных божеств можно было подвергнуть сомнению после размышлений о причинах мощных восстаний и стихийных бедствий, снова и снова проносившихся по региону вслед за крушением первой вавилонской империи. Религиозные нововведения Эхнатона и растущая напористость культа Мардука выглядели ответами на подобные вызовы обществу. При этом одни только иудеи и те, кто дошел до того, чтобы разделить их верования, смогли довести дело до некоторого момента перед наступлением VII века до н. э., когда многобожие и местничество уступили место последовательному и бескомпромиссному единобожию. На первой стадии очищения возобладало предположение о том, что народ Израиля (так стали называть потомков Иакова) пользовался исключительным покровительством племенного божества, бога-ревнителя Яхве, который заключил договор с избранным своим народом, пообещав вернуть его в Землю обетованную, то есть Ханаан, куда Яхве уже привел Авраама из Ура. И эта Земля обетованная вплоть до наших дней остается центром этнического притяжения евреев. Выполнение такого обещания стало для евреев идеей фикс. Народу Израиля пообещали, что за любым его деянием последует нечто, о чем он мечтает. Такая трактовка радикально отличалась от всего, что витало в духовной атмосфере Месопотамии или Египта.

По мере развития древнееврейской религии Яхве приобретал образ трансцендентного (непознаваемого) божества. «Господь в храме своем святом, престол господень на небесах», – говорится в псалме. Он создал все сущее, но сам существовал независимо от всего им содеянного в качестве вездесущего духа. «Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу?» – вопрошает псаломщик. К тому же еврейскую традицию от месопотамской отличала созида-

тельная сила Яхве. Он представлялся народу Израиля тем, что позже описали в христианском вероучении «создателем всех вещей, кем все вещи созданы». Кроме того, он создал человека по своему образцу и подобию, причем как сподвижника, а не раба; человек послужил высшим пунктом и откровением его созидательной силы, существом, способным отличить добро от зла, точно так же, как сам Яхве. Наконец, человека пригласили в нравственный мир, образованный собственной природой Яхве. Только Он был носителем справедливости; выдуманные человеком законы могли отражать его волю, а могли и не отражать, но только Господь единолично выступал в роли творца права и справедливости.

Притом что библейское предание нельзя воспринимать буквально, к нему следует относиться с должным почтением как к нашему единственному свидетельству большой части еврейской истории. В нем содержится много из того, что может относиться к уже точно известному нам или предполагаться по другим источникам. Археология приходит на помощь историкам только с переселением иудеев в Ханаан. Повесть о завоевании, изложенная в Книге Иисуса Навина, подтверждается свидетельствами разрушения ханаанитянских городов в XIII веке до н. э. Наши знания о ханаанитянской культуре и религии также соответствуют рассказу в Библии о еврейской борьбе против местной обрядовой практики и вездесущего многобожия. На Палестину на протяжении XII века претендовали носители двух религиозных воззрений и два народа, и этот факт, разумеется, снова служит иллюстрацией краха египетской власти, так как такую важную область не могли оставить в распоряжении мелких семитских народов, если бы власть монарха оставалась непререкаемой. Теперь представляется вполне вероятным, что иудеи привлекли на свою сторону другие кочевые племена, ставшие пробным камнем союза на основе приверженности Яхве. После перехода на оседлый образ жизни, хотя между этими племенами возникали ссоры, они продолжали поклоняться Яхве, и это поклонение в течение некоторого времени служило единственной объединяющей их силой, так как единственный политический атрибут Израиля создало деление его на племена.

С возникновением в какой-то момент около 1000 года до н. э. иудейской монархии появляется принципиально новый властный атрибут в виде официальных пророков: пророк Самуил помазал на престол (фактически назначил) первого царя Израиля Саула и его преемника Давида. В период правления Саула, читаем мы в Библии, железного оружия у Израиля не было, так как филистимляне позаботились о том, чтобы не подвергать риску свое превосходство допущением иудеев к обладанию таким средством ведения войны. Как бы то ни было, евреи научились пользоваться железом у своих врагов; корни слов «нож» и «шлем» позаимствованы из языка филистимлян. Плужный лемех из железа еще не придумали, но, если бы эти орудия труда появились, их вполне могли перековать на мечи. Дело Саула унаследовал и завершил Давид. Из всех персонажей Ветхого Завета Давид представляется исключительно правдоподобным в силу приписанных ему достоинств и недостатков. В отсутствие археологических доказательств его реального существования Давид числится одним из виднейших героев мировой литературы, который на протяжении 2 тысячелетий служил примером для подражания всем монархам.

Тем не менее как раз сын и преемник Давида по имени Соломон оказался первым царем Израиля, заслужившим заметное международное признание. Он оснастил свое войско боевыми колесницами, предпринял экспедиции на юг против идумеев, заключил союз с Финикией и построил военный флот. Последовал период завоеваний и народного процветания. «Соломон владел всеми царствами от реки Евфрата до земли Филистимской и до пределов Египта… И жили Иуда и Израиль спокойно, каждый под виноградником своим и под смоковницею своею, от Дана до Вирсавии, во все дни Соломона» (3 Цар., 4: 21, 25). Царь Соломон пользовался возможностями, доступными слабому, когда великие находились в состоянии упадка; достижения Израиля при Соломоне служат очередным подтверждением упадка империй постарше, причем не меньшие успехи принадлежали таким теперь уже преданным забвению народам Сирии и

Леванта, составлявшим политический мир, описанный в туманных сражениях, значащихся в Ветхом Завете.

Племенная религия успешно устояла перед изначальными угрозами засорения обрядами в честь плодородия и многобожием земледельцев, среди которых иудеи осели в Ханаане. В конечном счете Израиль останется в памяти народов не в силу великих свершений его царей, а благодаря нравственным правилам, провозглашенным его пророками. Они сформулировали связи религии с нравственностью, которые должны ставиться превыше всего не только в иудаизме, но также в христианстве и исламе. Эти пророки развили культ Яхве в поклонение единственному Богу, справедливому и милосердному, непреклонному в наказании греха, но готовому принять с распростертыми объятиями раскаявшегося грешника. Речь идет о кульминационном моменте в духовной культуре на Ближнем Востоке, точке, после которой религия больше не ограничивалась конкретной территорией или племенем. Иудейские пророки к тому же со всей непримиримостью выступили за ликвидацию социальной несправедливости. Амос, Исайя и Иеремия ради этой цели втайне от привилегированной касты духовенства обратились непосредственно к народу с осуждением бюрократического аппарата жрецов. Они объявили, что в глазах Бога все люди равны, что цари не имеют права делать все, что им заблагорассудится; они объявили моральный кодекс, который назвали данностью, неподвластной человеку.

Ассирийцы стерли Израиль с лица земли в 722 году до н. э., и в результате массового изгнания большинство еврейских племен исчезло из истории. Дольше всех продержалось Иудейское царство. Оно было компактнее других и находилось в стороне от путей, соединявших великие государства; но в 587 году до н. э. вавилоняне снесли стены и храм Иерусалима. Жителей Иудеи затем тоже подвергли изгнанию, многих из них увели в Вавилон, где они находились в «вавилонском плену». Этот период считается очень важным, так как именно тогда сформировался народ, которого теперь с полным на то основанием можно называть «евреями», то есть наследниками и носителями традиции, сохранившейся до наших дней и легко прослеживаемой в истории. Снова великие империи установили свою власть в Месопотамии и обеспечили ее цивилизации последнюю возможность для расцвета. Необходимые условия, благоприятные для появления еврейского государства, исчезли. Благо для евреев, что религия Иудейского царства послужила тогда гарантией сохранения их национальной самости, тоже, казалось бы, обреченной.

Со времени правления царя Хаммурапи народы месопотамской долины оказались в стесненном положении из-за наплыва переселенцев, прибывающих из-за рубежа. В течение долгого времени их теснили хетты и переселенцы из царства Миттани, но время от времени в Ассуре и Вавилоне правили и другие народы. А когда в положенное для того время власть хеттов тоже рухнула, Древняя Месопотамия на протяжении долгого времени оставалась вообще без какой-либо великой военной мощи. Союз агрессивных семитских племен, которых ученые называют арамеями и последователями древней традиции экспансии в сторону плодородных земель из пустыни, был неудобным и неуживчивым соседом ослабших царей Ассирии в течение около 200 лет – приблизительно столько же существуют Соединенные Штаты Америки. Хотя один из этих семитских народов назывался халдеями и поэтому впоследствии его имя ошибочно присвоили Вавилонии, этот народ никак не отметился в этом деле, кроме как послужил очередным доказательством хрупкости политической конструкции древнего мира.

Очертания только начинают восстанавливаться в суматохе событий IX века до н. э. после возрождения Месопотамии. В ту пору, читаем в Ветхом Завете, ассирийские армии снова двинулись войной на сирийское и еврейское царства. Ломая сопротивление, ассирийцы возвращались снова и снова, и они одержали победу. Это стало началом нового, важного и неприятного этапа ближневосточной истории. Шел процесс формирования новой ассирийской империи. В VIII веке она шла к своему апогею, и столица Ниневия, находившаяся выше по течению Тигра, построенная вместо древнего центра в Ассуре, занимает место в месопотамской истории, кото-

рое когда-то принадлежало Вавилону. Ассирийская империя объединялась на иных принципах, отличных от остальных великих империй; фундамент ее строился не на вассальной зависимости покоренных царей и системе данников. Наоборот, местных правителей упразднили и вместо них назначили губернаторов-ассирийцев. К тому же часто с насиженных мест изгоняли целые народы. Одним из характерных методов была массовая депортация; наглядными жертвами такой высылки считаются Десять исчезнувших колен Израилевых.

Ассирийская экспансия продвигалась вперед постоянными и сокрушительными победами. Величайшие достижения последовали в 729 году до н. э., когда перед ассирийцами пал Вавилон. В скором времени ассирийские армии разгромили Израиль, вступили на территорию Египта, его цари отступили в Верхний Египет, и дельта Нила досталась оккупанту. К тому времени пал Кипр, Киликия и Сирия сдались на милость победителю. В завершение в 646 году до н. э. ассирийцы покорили важную для себя часть земли Элама, царей которой запрягли в колесницу ассирийского завоевателя и заставили тянуть ее по улицам Ниневии. Последствия этих завоеваний представляли огромную важность для Ближнего Востока в целом. Впервые за пределы его территории распространялась общая стандартная система управления. Внутрь области двинули призывной контингент солдат и депортированное население, истощившее его местничество. В качестве языка межплеменного общения распространялся арамейский диалект. После ассирийской эпохи возникла возможность появления нового космополитизма.

Эта великая созидательная мощь увековечена в памятниках бесспорной выразительности. Царь Саргон II (правил 721–705 гг. до н. э.) в Хорсабаде под Ниневией построил величественный дворец, занявший 1,3 квадратных километра земли и украшенный скульптурным барельефом протяженностью больше 1,5 километра. Богатый и роскошный двор финансировался из доходов от завоеваний. Ашурбанипал (правил 668–626 гг. до н. э.) тоже оставил свои памятники (включая обелиски, вывезенные в Ниневию из Фив), но он был человеком, проявлявшим интерес к просвещению и памятникам древности, поэтому в память о нем осталась прекраснейшая реликвия – роскошная коллекция табличек, собранная им для своей библиотеки. В этой библиотеке оказались копии всего, что существовало в летописях и литературе Древней Месопотамии. Именно этим копиям мы обязаны львиной долей наших знаний о произведениях месопотамской литературы, среди них самый полный вариант «Сказания о Гильгамеше», переведенного с шумерского языка. Представления, служившие двигателем данной цивилизации, можно легко почерпнуть из литературы, а также из других источников. Частое изображение ассирийских царей в образе охотников позволяет оценить их как царей-воителей, отражает сознательную ассоциацию того или иного царя с легендарными покорителями природы, считавшимися героями далекого шумерского прошлого.

На каменных барельефах, посвященных великим делам ассирийских царей, также повторяется, пусть однообразно, еще одно предание – предание об ограблении, порабощении, казнях на кольях, пытках и окончательном массовом переселении народов. Ассирийская империя строилась на жестоком фундаменте покорения и устрашения других народов. Возможность для этого появилась после создания мощнейшей армии того времени. Формировавшаяся на принципе воинской повинности всех подходящих мужчин и оснащенная железным оружием, эта армия к тому же располагала осадной техникой, способной разрушать до тех пор неприступные стены, и даже закованной в доспехи конницей. Ассирийская армия представляла собой объединение всех существовавших на то время родов войск, действия которых тщательно согласовывались. Возможно, к тому же ее ратники отличались особым религиозным рвением. Изображение бога Ашшура появляется на картинах над армиями, вступающими в сражение, и ему цари докладывают о победах над неверными.

Ассирийская империя пережила стремительный взлет, а потом исчезла. По причине того, что современный нам британский историк Поль Кеннеди назвал «имперской чрезмерной протяженностью территории», их цари позволили себе возложить слишком тяжкое бремя на асси-

рийское население. Через год после кончины Ашурбанипала началось разрушение его империи, и первым предвестником послужил мятеж в Вавилоне. Поддержку мятежникам оказали халдеи, а также великий новый сосед – мидяне, теперь считающиеся ведущим иранским народом. Их выход на арену истории в качестве главной державы ознаменовал важные изменения. Жители Мидии до того времени отвлекались на отражение еще одной волны вторжения варваров, пришедших с севера, то есть скифов, двигавшихся на Иран с Кавказа (и одновременно вдоль берега Черного моря на Европу). Главной их силой была легкая кавалерия, вооруженная луками для стрельбы с седла, и первый крупный прорыв этой новой силы в Западную Азию во всемирной истории совершили кочевые народы как раз из Центральной Азии. Когда скифы и жители Мидии объединили свои силы, они опрокинули армию Ассирии, вернув Вавилону его независимость; Ассирия покидает историю после разграбления Ниневии жителями Мидии в 612 году до н. э.

В результате этой благотворной грозы у вавилонского царя Навуходоносора появился шанс предоставить месопотамской цивилизации возможность пережить вторую молодость. Он объединил последнюю вавилонскую империю, которая больше всего остального владела воображением потомков. Она простиралась от Суэца, Красного моря и Сирии через границу Месопотамии и древнее королевство Элам (в то время управляемое мелкой иранской династией, названной Ахеменидами). Кроме всего прочего Навуходоносор запомнился как великий завоеватель, в 587 году до н. э. после еврейского восстания разрушивший Иерусалим и взявший в полон племена Иудейского царства. Он использовал их точно так же, как остальных пленников, на работах по украшению его столицы, «висячие сады» или террасы которой вошли в историю как одно из Семи чудес света. Ворота Иштар, которыми до сих пор можно любоваться в Пергамском музее Берлина, дают понятие об их величии. Навуходоносор считается величайшим царем своего времени, быть может, даже за все времена до его восшествия на престол.

Слава этой империи, которая находилась в зените, сходилась на культе Мардука. На великом Новогоднем празднике, отмечавшемся каждый год, все месопотамские боги – идолы и статуи провинциальных алтарей – свозились вниз по рекам и каналам на великий совет к Мардуку в его храм и для подтверждения его превосходства над всеми. Перенесенных в сопровождении процессий по пути протяженностью 1,2 километра (говорят, по самой величественной улице древности) или выгруженных на пристани Евфрата рядом с храмом, их доставляли к изваянию бога (два века спустя Геродот сообщил, что статую изготовили из двух с четвертью тонн золота). Конечно же он преувеличивал, но данное изваяние на самом деле выглядело внушительно. Потом боги обсуждали судьбы целого мира, центром которого служил этот храм, и определяли их на предстоящий год. Таким манером в богословии отражалась политическая действительность. Такое воспроизведение драмы сотворения мира служило подтверждением беспредельной власти Мардука, а также подтверждением абсолютной монархии Вавилона. Царь отвечал за обеспечение установленного порядка в мире и обладал полномочиями на это.

Так наступил последний период расцвета месопотамской традиции, закат которого уже вырисовывался на пороге. Преемники Навуходоносора теряли одну провинцию за другой. Потом настал черед вторжения в 539 году до н. э. новых завоевателей с востока – персов во главе с Ахеменидами. Переход от мирского великолепия и блеска к разрухе случился очень быстро. В Книге пророка Даниила все события суммируются в великолепной заключительной сцене пира Валтасара. «В ту же самую ночь, – читаем мы, – Валтасар, царь Халдейский, был убит, и Дарий Мидянин принял царство, будучи шестидесяти двух лет» (Книга пророка Даниила, гл. 5: Дан 30–31). К сожалению, этот рассказ написали 300 лет спустя, и все происходило несколько иначе. Валтасар не приходился Навуходоносору ни сыном, ни преемником, как это обозначено в Книге пророка Даниила, и царя, взявшего Вавилон, звали Кир. Как бы там ни было, такая выразительность еврейской традиции несет свою драматическую и субъективную

правду. Поскольку в истории древности наступил поворотный момент – это и есть он. Независимой месопотамской традиции, идущей от шумеров, наступил конец. Мы оказались на пороге нового мира. Итог старому миру торжествующе подведен в Книге пророка Исайи, в которой Кир появляется как освободитель евреев: «Сиди в безмолвии, во тьме сокройся, дочь халдеев, владычицей царей тебя уже не назовут!» (Книга пророка Исайи, гл. 47: Дан 5).

5
Начало цивилизации Южной Азии

К середине 3-го тысячелетия до н. э. в Индии сформировались основы роскошной и прочной культурной традиции, которым суждено было пережить культурные традиции Месопотамии и Египта, а также обрести огромную сферу влияния. Даже сейчас Древнюю Индию все еще можно посмотреть и пощупать в прямом смысле этого слова через сохранившуюся практически в первозданном виде индийскую литературу, религию и обычаи. Судьбы миллионов человек все еще определяются кастовой системой, основные пределы которой сформировались около X века до н. э. У деревенских алтарей индийцы до сих пор молятся богам и богиням, поклонение которым началось еще в период неолита.

Получается так, что каким-то немыслимым образом Древняя Индия дошла до наших дней, чего не случилось с остальными древнейшими цивилизациями. Но даже при всех многочисленных примерах консерватизма индийской жизни на полуострове Индостан можно встретить к тому же еще массу явлений. По его территории пролегли великие пути мыслительной и культурной деятельности, и оттуда их плоды расходились по всему свету. При всем громадном разнообразии индийской жизни всецело понять ее не составляет труда в силу масштаба и множественности оформления. Данный субконтинент, в конце-то концов, по размеру не уступает Европе, и его делят на области, четко различающиеся климатом, ландшафтом и растительным миром.

На его севере сложились системы долин двух великих рек Инд и Ганг; между ними простираются пустыня и безводные равнины, а на юге раскинулось высокогорье Декан, густо поросшее лесами. Ко времени появления письменной истории в Индии уже существовало предельно сложное расовое разделение: ученые называют шесть главных этнических групп, говорящих на многих языках, преобладающими из которых считаются индоевропейские и дравидские наречия. Позже должны были прибыть многие новые группы переселенцев, привлеченных на субконтинент изобильными для земледелия условиями Индии и обретших в ее обществе свой новый дом. Из-за всего этого разнообразия трудно сосредоточить внимание на чем-то одном.

Все же присущее индийской истории единство заключается в способности индийского общества к поглощению и преобразованию сил, вливающихся в него извне. Эта способность служит путеводной нитью, направляющей нас в условиях пестрой и неясной информации о ранних этапах индийской истории, известных по находкам археологов и притчам, долгое время передававшимся только из уст в уста. Основу всего следует искать еще в одном факте: значительной степени обособленности Индии от внешнего мира в силу географических особенностей. Вопреки огромному размеру территории Индии и ее разнообразию до тех пор, пока в XVI–XVII веках н. э. европейцы не начали осваивать океанские просторы, индийцам очень редко приходилось отражать вторжения чужих народов, и, как правило, без особого успеха. С севера и северо-запада Индия отгорожена от врагов грядой одних из самых высоких в мире гор; на востоке пролегает пояс непроходимых джунглей. Низинные две стороны большого треугольника субконтинента Индостан открыты огромному пространству Индийского океана. Такое естественное положение не только направляло и ограничивало связь индийцев с внешним миром; оно к тому же создавало в Индии своеобразный климат. Большая часть Индии лежит за пределами тропического пояса, но при этом ее климат считается тропическим. Горы сдерживают лютые ветры из Центральной Азии; протяженные побережья открываются настежь напитанным влагой дождевым облакам, набегающим со стороны океанов и не способным преодолеть северные горные кряжи. Климатическими часами служит ежегодный муссон, прино-

сящий ливни в самые жаркие месяцы года. Этот муссон до сих пор служит центральной опорой аграрного хозяйства.

Постоянно в известной мере огражденная от внешних сил, пусть даже до наступления новейших времен, северо-западная граница Индии все-таки больше открыта для внешнего мира, чем остальные ее рубежи. Белуджистан и пограничные горные перевалы служили самыми главными зонами столкновения Индии с другими народами на протяжении всей истории до самого VII века н. э.; в цивилизованные времена даже контакты Индии с Китаем были сначала установлены этим окольным маршрутом (хотя он составляет не совсем кольцо, как представляется из знакомой всем проекции, предложенной Меркатором). Временами эта северо-западная область попадала под непосредственное влияние иноземцев, которое представляется предположительным, когда мы размышляем над первыми индийскими цивилизациями; об их возникновении нам известно совсем немного, но мы знаем, что предшествовали им цивилизации Шумера и Египта. В месопотамских летописях времен Саргона I Аккадского сообщается о контактах с народом далекой страны Мелухха, которая, как считают ученые, находилась в долине Инда, аллювиальные равнины которой образовывали первую естественную область, куда попадали путешественники, как только прибывали в Индию. Именно в этой богатой, густо поросшей лесами сельской местности появились первые индийские цивилизации в то время, когда дальше на западе в качестве рычагов истории пришли в движение массы индоевропейских народов. Стимулов к появлению индийской цивилизации можно отыскать сразу несколько.

Имеющиеся свидетельства к тому же указывают на то, что земледелие пришло в Индию позже, чем на Ближний Восток. Его на этом субконтиненте сначала можно отследить в северо-западном углу. Существуют археологические доказательства появления земледелия в Белуджистане около 6 тысяч лет до н. э. Три тысячи лет спустя появляются признаки оседлой жизни на аллювиальных равнинах Индии, то есть процесс идет параллельно с эволюцией остальных направлений культуры долин рек. Археологам начинает попадаться глиняная посуда, изготовленная на гончарном круге, и медные орудия. Все признаки указывают на постепенное наращивание плотности земледельческих поселений, пока не появляется полноценная цивилизация, как это случилось в Египте и Шумере. Но не стоит отвергать возможность прямого месопотамского влияния, и, наконец, представляется как минимум разумным предположение о том, что будущее Индии формировали уже новые народы, прибывавшие с севера. В поддержку такого предположения можно привести сложный расовый состав населения Индии в самой глубокой древности, но однозначно настаивать на нем было бы опрометчиво.

Когда наконец-то появляются бесспорные доказательства цивилизованной жизни, изменения выглядят потрясающими. Один ученый назвал их «культурным взрывом». Все, вполне вероятно, заключалось в одном решающем шаге в сфере технической эволюции – изобретении обожженного кирпича (в отличие от высушенного на солнце глинобитного кирпича из Месопотамии), сделавшем возможным регулирование паводкового стока в речной долине, где природный камень было не найти. Каким бы на самом деле ни был этот процесс, в результате появилась замечательная цивилизация, раскинувшаяся на четверти с лишним миллиона квадратных миль долины Инда, что больше площади, занимаемой цивилизациями шумер или египтян.

Кто-то называет цивилизацию реки Инд «хараппской» в честь одного из крупнейших городов – Хараппы, стоящего на притоке Инда. Можно назвать еще одно такое место – город Мохенджо-Даро; известны также три других места. Там жили люди, отличавшиеся высокой организацией общины и способные выполнять тщательно организованные коллективные работы в объемах, сопоставимых с выполнявшимися в Египте и Месопотамии. В городах оборудовали крупные зернохранилища, на значительных территориях внедрили единый стандарт мер и весов. Ясно, что высокоразвитая культура возникла уже к 2600 году до н. э., и она около

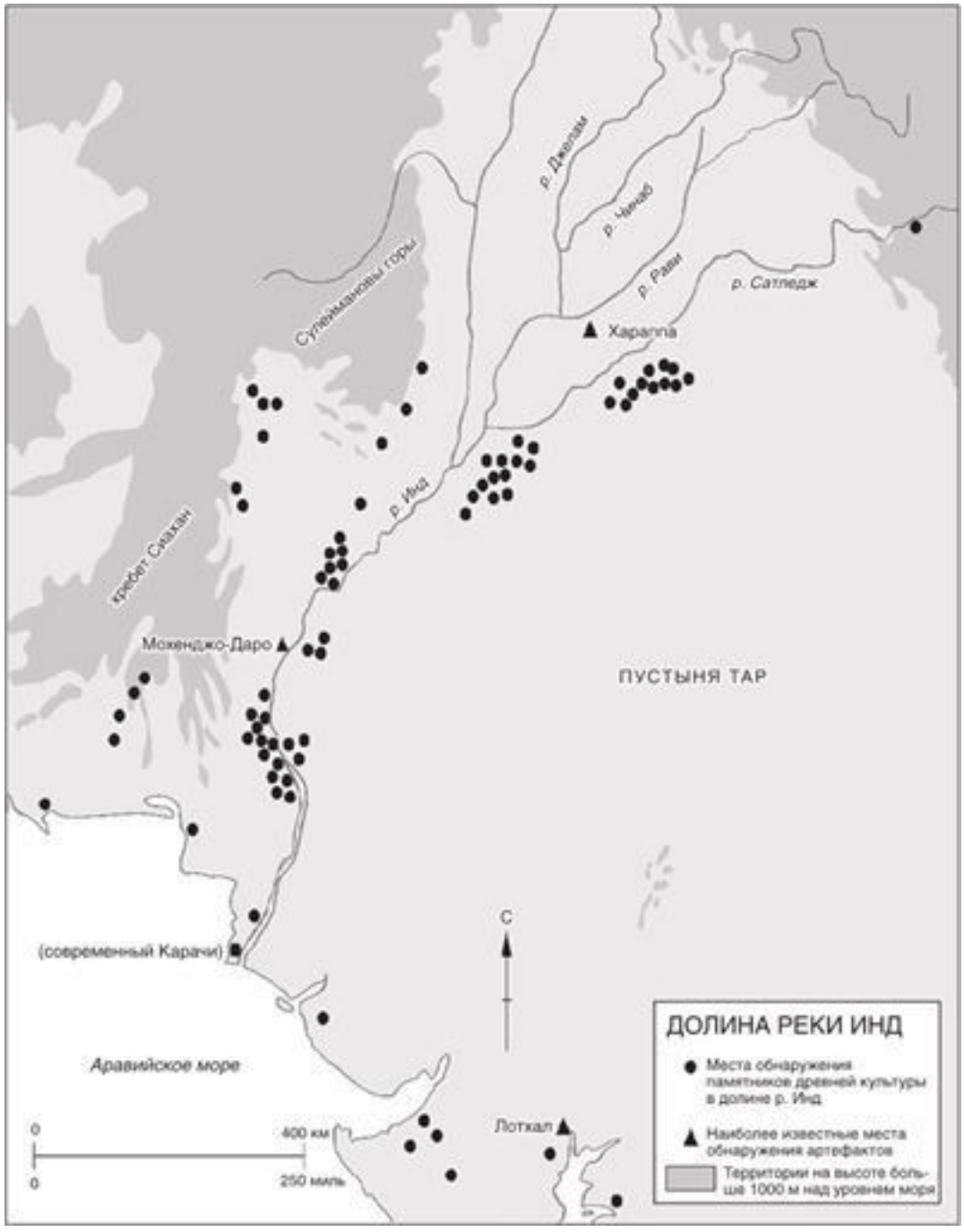
600 лет просуществовала с незначительными изменениями, а потом, во 2-м тысячелетии до н. э., пошла на спад.

В каждом из двух городов, представляющихся ее величайшими памятниками, могло проживать больше 30 тысяч человек. Такая многочисленность городского населения характеризуется высокой степенью развития земледелия, за счет которого оно существовало; эта область в те времена была далеко не засушливой зоной, какой стала позже. Территории городов Мохенджо-Даро и Хараппы ограничивались 3 и 4 километрами по эллипсу, а однородность и сложность их застройки свидетельствуют об очень высоком уровне административного и организационного таланта индийцев. Каждый из городов делился на цитадель и жилой район; улицы жилой застройки формировались в виде прямоугольной в плане сетки, а дома строились из кирпичей стандартизированных размеров. Тщательно продуманные и отвечающие своему предназначению системы отвода стоков и внутренняя планировка зданий обнаруживают большую заботу об обеспечении санитарного состояния горожан и чистоты среды их обитания; на некоторых улицах Хараппы почти в каждом доме оборудована ванная комната. Не требуется большой фантазии, чтобы увидеть в такой заботе о чистоте первые проявления устойчивой особенности индийской религии, состоящей в купании и ритуальных очищениях, исключительно важных и для нынешних индуистов.

Жители этих древних городов занимались самыми разными делами, и хозяйственная их жизнь представляется весьма сложной. По наличию крупной верфи, связанной с морем каналом протяженностью без малого 2 километра у города Лотхал, расположенного в 640 километрах к югу от Мохенджо-Даро, напрашивается предположение о важности внешних обменов через Персидский залив с далекими северными землями, такими как Месопотамия. В городах хараппской цивилизации сохранились свидетельства существования ремесленников узкой специализации, получавших нужные им материалы из самых разных мест, а потом отправлявших свои товары во все концы света. При этой цивилизации люди уже пользовались хлопчатобумажной тканью (первой, существование которой мы можем подтвердить надежными доказательствами), и ее было достаточно много, чтобы заворачивать в нее партии товаров на вывоз, упаковочную веревку которых снабжали печатями, обнаруженными в Лотхале. Эти печати служат одним из доказательств существования хараппской грамоты; подтвердить ее можно с помощью нескольких надписей на осколках глиняной посуды, и это все, что представляется первыми следами индийской письменности. Печати, которых сохранилось около 2,5 тысячи штук, дают нам ясное представление о воззрениях индийцев времен хараппской цивилизации. Пиктограммы на этих печатях читаются справа налево. На них часто появляются изображения зверей, представлены шесть сезонов, на которые делился год. Многие «слова» на печатях остаются непрочитанными, но теперь хотя бы кажется вероятным то, что они относятся к языку, родственному дравидским диалектам, все еще использующимся в южной Индии.

Представления и приемы из Инда распространяются по всему Синду и Пенджабу, а также дальше вниз по западному побережью Гуджарата. Этот процесс занял века, и картина, обнаруженная археологами (некоторые места теперь погрузились на дно моря), выглядит слишком запутанной для воссоздания некоего последовательного образа. Однако влияние этой культуры не сказалось в долине Ганга, где располагалась еще одна обширная богатая илистыми отложениями область, в которой могла жить значительная часть населения, и на юго-восток. Там развивались иные культурные процессы, но от них не осталось ничего, столь же захватывающего воображение. Некоторые элементы культуры Индии должны были происходить из других источников; кое-где проявляются следы китайского влияния. Но однозначно об этом судить сложно. Рис, например, начали выращивать на территории Индии в долине Ганга, но мы не знаем, откуда его туда завезли. Одно из предположений заключается в том, что он как-то попал из Китая или Юго-Восточной Азии, на побережьях которой рис культивировали приблизи-

тельно с 3000 года до н. э. Две тысячи лет спустя эта главная составляющая питания индийцев распространилась практически по всему северу страны.



Не дано нам знать и причину упадка первых древнейших индийских цивилизаций, хотя время их кончины приблизительно можно назвать. Неустойчивое равновесие земледелия на берегах Инда могло нарушиться из-за разрушительных наводнений на этой реке или в результате не поддающегося контролю изменения ее русла. Леса могли истребить местные жители, вырубившие деревья на дрова для печей, в которых обжигался кирпич, необходимый для строительных работ в Хараппе. Свою роль могли сыграть и другие неизвестные нам пагубные для людей факторы. Скелеты людей, предположительно прямо на месте их гибели, найдены на улицах Мохенджо-Даро. Хараппская цивилизация в долине Инда могла погибнуть около 1750 года до н. э., и все поразительно совпадает по времени с нашествием в индийскую историю

одной из ее великих созидательных сил, то есть вторжением «арийцев». Однако ученые отказываются проявить благосклонность к мнению о том, что захватчики разрушили индийские города речных долин. Возможно, пришельцы вступили на землю, уже полностью истощенную чрезмерной эксплуатацией и естественными неполадками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.